

МИРЕР

АХМЕТ
АХАЙ

10 руб.

МИРЕР
АХМЕТ
АХАЙ
ЕША
СІКІНІ

МИРЕР

АХМЕТ АХАЙ

ОЗЕНБАШСКИЙ

ПЕРВАЯ КНИГА СКАЗОК

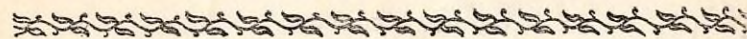
ИЛЛЮСТРАЦИИ А. МОРОЗОВА-ЛАС

МОСКВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1940

В глубине горного Крыма, под высокой яйлой, поросшей густыми лесами, есть деревня Озенбаш. В незапамятные времена в бедной скале этой горной деревни жил знаменитый Ахмет-Ахай¹.

О детстве его мало кому что известно. Предания и сказки сохраняют образ юноши Ахмета-Ахая, образ зрелого человека, образ старика—но нет сказки о его смерти.

Известно, что Ахмет-Ахай, уже будучи стариком, срезал однажды свою длинную седую бороду, продал ее на ялтинском базаре и, отправившись в свой родной Озенбаш, по дороге, в лесной пещере, снова нашел свою юность. Он живет и теперь, утверждает народ, но трудно сказать, где именно—может быть, в крымских лесах, а возможно, что он уехал из Крыма и живет теперь в самой Москве.

Отец Ахмет-Ахая—бедный чабан,—говорит одна легенда,—а мать—простая крымская женщина. Другая рассказывает о том, что Ахмет-Ахай—сын Большого Озенбаша и отцом его является весь крымский народ. Третья—что он сын густых лесов над Озенбашем. Четвертая—что он сын смеха.

¹ «Ахай» (акай, ака)—слово, обычно прибавляемое в Крыму к собственному имени: «Ахмет-Ахай»—значит «брат, братец Ахмет», или, по-нашему, «лядошка Ахмет».

А сам Ахмет-Ахай в одной из сказок говорит о себе, что мать его—горная буря, а отец Бьюк-бугай, бык-землетряс. Тот самый Бьюк-бугай, который держит на одном из рогов свою землю. Устав, он ее перебрасывает на другой, и разверзаются тогда в земле пропасти, грохочут горы, извергая смерчи дыма и пламени, и трепещут и укасаются люди.

Но если по-разному толкуют о происхождении героя, одно остается неизменным во всех сказках—юн ли Ахмет-Ахай, стар ли он,—он бедняк. Его достояние—это бочка с выбитым дном, чабанская палка, пара старых чарыков и джуппе, на котором «шестнадцать больших дыр и восемнадцать малых». Однако этот бедняк богат как никто: сын смеха, он и отец смеха, его бездонная бочка полна песен и сказок, и он щедро дарит их людям. Его ноги не знают усталости, измеряя его обширные владения,—он господин горных дорог, лесов, базаров. Он желанный гость повсюду. Его имя произносят с весельем и уважением. Его знают все. Об Ахмет-Ахаве слухом полнится крымская земля.

Он бесстрашен—с помощью своей палки и бездонной бочки он побеждает семь злых великанов. Он гроза для жадного муллы, для корыстолюбивого судьи-кадия, для жестокого богача Косебая. Он друг бедняка, он его советник и учитель, он мудрец и балагур. Он шут у старого хана и, по славной древней традиции, блестяще водит за нос и оставляет в дураках своего могущественного повелителя. Он многолик—он поэт и художник, он актер. Он претворяет простые вещи в средство могучего воздействия на людей. Он неисчерпаем на выдумки. Его фантазия и воображение непрестанно вбирают, впитывают все, что встречается на пути, и щедро разбирают всякому, кто любит и умеет видеть и слышать.

В этом весельчаче из Озенбаша дает крымский народ сгусток мудрости, испытанной веками. Откуда же эта мудрость,—вадает себе вопрос рассказчик,—если так часто еще и сейчас Ахмет-Ахай многие называют глупцом?

Мучительное недоумение человека, страдавшего от социальных несправедливостей, могла разрешить только сказка. Человеческий разум был опутан оковами того социального порядка, который подавлял свободу, и только сказка могла объяснить, как сумел простой человек из народа возвыситься над обществом, среди которого жил.

Этот простой человек из народа, оказывается, много путешествовал по свету, а много знает,—говорят на Востоке,—не тот, кто много жил, а кто много странствовал. Ахмет-Ахай, удовлетворяя свою жажду любознательности, попал в Аджемистан (Иран). Там отыскал он чудесную пещеру, подземный чертог трехугольный. Ежегодно на миг туда впускают ищущих знания, но сразу выгоняют вон. Крымский же искатель знаний Ахмет-Ахай, закупив 360 фиников, ухитрился пробраться в аджемистанский храм мудрости и, съедая ежедневно по финику, пробыл там целый год.

Какими же тайнами он овладел там? Стал ли он богаче знаниями, когда вышел? И да, и нет—каким был, таким и остался, но понял, что всегда был умным, что зря его называли глупцом. Но он на это не обижается. Для того чтобы посмеять человека, для того чтобы перехитрить хитреца, этот народный мудрец надевает на себя маску дурачка. Он должен скрываться под этой личиной, пока живет в обществе, классово ему чуждом—среди жадных мулл, продажных судей-кадиев, среди кулаков-косебаев, помещиков-мурз и тиранов-ханов. Так ему безопасней смеяться над ними.

Но не всем ясен был настоящий облик Ахмет-Ахав. Не каждый понимал, к чему клонят странные, «глупые» речи озенбашца, чего он добивается «болтливости» своими рассуждениями и кажушимися порой нелепыми советами. Не всегда знал народ до конца сказку, вскрывавшую умную игру шута. Поэтому Ахмет-Ахай глупец сосуществует еще и сейчас с Ахмет-Ахавым мудрецом.

Естественно таким образом, что и всемирно распространенный цикл анекдотов о глупости,—у нас—пошехонский цикл, у немцев—цикл анекдотов о жителях Шильды, у евреев—о жителях города Хелма, в Турции—о кастамунийцах и т. д. и т. п.,—наслоился на Ахмет-Ахав. И более того: подобно тому, как в Абдере, древнем греческом городе во Фракии, жителей города—«абдеритов»—ославили глупцами, хотя город этот—родина мудрых античных философов: Демокрита, Анаксагора, Протагора,—в горном Крыму злые языки объявили, что не только сам Ахмет-Ахай, но и все озенбашцы, земляки его, дураки.

Таким образом, надо полагать, что старейшие сказки об Ахмет-Ахаве—это сказки о «глупом» озенбашце. И долго рассказывали эти сказки, пока народ не убедился, что ошибается и что веселый дядюшка озенбашец не глуп, а умен и—больше того—мудр.

Вот решил Ахмет-Ахай собрать урожай топорков. Сажает он старый свой ржавый топор в землю и ждет всходов. Так и не дождавсь их, он обращается с укоризненной, презрительной речью

к аллаху, бессильному сделать то, что может сделать человек, то есть сотворить топор. Это предприятие по меньшей мере странно, даже глупо, но как хорошо оно доказывает несостоятельность аллаха.

Вот Ахмет-Ахай, избранный муллой после смерти озенбашского служителя аллаха, спешит в мечеть, чтобы поспеть к намазу, и, во время омовения в реке уронив свой чарык (башмак) в воду, отправляется искать его вверх по течению реки. Естественно не найдя его, он обращается к аллаху с претензией: «Если ты не спешишь, почему мне спешить? Если ты не хочешь сделать такое пустячное чудо, как заставить мой чарык поплыть против течения вод твоих, то почему я должен в мечеть твою идти против течения желаний моих?»—и, возмущенный, отправляется к себе домой.

Ахмет-Ахай в этих и десятках других подобных сказок—глупец, но только с виду. Это скорее игра в глупого. Он как бы искушает своего противника или собеседника.

В сказках «Тысяча и одна ночь» два ловкача, потешаясь над простаком-хозяином, уводят у него из-под носа осла. Когда простак оборачивается назад—перед ним стоит человек, надевший себе на шею повод. Видя изумление простака, ловкач плетет небыллицу, что это аллах наказал его за то, что он, пьяный, побил мать. И дома простодушный хозяин и его супруга горюют, что они так долго изнуряли работой несчастного человека в образе осла.

Сравнительно поздно, только в XVI-XVII вв., проник этот анекдот в Турцию, где еще уцелела комическая концовка: встретив позже на базаре осла, похищенного у него хитрецами, ходка Насрэддин наклоняется к ослу и шепчет, что, верно, он опять напроказил, раз аллах отнял у него вторично человеческий образ. Из Турции этот анекдот проникает и в Крым, где на этом сюжете развернулась длинная цепь похождений Ахмет-Ахая и его осла.

Косвенные улики говорят, что Ахмет-Ахай знал ходку Насрэддина. Впрочем, оба они долго странствовали по свету, если, вообще говоря, это разные герои, а не одно лицо, выступающее под разными именами, у разных народов.

В средние века пришельцы из стран Ближнего Востока были в Крыму желанные гости, среди них сюда наезжали и «меддахи»—рассказчики. Сначала славил они героев воинствующего ислама, потом слагали сказы о подвигах местных крымских батарей. Так, на старой основе воспели они и Тугай-бека, громившего поляков. Меддахи тешили народ прибаутками. Они завезли, быть может, и анекдоты о ходке Насрэддине. А впрочем, связи между Крымом и Ближним Востоком были тесные—торговые, а то и просто ездили

татары через Турцию в Мекку и, коротая дни и ночи во время далекого путешествия, слушали и передавали смешные истории о шуте под именем ходки Насрэддина или под другими именами.

Мировой шут попал в Крым, и был бы плохим шутком, если бы забыл освоить местную культуру. Он вспомнил, что кочевые татары—ногайцы в Крыму возили на телегах дома—юрты и так переезжали с места на место (этот обычай сохранился в брачном обряде), и когда строил себе дом, он подвел под него колеса. Рассказ об этом записан от умного старика, ответившего на вопрос, как сделать, чтобы книга понравилась всем. «А сделать надо так,—посоветовал старик,—как Ахмет-Ахай делал, когда строил себе дом—он долго не мог никому угодить: этот заявлял, что дом должен быть обращен на север, тот—на юг. И, переделывая дверь и окна, строитель, вконец замученный противоречивыми советами, вышел из положения, поставив свой дом на колеса».

Ахмет-Ахай охотно любит уходить в глубь веков. С ним связано в Крыму очень много старых легенд.

Есть над Озенбашем большая гора Бойка. Там до пятидесяти урочищ, и почти каждому из них приписываются легенды, так или иначе связанные с именем Ахмет-Ахая.

На этой горе автору книги удалось познакомиться с очень интересным чабаном. Он рассказывал о живших когда-то в Крыму «френках», которые и сейчас, порою под видом джинов, появляются в горах, ноют песни, пляшут. Ему самому однажды,—говорил чабан,—пришлось видеть таких джинов. Как и френки, они были одеты в брюки, широкие внизу, а кверху сужающиеся. Сначала чабан не связывал Ахмет-Ахая с френками, но уже в середине разговора подчеркнул, что Ахмет-Ахай жил в то же время, что и френки. Наконец пастух договорился до того, что Ахмет-Ахай и сам был френком, а уж позднее сделался «урумом», когда наступили времена «падишахов-урумов».

У пастуха в голове все перепуталось. Он смешал время «падишахов-урумов» (и кого он тут подразумевает: то ли византийцев, то ли сельджукидов Рума—Малой Азии,—неясно) с временами, когда в Крыму господство христиан перешло к мусульманам, а потом от мусульман опять к христианам. Все перебыл чабан. Но одно он знает совершенно точно: односельчане Ахмет-Ахая в ужасе ожидали, что падишах урумов подвесит на минарет колокол.

Поселившись в Озенбаше, наш мудрец и стал называться Ахмет-Ахаем. Здесь—его вторая родина. Только какой Озенбаш? Есть Большой (Бьюк-Озенбаш) и Малый (Кучук-Озенбаш).—об этом-то

и идет спор между жителями деревень. Только спор этот не похож на тот спор, который возник между семью городами из-за Гомера. Зная, что соседи смеются над ними, жители Большого и Малого Озенбаша, отказываясь от Ахмет-Ахая, перекидывают его друг к другу. «Это не мы дурни, а они»,—хотят этим сказать.

Может быть, причиной этому послужило то обстоятельство, что первой мишенью для своих насмешек Ахмет-Ахай избрал озенбашцев.

Что же оставалось делать пришельцу? Он обиделся, бросил вторую свою родину, и начались скитания, прославившие его имя.

Этот непоседа теперь всему Крыму знаком и, может быть, лучше, чем Озенбашу. Чем ближе к старому центру татарской культуры—Бахчисараю, чем ближе к Озенбашу, тем чаще рассказывают о нем как о глупце, чем дальше от Озенбаша—тем упорнее говорят о мудрости Ахмет-Ахая.

И вот отдельные разрозненные анекдоты, оторвавшиеся иногда от больших законченных тем, объединяются теперь вокруг этого имени. В советском Крыму создается новое большое полотно, на котором зарисовывается богатая приключениями жизнь озенбашского мудреца—скитальца, шута, насмешника, борца за правду и справедливость, извечного врага кадия, муллы, мурзы, хана и даже самого аллаха.

В Крыму наблюдается дальнейшая эволюция типа мирового шута. Ахмет-Ахай приобрел там большую популярность. «Там, где звучит хорошая песня,—говорят в Крыму,—непреренно услышишь и шутку Ахмет-Ахая». Старые анекдоты о нем обогащаются, пополняются новыми деталями, и все явственнее становится социальная их острота. Гранятся и отшлифовываются старые сказки и создаются новые. Велики, неисчерпаемы богатства крымского фольклора. Недаром говорит о себе крымский сказочник, что глубок он, как бездонная бочка Ахмет-Ахая,—сколько из нее ни черпай—не вычерпашь.

Большинство сюжетов этих сказок как будто давно зафиксировано в мировом фольклоре. Но ведь сказочные сюжеты, где бы они ни возникли, неизбежно становятся достоянием всего человечества. Для сказки, для слова таможенные границы или пикеты бесполезны. Крым находился в центре и торговых путей, и военных столкновений. А часто и простой случай мог занести в Крым сказку или анекдот неведомо откуда.

Кажется, у Поля де Регла записана история-буффонада о человеке, который построил над павшим ослом «тюрьбу» (гробницу) и, выдавая его за «азиза» (святого), обманывал легковверных мусульман. Легенда эта, записанная позже в Турции, проникла также в Крым и прикрепилась к циклу об Ахмет-Ахее.

На лжи, на наглom обмане построено господство муллы,—это хорошо видел всегда крымский татарин, и теперь, после Октябрьской Социалистической революции, народ во весь голос заговорил, о чем должен был молчать, живя в классовом обществе.

Где только можно, мулле и кадию, именем аллаха и Корана обиравшим и эксплуатировавшим бедняков, достается от бейнамаза (безбожника) Ахмет-Ахая. Бесчисленные антирелигиозные анекдоты, таившиеся где-то в глубине, шопотом передававшиеся в кругу друзей, всплыли на поверхность. Их охотно пересказывает теперь крымский колхозник-виноградарь, садовод, рабочий и чабан.

Сейчас в сказках о мулле Ахмет-Ахай сознательно играет на жадности его и лицемерии, устраивая ему ловушки и ставя в совершенно неподобающие для почтенного служителя аллаха положения («Мешок орехов, бог и соловей»). В сказке «Курбан из камсы» Ахмет-Ахай помогает озенбашцам избавиться от праздничного налога мулле, научив их отнестись ему вместо бараньих шкур (курбан) «шкурки» камсы на том основании, что у камсы тоже «два глаза, один хвостик и один рот». Разъяренного мулле он успокаивает великолепным советом засеять камсой поле, так как она—не что иное, как «семена огромных морских рыб». Соблазнив жадного до денег мулле богатым урожаем, он продолжает давать ему советы по уходу за драгоценным посевом и вводит его в огромные расходы.

В сказке «Бездонная бочка» Ахмет-Ахай—великодушный обманщик, спасший от засухи плодовые сады озенбашцев, ленивших тащить воду на гору для их поливки. Поставив в своем саду, расположенном выше всех садов озенбашских, бочку с выбитым дном, он предложил своим односельчанам наполнить ее водой. И тому, кто воьет в нее последнее ведро, он обещал половину своего сада. Все принялись за дело. Но сколько ни лили воду в бочку, она не наполнялась. Так остался за Ахмет-Ахеем его сад в целости и неприкосновенности, зато вода, вытекающая из бочки, побежала по склонам горы и напоила все сады Озенбаша.

Во всех своих обликах Ахмет-Ахай меняет, варьирует приемы своей игры и методы воздействия на людей. Это стремительно бьющий источник выдумок, шуток и невинных, и острых. Это

народный, реальный горно-крымский герой, бессмертный, как смех, бессмертный, как мудрость.

Он живет и действует в повседневном быту, среди реальных людей и отношений. Поэтому-то он и близок народу. О его шутках, путешествиях, изречениях, о его палке и бездонной бочке рассказывают в деревнях горного Крыма, на базарах и постоянных дворах Ялты, Бахчисарая, Карасубазара, рассказывают в пастушьих кошах на ййле. Всюду знают его во всей его многоликости и многогранности. И чабаны на ййле хоть и предпочитают рассказывать о чабанах Ахмет-Ахае, знают однако и о мулле Ахмет-Ахае, и о кади Ахмет-Ахае, и о богатыре Ахмет-Ахае, об этом перемешнике, шуте, хитреце из хитрецов, мудреце из мудрецов, об этом не знающем смерти герое, истинный и единственный отец которого—творческий гений народа, а мать—жизнь и природа горного Крыма.

Давно утратив узко-национальные черты (да и были ли они у него, этого международного странника?), сбросивший путы, которые наложила на него подъяремная жизнь, Ахмет-Ахай вдвойне дорог теперь трудящимся, безразлично, будет ли это татарин или кто другой. Еще один обаятельный, искрящийся умом и весельем образ становится в ряд народных героев наших братских национальных республик.

«Ахмет-Ахай Озенбашский»—книга веселья и юмора, книга мудрости и справедливости, как всякий свод настоящего народного творчества. Язык книги свеж и народен, образ ярок и локален, интонация стремится следовать подлиннику, разговорна и ритмична. Сюжетность сказок, четкость и своеобразие их героя, забавность ситуации обеспечивают этой книге место на книжной полке рядом с другими книгами вечно юными и вечно зрелыми. Ахмет-Ахай—брат Тили Уленшпигеля, брат Кола Бреньона, он из той же крешкой, жизнестойкой и жизнерадостной породы людей, что и они.

Книга эта убедительнее всяких слов покажет человеческую многогранность образа этого бессмертного народного героя, о котором говорят в Крыму, что «смех его в мешке не увезешь, на верблюде не увезешь».

Предисловие составлено из работы востоковеда—профессора
Вл. А. Гордлевского «Ахмет-Ахай» и из статьи С. И. Рошаль.

Редакция

*Посвящается академику
Юрию Матвеевичу Соколову*

ОТ АВТОРА

В Крымской АССР развивается и цветет богатейший комический эпос, связанный с народным мудрецом Ахмет-Ахаем. За шестнадцать лет работы (начата в 1924 году) в приморских глухих деревнях, на базарах городов, в густо населенных поселках, в кошах у чабанов, от прохожих на дорогах и у рыбаков на берегу моря удалось услышать около пятисот рассказов, сказок, анекдотов и народных сцен, посвященных этому веселому дядюшке, чье жилище, по словам рассказчиков, когда-то было в Озенбаше, а сейчас неизвестно где. Здесь публикуется примерно одна треть работы в ее первоначальном виде. В дальнейшем предполагается издать еще два тома повествований и сцен об Ахмет-Ахаете, старого, дореволюционного и, главным образом, нового, советского происхождения. Затем автор надеется в недалеком будущем оформить из всех этих материалов единый свод комического эпоса крымских татар под названием «Ара-да-бул» («Ищи и найдешь»).

АХМЕТ-АХАЙ ОЗЕНБАШСКИЙ

СКАЗКА

О ЖЕСТОКОМ ХОЗЯИНЕ КОСЕБАЕ И О ЧАБАНЕ

АХМЕТ-АХАЕ, НАЗВАВШЕМСЯ СУМАСШЕДШЕЙ СКАЛОЙ

де было море—Медведь-гора образовалась, где были скалы—Палат-гора образовалась, где была зола—Черная гора образовалась. Из воды огонь пошел, из камня жизнь пошла, из бедности ум пошел. Где мучение было—там счастье есть, где нищета была—там богатство есть, где глупость была—там мудрость есть и будет.

Жил, говорят, в старину в Озенбаше один очень бедный человек. Звали его, говорят, Ахмет-Ахаем. Был он шестимесячным в материнском чреве, когда отец его, старый чабан, умер. А отчего—не знал Ахмет-Ахай. Говорили на яйле—умер от бури горной, а правда ли—не знал Ахмет-Ахай. И где могила отца, не знал бедняга.

Подрос сынок и тоже пошел на яйлу чабановать.

На яйле высокой, среди скал и ветров, жил он бедно-бедно. Катык, чеснок, лук и черствый хлеб—вот чем питался.

Но чеснок, и тот весь вышел, и не знал чабан, как избыть нужду горькую.

Обувал бедняга чарыки кожи воловьей, брал на плечи тулуп чабанский, брал бурдюк из овечьей шкуры, брал в руки иргах чабанский и из коша заоблачного уходил, с яйлы высокой вниз спускался. Он с яйлы высокой вниз спускался и своему любимому иргаху говорил:

— Эх ты, палочка, палочка, бедный спутник мой! Одна у нас с тобой печаль-кручинушка. В луговины высоких гор я ходил с тобой овец пасти. С высоты на высоту поднимался, сорок сортов цветов срывал. Цветы собирал медоносные, что пчелы любят. Хотел заработать барашков, но вшей заработал. Палка моя, палочка, с тобою я из коша ушел, но вернусь ли в кош обратно?

После этого спустился Ахмет-Ахай с высот яйлы и вошел в один темный лес. Возле одного дерева с удивлением остановился. Видит—кора зашевелилась, показалась борода, глаза, нос, и вышел из дерева старый человек.

Молодой чабан очень испугался и хотел бежать. Но старик остановил его и сказал:

— Подожди.

— Кто ты?

— Не знаешь меня? Я отец твой. В этом лесу был я убит.

— Как? Ты был убит?

— Да, сынок, я погиб в горах, но не от бури горной. Не ветер, не камень и не вода погубила меня.

— А кто же тебя погубил?

— Меня погубил жестокий человек с лицом змеи, с душою волка. Я пас ему овец, и он за это бил меня. Я его на руках носил, и он за это бил меня. Я пас ему на Бабугане его овечьи стада, и случилась буря, и буря эта, свистящий белый ураган, с вершины Роман-коша снес в пропасть четырех его овец. За это стащил меня хозяин с гор высоких, к реке Салгиру поволок. И привел он меня в этот темный лес, и здесь схватил он острый ятаган и хотел с меня содрать семь шкур, вот в

этом темном лесу, который шумит и темнеет по пути с яйлы к его проклятому владению. Сынок мой, когда выйдешь из этого леса, встретит тебя змея в облике человека. Она захочет тебя на работу взять, но ты ее остерегайся. С нею дружбу кто заводит, врагом народу становится. Кто откровенен с нею бывает, тайны родного дома продает. Кто руку ей подает, голову свою закладывает, сын мой.

Сказал и исчез. И опять перед Ахмет-Ахаем в лесу большое дерево оказалось с неподвижной корою.

Погрустил Ахмет-Ахай сколько-то времени, затем вышел он из темного леса и пошел по низине.

Много ли шел, мало ли, к вечеру встречается ему богач-безбородко Косебай в желтом камзоле, желтых шароварах, в белом кушаке. С этим Косебаем дружбу кто заводит—врагом народу становится. Кто откровенен с ним бывает—тайны родного дома продает. Кто руку ему подает—голову свою закладывает.

К чабану Ахмет-Ахаю этот желтый Косебай подходит и спрашивает:

— Как зовут тебя, яш-оглан?

— Меня зовут Дели-хая,—сказал Ахмет-Ахай.

— Куда идешь, Дели-хая?

Назвавший себя Сумасшедшей скалой ответил:

— Ищу работу.

— А я ищу батрака. Не пойдешь ли ко мне?

Пошли к Косебаю. Составили бумагу:

«Батрак Дели-хая работает у желтого Косебая. Урожай—баю, приплод баранты—баю, а батраку Дели-хае—все, что вырастет на бесплодных скалах. Если батрак Дели-хая обозлится, бай с него семь шкур одну за другой снимает и семь батманов соли один за другим насыпает. Если же бай обозлится, батрак с него может всего только одну шкуру снять, но соли сыпать права не имеет».

Подписали. Заверили у кадия.

Наступила ночь, Косебай, не накормив батрака, уложил его спать в пустом холодном сарае на голой земле. Сам же удобно разлегся на мягких тюфяках под цветными одеялами.

Утром Косебай жирно покусал, а батрака Дели-хаю голодного погнал в поле и дал ему в спутники собачонку.

— Где она пробежит,—говорит,—там мое поле. Паши на паре волов и, пока я не приду, работы не бросай.

Ахмет-Ахай, назвавший себя Дели-хаей, весь день за собакой бегаёт. Вечером от голода в животе его кошки пляшут, а бедная собачка все высматривает голодными глазами—хозяин не идет ли, пищу не несет ли.

К вечеру показался Косебай в желтом камзоле, желтых шароварах, в белом кушаке. Круглый хлеб и камень бросил с горы.

Собака и батрак побежали. Собака перегнала и, пока Ахмет-Ахай дошел до глубины балки, собака весь хлеб скушала, и батраку остался камень.

Косебай с горы кричит:

— Сыт ли ты, Дели-хая? Или, может, твое сердце сердится?

— Я не сержусь, хозяин.

— Почему же, рассердись, ведь ты голоден, Дели-хая,—кричит Косебай с высокой скалы и велит ему работать всю ночь до зари.

Голодному Ахмет-Ахаю что делать? Зарезал вола, пламя разжег, кебаб жарит. Быка съедает, а ноги в землю копытами вверх сажает.

Утром приходит желтый хозяин, смотрит вниз со скалы, видит—один вол.

— А где другой?—кричит он сверху.

— Я,—отвечает ему снизу батрак,—сторожил-сторожил—волки не съели, но ветер опрокинул его и земля проглотила. Видите—торчат ноги.

— Что ж, становись на его место,—кричит Косебай,—и паши с другим.

— Ладно,—сказал батрак,—как велишь, хозяин.—И стал на место павшего вола по другую сторону дышла.

Скрылся хозяин с глаз, и вцепился батрак руками и ногами в дышло.

Тянет вол плуг, тянет и Ахмета.

К вечеру Косебай опять вышел на край скалы. Видит—

и второй его бык пал, а Дели-хая, как вкопанный, стоит в упряжке.

Косебай с горы высокой кричит:

— Матушка твоя погибни, бабушка лопни, что надеялся, сын пса?

Чабан Ахмет-Ахай, назвавший себя Дели-хаей, по крутой скале взбирается к хозяину.

— Здравствуй, Косе-господин, пусть Аллах софру твою устави́т яствами из терпеливого сердца вола, из сочных его потрохов, из его много потрудившихся ног. Ты не рассердился ли?

— Нет, нет, нет,—говорит Косебай. Сердитым себя выказать боится.

На следующий день Косебай-господин говорит работнику своему Дели-хае:

— Вола погибли. Работать будешь теперь без волов. Один пахать землю будешь. Как скотина, сам трудиться будешь. А чтобы голод тебя не свалил, вот кувшин каймака. Бери его и иди работать. Но вечером чтоб принес кувшин обратно полный. А если не будет полный, вот так я сделаю с тобой.

Одной рукой он Ахмет-Ахаю дал кувшин, а другой как отпустит оплеуху! Щека Ахмет-Ахая сразу синяя стала.

— Это за что, хозяин?

— А может, ты кувшин принесешь неполный?

— Когда принесу неполным, тогда и бей.

— Тогда уж будет поздно.

Ахмет-Ахай, назвавший себя Дели-хаей, обиды не выказывает, берет кувшин и уходит на арман. Работать не работает, каймак съедает, кувшин землею наполняет, вечером возвращает его хозяину полным.

Ахнул Косебай:

— Этот ублюдок лисы погреба мои опорожнит и мозг из головы моей выест.

На следующий день говорит Косебай Ахмет-Ахаю:

— Пойди, Дели-хая, в куриный сарай. Какая курица посмотрит на тебя, ту зарежь.

Заходит Ахмет-Ахай в курятник, все куры смотрят на него. Он всех режет. Потом говорит:

— Что велели, хозяин, сделал. Все куры посмотрели на меня, всем отрезал по голове. А если вам нужна была только одна, может, у остальных по запасной голове найдется?

И на этот раз хозяин ничего не может сделать с Сумасшедшей скалой—угovorились не сердиться.

На следующий день хозяин Косебай дает своему работнику новую задачу:

— Приказ тебе, Дели-хая, перегнать моих овец на новое пастбище. Тебе придется перевести их через речку. Так смотри же, не замочи у барашков шкуру на ногах.

И это хозяйское повеление батрак должен выполнить.

Подходит Ахмет-Ахай с барантой к берегу, задирает у барашков шкуру на ногах до колен и переводит их через речку. На другом берегу он спускает шкуры обратно и гонит овец на пастбище.

Теперь приезжает хозяин на лошади к своему стаду проверить работника.

— Перевел ли ты, Дели-хая, овец через речку?

— Конечно, хозяин.

— Ноги у них замочил?

— Конечно, нет, хозяин.

Косебай:—Как могла овца перейти воду и ног не замочить?

Ахмет-Ахай:—Чего нельзя сделать при помощи аллаха, когда он склоняет свой слух к пожеланьям богатей?

Косебай:—Как же он помог мне?

Ахмет-Ахай:—А вот как. Перед тем, как выполнить ваше поручение, я все молил аллаха, чтобы он прислал ко мне Джебрайла. Джебрайла аллах прислал. Уселись мы с ним на камне и стали думать. Думали мы с ним, думали, как лучше сделать, чтобы ноги овец не замочить. Решили сначала высушить речку и провести баранту по сухому грунту. Джебрайл уже разжег, было, на берегу сто очагов, но дров для растопки нехватило. Тогда мелек

сделался носильщиком, а я грузил на него по одной, по одной всех ваших овец, и он перетаскил их на тот берег. Вот почему и не замочили овцы шкуру на своих ногах.

Хозяин подъехал к своей баранте и видит—ноги у баранов кровоточат.

Косебай:—Это почему у овец моих ноги кровоточат?

Ахмет-Ахай:—Как же им не кровоточить? Джебрайл нес их на плече, они, упрямые, отбивались и разбили свои ноги о его медную спину.

К вечеру Косебай видит—ноги у баранов распухли, вся баранта на земле лежит. А сердиться ему нельзя. И вот что надумал безбородый.

— Хардаш-чигим,—говорит,—любезный Дели-хая, я начинаю беднеть. Я вынужден рассчитать тебя.

— Вы, может, сердитесь, хозяин, или обижаетесь?

— Нет, нет, Дели-хая. Зачем? У нас ведь договор не обижаться.

— Тогда, добрый мой хозяин, я вам еще послужу,—сказал Дели-хая Косебаю, господину своему.

На следующий день Косебай посылает слугу своего Ахмет-Ахая, назвавшего себя Дели-хаей, к странствующему турецкому маджуру купить масличного жира, дает ему с собою глиняный узкогорлый сираиль и говорит:—Смотри, Дели-хая, ты этот сираиль масличным жиром наполни два раза сряду, сверху донизу, снизу доверху.

— Очень хорошо, все будет сделано, хозяин,—сказал Ахмет-Ахай.

Придя с сираилем к турецкому маджуру, батрак налил его сперва, как обычно наливают, через узкое горлышко сверху. Потом опрокинул сираиль над бочкой горлышком вниз, дном кверху, и попросил маджура налить и с этой стороны. Маджуру, конечно, это выгодно—он получил все свое масло обратно. И вот он льет сверху на дно бутылки несколько капель масла. Ахмет-Ахай два раза заплатил, и теперь, держа бутылку дном кверху, осторожно несет ее домой. Передает он Косебаю пустой сираиль и говорит:

— Вот, шорбаджи-хозяин, тебе дважды наполненный сираиль. Маджура, чья башка пуста, как эта бутылка, обмануть мне ничего не стоило. Смотри.

Говорит хозяин Косебай Сумасшедшей скале, батраку своему Ахмет-Ахаю:

— Возьми земляное тестэ, принеси воды из фонтана.

Ахмет-Ахай пошел к фонтану и разбил земляное тестэ.

— Где вода?—спрашивает хозяин.

— Убежала.

— А тестэ?

— Разбежалось по десяти путям, черепок за черепком.

— Ты разбил тестэ?

— Глина к глине потянулась. Землей было оно, землей стало снова.

И на этот раз Косебаю нельзя сердиться.

На рассвете Косебай будит Ахмет-Ахая:

— Дели-хая, запряги буйвола, поезжай в лес, наруби дров и возвращайся во двор торжественно. Играй, и пусть буйвол смеется, а мажара пусть танцует у тебя.

Ахмет-Ахай запряг буйвола, поехал в лес, нарубил дров. На обратном пути подрезал буйволу губы, чтобы зубы скалились и получалось вроде смеха, снял шины с колес, раздробил, разломал ободья—мажара осталась на спицах.

Хозяин Косебай увидел—Дели-хая сидит на подводе, выбивает дробь в ведро, у буйвола смеются зубы, а мажара подпрыгивает.

— Что ты наделал?

— Я исполнил твое повеление. Как видишь, я играю, буйвол смеется, а воз танцует.

Хозяину обижаться нельзя.

— Выпряги его и привяжи к яслям, пусть ест, не вынимая головы из корыта.

Косебай думает—буйвол есть не станет. Но Ахмет-

Ахай, назвавший себя Дели-хаей, отрезает буйволу голову и бросает в корыто.

— Что ты сделал?—кричит Косебай.

— Ты ведь просил, чтобы голова буйвола не поднималась из корыта. Теперь он ее не поднимает. Ты не рассердился ли?—спрашивает Ахмет-Ахай.

— Нет, нет,—отвечает хозяин.

Вечером жена Косебая подала хозяину на софру вкусный пилав, а Дели-хае жиденькую пшеничную шорбу.

Ахмет-Ахай думает—как бы ему обменяться едой с хозяином? Поднимается он на крышу и голосом глашатая объявляет:

— У кадия эйлик! Эйлик у кадия!

Косебай услышал крик глашатая, позарился на вкусное угощение, и, ничего не кушая, спешит он со всем запасом аппетита на эйлик. А Дели-хая тем временем съедает его пилав и оставляет Косебаю жидкую пшеничную шорбу.

Косебай приходит к кадию. Видит—нет ни эйлика, ни даже одной барабанной палочки. Кадий принимает его холодно и беседует с ним всю ночь, даже запахом еды не угостив его.

Когда пришел Косебай домой, видит—пилав съеден батраком. Пришлось ему кушать жидкую горькую шорбу.

Пригласили Косебая на свадьбу в соседнюю деревню. Дели-хае, работнику своему, он говорит:

— Смотри на двери, глаз не спускай.—Вора боится. Отправился.

Ахмет-Ахаю сидеть дома скучно. Тянет его на богатую свадьбу. Там даулы режут, бекмезом губы мажут. Не сидится бедному Ахмет-Ахаю в пустом косебаевском доме. Но хозяин велел смотреть на двери. Что делать?

Много не думал, снял двери, взвалил на себя и прибежал с ними на свадьбу.

Даулы режут, Косебай пирует. Обходящий гостей ему уста сладостями мажет.

— Что ты делаешь здесь, Дели-хая?—кричит Косебай, увидев батрака.—Зачем двери приволок?

— Шорбаджи, не ты ли приказал мне глаза к двери приковать? А вот что делать с ушами и губами—не сказал. Правда, звук барабана издали приятен, но бекмес вкуснее вблизи. С дверей глаз не спуская, поздравляю себя с бекмесом—он сейчас пройдет в меня, а ты, шорбаджи, спокойно вкушай свои радости—через эти двери вор не пройдет к тебе в дом.

В эту ночь воры и обокрали Косебая. Но и этот случай хозяин должен был претерпеть.

Теперь Косебай говорит Ахмет-Ахаю:

— Маленького Косебайчика, сына моего, отнеси на балкон, держа его над двором.

Дели-хая все исполнять обязан. Маленького Косебайчика сколько-то времени над двором на балконе держал, потом уронил его.

— Где Косебайчик, где мальчик?—кричит Косебай.— Что ты сделал, Дели-хая?

И жене шопотом на ухо Косебай говорит:

— Нашим головам он секира. Наша будущность для него пустяк.

Говорит Косебай Ахмет-Ахаю:

— Скажи мне, любезный Дели-хая, когда кончается время твоей работы у меня?

Ахмет-Ахай, назвавшийся Дели-хаей, себя в лоб пальцем тычет.

— Не знаю,—говорит,—забыл. Забыл совсем и не вспомню. Не вспомню,—говорит,—никогда. Вечным рабом служить тебе,—говорит,—буду.

— Вай-вай, горе мне, матушка,—Косебай про себя шопотом говорит. А потом обращается к Ахмет-Ахаю:

— Дели-хая, твоя служба, кажется, кончается, когда кукушка крикнет. Помнишь, мы с тобой договаривались так?

— Разве? Я что-то не помню.

— Милый Дели-хая, вспомни, вспомни, пожалуйста. Мы с тобой так договорились: когда с этого большого дерева кукушечка крикнет «ку-ку», ты должен, Дели-хая,

окончить свое рабство у меня и стать совершенно свободным человеком. И хорошо же тебе будет на свободе, Дели-хая!

— Посмотрим.

— Утром рано ты послушай, может, кукушка закричит.

Свою старую матушку, сто семнадцатилетнюю желтую змею с лицом человека, Косебай на дерево ночью посадил, и к утру она оттуда кукушкой громко закуковала:

— Ку-ку. Ку-ку.

Косебай Ахмет-Ахая будит:

— Милый Дели-хая, послушай, вон с дерева кукушка кричит. Слышишь?

Ахмет-Ахай говорит:

— Неужели? А ну-ка я посмотрю.

Вышел к дереву, забрался наверх. Видит, одна бабушка змееподобная сидит среди ветвей и кукует.

Дели-хая схватил ее и кричит Косебаю с дерева:

— Эй, сынок, лови свою матушку.

Косебай матушку свою не поймал. Улетела кукушка.

Вскипятила казан воды жена Косебая, тюфяк Ахмет-Ахая положила в оджах. Мужу говорит:

— Ляжет батрак на ночь в оджах. А мы в полночь через дымоход выльем на него казан воды, чтобы сдох.

Ахмет-Ахай об этом догадался, петуха положил на тюфяк, а сам спрятался. Косебай слушает, спит ли батрак. «Хурр-хурр»—делает петух. Косебай думает—Ахмет-Ахай храпит. Большой казан кипятку выливает через дымоход на тюфяк его жена. Думает—Дели-хая скончался.

А Дели-хая, живой и здоровый, тут как тут.

Косебай испугался, говорит жене:

— Наше прошлое погубил он, наше будущее уничтожил, теперь он берется за наше настоящее. Жарь чебуреки. Мы должны в эту ночь бежать.

Косебай-ханым нажарила целый мешок чебуреков и поставила туда, где Дели-хая ночует. А Дели-хая встал, положил вместо себя на порванный тюфяк дрова, а сам залез в мешок с чебуреками.

Косебай-эфенди проснулся, разбудил Косебай-ханым, схватил мешок, взял на плечи, давай бежать.

Бежит безбородко с батраком на плечах.

— Жена, жена,—говорит желтый бай,—сколько же здесь чебуреков! Не могу тащить, тяжело.

Косебай-ханым:

— Я много мяса в них положила. Тяжело таскать, легко будет кушать.

Побежали к речке. Мост дырявый, шатается. Чтоб не упасть, согласишься к чушке в племянники попасть. Но провалился желтый бай в воду, батрака с головой окунул.

Дели-хая из мешка кричит:

— Это что?

— Слышишь, жена,—говорит Косебай,—Дели-хая нагоняет! Кричит! Бежим!

Поднялись на возвышенность. Только уселись отдохнуть, набежало одиннадцать чабанских псов. Вот-вот загрызут. Как быть? Лезут на дерево.

А овчарки дерево грызут.

Сидели-сидели на дереве и проголодались пташки. Открыли мешок кушать чебуреки. Тут из мешка подобно джину выскочил Дели-хая. А внизу рычат собаки.

Душа Косебая черна, как пасть Иблиса, но он закричал:

— Вай аллах, вай аллах! Спаси меня от Сумасшедшей скалы и от псов рычащих. Мольбам моим внимли, мне душу утешь. Не внимлешь молитвам, так сердце разрежь!

После этой горячей молитвы Косебай налил глаза свои добротой, лицо украсил смехом и Ахмет-Ахаю говорит:

— Знаешь, Дели-хая, что я тебе скажу?

— Когда скажете, тогда буду знать.

— Давай, Дели-хая, спустимся с дерева и убежим от собак на Орлиный залет.

— Ну что ж,—говорит батрак.

Спустились с дерева. Ахмет-Ахай два пальца в рот вложил и свистнул по-чабански. Собаки убежали в кош. А батрак с хозяином и хозяйкой пошли дальше. Вышли на край высокой скалы.

— Придется нам,—сказал Косебай,—всем троим переночевать на этом обрыве.

К краю обрыва подошли и улеглись. На самом краю Ахмет-Ахай, рядом с ним жена Косебая, за ней сам Косебай.

Шопотом Косебай говорит жене:

— Буду тебя ночью подталкивать, а ты его, сбросим батрака с обрыва. Пусть летит к Иблису. А иначе нет нам выхода.

Обвеваемые горным ветерочком, Косебай с женой быстро уснули.

Ночью поднимается Ахмет-Ахай, перекладывает Косебай-ханым на край обрыва, а сам ложится между нею и хозяином. Ближе к рассвету Косебай просыпается, толкает-толкает и... сваливает жену с обрыва горы. Радостно заключив Ахмет-Ахая в объятия, он говорит:

— Наконец-то!

И вдруг:

— Что это? Кто ты? Что я наделал? Жену я в пропасть сбросил, а Сумасшедшую скалу прижал к своей груди!

Вскочил Косебай и пустился бежать. Бежал-бежал. Вскочил на лисицу, на хвосте лисьем скакал. Схватился за крыло птицы, на птице крылатой летел. Увидел ползучую змею—на ползучей змее уползал.

Прибежал в деревню, жалостно просит людей:

— Я спрячусь на кладбище от Дели-хая мстящего. Упорно он ищет меня. Ради аллаха единственного и Мухамеда, пророка его, не говорите Дели-хаю, что я спрятался в могилу живой.

Говорит Косебай, а сам плачет.

Джемаат согласен:

— Спрячься, бай. Пусть слезы лицо твое скроют.

Косебай пошел на кладбище, один могильный склепик открыл и залез в него.

После этого пришел Ахмет-Ахай в деревню и спрашивает у народа:

— Косебая не видели?

Один говорит:

— Не видели. В другую деревню пошел.

Ахмет-Ахай по ответу одного и по тому, как все, кроме него, молчат, понял, что это неправда. Видит—почему-то жалеют желтую змею.

Пошел искать.

Всю деревню обошел. Старых деревьев дупла осматривает, густые кусты руками раздвигает, у всех зинданы проверяет—беглеца нет.

— Ты чего ищешь? Ведь он же умер,—говорят.

Тогда Ахмет-Ахай берет в карман яблочко и отправляется искать Косебай на кладбище.

Все кладбище Ахмет-Ахай обходит, все могильные склепы осматривает. Видит—в одном склепике дырочка. Понял Ахмет-Ахай—это мертвец себе оставил для дыхания. Он тогда тихо вкатывает это яблочко в дыру склепка.

Через несколько секунд в склепике уже слышится хруст съедаемого яблока и чей-то рот чавкает. Теперь Ахмет-Ахай ясно—если там не простая змея, то Косебай спрятался.

Одну пару железных перчаток надевает на руки и дыру могилы начинает расковыривать. Косебай внутри могилы думает—это бык, и кричит ему:

— Уйди, буга, уйди, пока целы рога.

Рычит Косебай, как лев, на того, кто железом вгрызается в его живую могилу.

Когда же Косебай почувствовал, что это Дели-хая, разъяренный вскочил и могилу свою сам разбросал, как трухливый сундук.

Он вспомнил эту сказку с начала и так сказал:

— Была у меня пара волов,—ты уничтожил обоих. Было у меня стадо овец,—ты их искалечил. Был у меня буйвол—ты над ним надругался. Дитя мое уронил, жену погубил, бабушку с дерева сбросил. Двери с дома сорвал, пилав мой сожрал, ведро с землею смешал и масло оливковое вылил!

Дели-хая спрашивает:

— Ты обижаешься, хозяин?

— Безбожник,—кричит Косебай,—замолчи! Беримую единственную кожу! Снимай!

Вынимает или не вынимает Дели-хая свой нож висячий чабанский и при свете полной луны, на пятнадцатый день ее стояния, на кладбище, среди старых могил, хочет или не хочет с Косебай шкуру снять?

Было время, в Озенбаше ездили летом на санях, зимой на колесах спускались с горы. Была у меня тяжелая жизнь. Про жизнь свою я тебе рассказал. Батраком я был у Косебай, он с меня семь шкур содрал. Сказка, сказка, отца моего выдумка, в горы высокие тянет меня тебя дальше выдумывать.

СВЯТОЙ МЕШОК МУЛЛЫ

Еще в те старинные времена, когда верблюд был маленький, как муха, а дракон-аждага весил всего один фунт, проживал, говорят, в Озенбаше обманщик-мулла. Тогда в той же деревне, где выходит из-под земли прекрасная река Бельбек, под высокими-высокими деревьями жил Ахмет-Ахай. Многие годы мучения выпали на его долю.

В какое-то время из времен Ахмет-Ахай муллу спросить вздумал:

— Ты, эфенди, молитвами богат, а у меня их разве не может быть пять в день? Ты курбанами сыт,—я сыт не могу быть разве? Ты не сможешь ли и меня сделать муллой?

Служитель аллаха любезному Ахмету такой ответ дал:

— А почему бы и нет? Лезь в мешок, я тебя завяжу, на дерево повешу, раскачаю, ты полетишь на небо, и тебя там аллах не то что муллой—хатипом сделает.

Любезный наш Ахмет-Ахай поверил обманщику-мулле и полез в мешок. Хитрый же мулла крепко мешок завязал, на дерево повесил, наклеил объявление, а сам удрал.

В объявлении было написано—каждый прохожий должен бить этот мешок пятью палками.

Один прохожий увидел записку, прочитал и сказал:

— Почему пятью, когда можно пятнадцатью? Почему пятнадцатью, когда лес близок, и можно палок нарезать сколько угодно?

Ахмет-Ахай по голосу узнал своего соседа и кричит из мешка:

— Эй, сосед, ради всех святых пророков, развяжи мешок. А если не развяжешь, я в этом святом мешке улечу на седьмой слой неба, тогда я буду тоже пейгамбер и не дам твоему очагу покоя.

Прохожий развязал мешок, и оттуда выскочил озенбашский сын Ахмет-Ахай.

— Эй, сосед,—спросил прохожий,—что ты делал в этом мешке?

— Я в этом мешке учился корану и понял, что мне муллою не быть.

Затем Ахмет-Ахай свернул мешок и спрятал в дупле дерева. Он знал—мешок нужен будет, чтобы когда-нибудь посадить в него муллу.

КАК НАД ОЗЕНБАШЕМ ЛЕТЕЛА СВИНЬЯ

Однажды Ахмет-Ахай пошел искать клад. Долго он копал землю среди развалин высокого Кильсе-буруна и нашел древний кувшин с френским золотом. Высыпал золото на землю и насчитал тридцать три монеты. И на каждой из них была вычеканена голова свиньи.

В то время Ахмет-Ахай верил еще в аллаха и как правоверный подумал, что монета, изображающая свинью,

для мусульманина запретна. Поэтому без позволения муллы он решил этими деньгами не пользоваться.

Но мулла в отъезде. Что делать? Пока слуга бога не вернется в Озенбаш, надо деньги спрятать. Думал-думал и решил закопать их подле своей сакли. В поздний час, когда не было людей на улице, вырыл ямку и спрятал монеты. Потом он стал рассуждать:

— Прятать деньги возле своего дома? Так даже и вор не сделает—вдруг он вздумает ночью сам себя обокрасть! Тотчас же вырыл Ахмет-Ахай свой клад и пошел на край деревни. Там, у самой реки, спрятал он кувшин с монетами под камнем.

Потом подумал немного и говорит:

— Нет, милейший, не умеешь ты припрятывать сокровища. Разве можно клад прятать под камнем? Допустим, будут проходить двое мимо этого места и подерутся, и один вздумает об голову другого расколоть камень. Схватит он этот булыжник, и что же? Дальше уже не камень раскалывать пополам будет, а этот мой клад с тем делить, с кем дрался. Не желаю я тратить столько денег, чтобы мирить драчунов.

И бедный наш Ахмет-Ахай взял кувшин и пошел дальше, тяжело вздыхая под грузом этой свалившейся на него заботы богача.

Идет он по Озенбашу, и встречается ему вдруг озенбашский мулла. Он вернулся из Стили, куда ездил за ясаком. Кладоискатель очень обрадовался. Теперь-то уж он узнает у благочестивого человека, как ему поступить с кладом.

— Любезный аллаху эфенди,—обратился Ахмет-Ахай к истребителю грехов озенбашских,—по воле судьбы и много лет копался на Кильсе-буруне и нашел там один кувшин с золотыми монетами. На них изображена голова свиньи. Два вопроса к вам, эфенди, имею. Первый—можно ли правоверному пользоваться золотом нечестивых, и второй—куда мне, эфенди, спрятать это сокровище, чтобы не похитил его какой-нибудь богомерзкий вор?

Услышав, что Ахмет-Ахай нашел клад и он у него подмышкой, мулла-эфенди решил его присвоить. Не тратя времени, собиратель благ небесных и земных сказал деревенскому человеку:

— Подыми глаза, о сын мой, к высотам неба и скажи мне, что ты видишь над своей головою?

— Над моей головой я вижу,—сказал Ахмет-Ахай,—верхушку большого дерева.

— О, сын мой, скажи мне, и да внимают тебе всевышний, можешь ли ты подняться на это дерево?

— О, конечно.

— Если так, сын мой, великий Мухамед дает тебе через меня такой совет. Один длинный шест возьми, к концу его кувшин с золотом прикрепи, с этим шестом на дерево подымись, к самому верху дерева привяжи. Вор не птица, чтобы суметь взлететь на такую высоту. Ночью это с помощью аллаха останется в целости, а завтра утром кувшин с деньгами достанешь, и тогда решим, сын мой, как быть дальше.

Совет муллы показался Ахмет-Ахаю очень мудрым, и он сделал, как сказал мулла. Самый длинный шест, которым сбивают орехи, он взял, к концу шеста кувшин со старинным золотом привязал, на верх дерева его поднял к большому суку, чтобы вор его не достал. Сделав это, он ушел домой совершенно спокойный и благодарил аллаха, что тот устроил ему среди ночи эту счастливую встречу с муллою.

Мулла, конечно, был не дурак. Как только счастливцев удалился, он пошел на край Озенбаша, где жили урумы, разводившие свиней. Большую кучу свиного навоза он собрал, вернулся к речке, взобрался на дерево, отвязал шест, из кувшина золото высыпал себе в карман, а кувшин наполнил свиным навозом.

Встает утром Ахмет-Ахай, идет к дереву, вабирается наверх, забирает кувшин и идет с ним к мулле.

Каково же было изумление нашего богача, когда он высыпал перед муллою то, что было в кувшине.

— Это что?—воскликнул весь в слезах Ахмет-Ахай.—Что свинья бесчестна, я, конечно, всегда знал, но чтобы она могла подняться туда, куда ни один вор не ваберется,—этого я не ожидал.

— Божье наказание постигло твой шайтанский клад,—сказал бедняку мулла.—Сокровище твое было богомерзким, свиньи на монетах живые. Они к шайтану улетели, а тебе на память вот что оставили.

— Разве свинья умеет летать?
— Ты же видишь, сын мой, когда шайтану нужна забава, он и свинье дает крылья.
— Да,—сказал Ахмет-Ахай,—это верно. Денежки мои от меня улетели, и если это не свинья сделала, так кто же? Кто?

КАК АХМЕТ-АХАЙ

ОТОДВИНУЛ УРАЗУ

х, уж этот Ахмет-Ахай! Такой был шут! Думал—весь Озенбаш поставит на колеса. Каждому хотел построить мажару.

Один из Озенбаша задумал поехать в степь.

Жена ему говорит:

— Ураза подходит. Как узнаешь в степи, в какой это будет день?

— Эге,—воскликнул человек,—чуть было не забыл! Пойду спрошу у Ахмет-Ахая.

Мудрец в то время строил мажару и жил на горе Бойке, в шалаше. Человек поднялся к нему и спросил:

— Ахмет-Ахай, я еду в степь, скажи мне, когда будет ураза?

Строитель мажар коротко объяснил:

— Завтра—наше «сегодня». Но сегодня не есть еще «завтра». Я тебе дам арабскую записку. Что в ней напишу—сегодня не надо, завтра читай. Когда будешь в степи, сегодняшней день пропусти, завтрашний ищи. Когда вчерашний день перестанет быть, глядя на звезды, прочти мою записку и тогда определишь начало уразы нашего аллаха.

Человек этот взял Ахметову записку и в тот же день выехал из горного Озенбаша в степь.

В тот день, когда выезжал, не стал смотреть. Завтра наступило «сегодня»—он опять не стал смотреть. После-

завтра снова наступает «сегодня», он опять откладывает на завтра. И так бедный житель Озенбаша целый месяц на своей арбе по широкой степи развезжал, не сегодня—завтра, не сегодня—завтра искал начало уразы, чтобы начать строжайший мусульманский пост, когда запрещается брать что-либо в рот, пока не покажутся звезды.

Вернулся он в Озенбаш, а ураза уже кончилась.

— Сегодня канун байрама,—говорит ему жена.— Нам надо готовить жертвенного барана.

— Чего болтаешь?—говорит муж.— Вот арабская записка мудрого Ахмета. Читай—не сегодня, а только завтра будет ураза, а не байрам.

— Опомнись, что с тобой, ведь ураза уже прошла!

— Как прошла? Значит, мудрец обманул меня? Целый месяц не мог я поймать уразы. Она от меня, пока я ехал в степь, все убегала в горы.

— Ты упустил ночные ифтары уразы,—заметила его жена,—и при свете звезд в степи не кушал какач и курабье. Так хоть теперь держись за праздничного барана.

О ЧЕМ ДУМАЛ МУЛЛА-ЭФЕНДИ

НА МОЛИТВЕ?

Озенбашский мулла сел разговаривать с Ахмет-Ахаем. Мулла был ученым, а деревенщина и грамоты не знал. Ахмет-Ахай спрашивает:

— Когда из себя молитвы выливаешь, ты, конечно, об одном аллахе думаешь?

— Эльбет-ойле—безусловно.

— И только к нему стремишься?

— Эльбет-ойле—безусловно.

— Слушай, мулла, если ты помолишься от всей души и в это время не будешь думать ни о чем другом, кроме аллаха, я подарю тебе вот этого осла.

Мулла поднял руки к небу, пал на землю, снова поднялся, кружился, кружился,—очень уж хорошо молился.

По окончании намаза Ахмет-Ахай спрашивает:

— Правду говори, когда молился, о чем думал?

— Осел твой стал моим по уговору, и об этом я молился, пока кружился. А когда я свалился, я богу молился, чтобы ты подарил мне и седло.

Ахмет-Ахай:

— Выходит, мулла, что вместо аллаха ты вселил себе в голову осла?

Мулла:

— Не может быть! Неужели?

Ахмет-Ахай:

— И, значит, твоим аллахом стал мой осел?

Мулла:

— Неужели? Не может быть!

Ахмет-Ахай:

— Кто же в таком случае я, на этом осле сидящий, буду в твоей голове?

Так спросил Ахмет-Ахай.

О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ

УТОЛИЛ СВОЮ ЖАЖДУ

Старая мусульманская ураза налетает, как черная ворона. До захода солнца нельзя брать в рот влагу, нельзя есть, и даже курить запрещает Мухамед.

От зари и до зари работает Ахмет-Ахай. Поставил он себе в лесу, на высокой горе, у Коровьей пещеры, шалаш из травы, сбивает мажары, делает колеса, строгаёт, рубит. Хорошо!

Был жаркий день, и жестокая жажда томила озенбашца. А рядом с кошаркой его сладостно журчал холод-

ный горный поток. Но пить было нельзя. Что же будешь делать? Ураза!

Видит наш Ахмет-Ахай—телка из Коровьей пещеры подходит к источнику, студеную воду пьет, и никто ей не мешает. «Ай, матушка,—думает Ахмет,—ей можно, а мне нельзя?»

Хотел бы и он напиться. Но в адеком огне боится быть сожженным.

Оглядывается он по сторонам, видит—никого нет. «Я один в лесу,—думает,—кто же здесь меня увидит? Неужели аллах с небесной высоты заметит, что я сейчас буду делать? Хорошо,—подумал дальше Ахмет-Ахай,—пусть смотрит с неба. Чекменем накрывшись, на руках и ногах пойду я к источнику, и бог, если даже увидит меня, подумает—бычок».

Так и сделал. Зашел в шалаш, на себя чекмень накинул, на руках и ногах к ручью пошел, похожий на корову. Выпил, сколько ему надо было, холодной воды и обратно пополз к своему шалашу.

— Я обманул аллаха,—сказал сам себе Ахмет, смеясь,—а он и не увидел. Если же заметил, думал—я корова, будущий его курбан. Но ничего, бог меня тоже много раз обманывал. «Ахмет-Ахай,—говорил он через муллу,—если будешь соблюдать уразу, много чего дам тебе». Я сколько раз соблюдал уразу, а он мне за это и шелухи чесночной не дал. Сколько сделаю, столько и заработаю, да и то не у него, а на базаре.

Эта сказка для муллы хоть и не так хороша, но для людей она очень полезна.

КАК В ОЗЕНБАШЕ

ИСКАЛИ ЛУНУ

В Озенбаше однажды заметили, что в лунную ночь исчезла луна и перестала быть видной на небе. Это людей взволновало, и за разъяснением непонятого случая они пошли к Ахмет-Ахаю.

Чтобы не испугать его, они начали разговор с вопроса: — Ты, Ахмет-Ахай, если скажешь—завтра снег пойдет, то уж снег завтра пойдет. Если скажешь—дождь будет,—будет дождь. Ты всегда очень понятно смотришь в небо. Скажи нам, что важнее—солнце или луна?

— Конечно, луна,—ответил Ахмет-Ахай.

— Почему так?

— Неужели не понимаете? Ведь солнце светит днем, когда и без него светло, а вот ночью, когда нет луны, попробуй в темноте разглядеть что-нибудь.

— Тогда, дорогой Ахмет, мы вынуждены огорчить тебя. Мы нашей луны не видим на небе. Куда-то она изволила пропасть, Ахмет-Ахай.

— Что вы говорите?—вздыхнул Ахмет-Ахай, посмотрев на небо.

И сейчас же, схватив палку, закричал:

— Что же вы смотрите? Надо ее искать. Без этого светила как будем жить?

— Да, да, и мы так думали, и это расстроило нас.

— Может быть, аллах забрал ее, чтобы сделать из нее звезды?—сказал Ахмет-Ахай.—Постойте, постойте, я сегодня вечером видел, как месяц был зернами рассыпан по листьям дерева, а на дереве сидели куры. Может, они и расклевали эти зерна луны?

Зажгли фонарь, осветили дерево, и среди кур увидели одного петуха, золотисто-желтого.

Ахмет-Ахай говорит:

— Ну, теперь ясно—он стал золотистым потому, что склевал луну.

— Что нам теперь делать?

— Надо немедленно зарезать петуха и достать из него то, что он изволил склевать.

Этого петуха сейчас же зарезали, выпотрошили, но луны в нем не нашли. Тогда петуха отдали жене Ахмет-Ахая—пусть приготовит для мужа своего куриную каурму.

Теперь Ахмет-Ахай доволен тем, что скоро покушает, садится на осла и, ведя за собою озенбашцев, едет искать луну.

Те, что рассказали о ее пропаже, бегут за ним.

Осел заревел—пить хочет. Ахмет-Ахай поехал к реке. В это время луна из-за туч вышла и уже виднелась в воде. Озенбашцы подняли шум:

— Смотрите, смотрите, наша луна потонула в воде, она светится внизу на самом дне реки. Она заблудилась и потеряла свой дом. Этак она и вовсе убежит из Озенбаша. Глазеть тут нечего. Давайте, пока не поздно, достанем ее из воды и вернем наверх, где она должна быть.

В это время осел Ахмет-Ахая нагнулся к реке пить воду, язык его лизнул то место, где отражалась луна.

— Вот уж дернули! Сразу вернулась куда следует...

А пока осел пил, луна опять скрылась за тучами. Тогда все закричали:

— Осел съел луну.

Ахмет-Ахай—ну бить осла и кричать:

— Выплюнь ее!

Осел заревел от боли. В это время туча отошла и луна опять зазолотилась в воде. Ахмет-Ахай сказал:

— Ну вот, ишак, давно бы так надо сделать.

И, не слезая с осла, велел достать веревку, привязал к ней крюк, закинул в воду и велел всем тянуть. А сам, сидя на осле, кричит:

— Бир, эки, котер! Раз, два, дерни!

Озенбашцы изо всех сил потянули, крюк из воды вырвали и все упали на спины. Глаза их обратились к небу, и они увидели луну.

— Вот уж дернули! Сразу вернулась куда следует.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ГОТОВИЛСЯ

К КУРБАННОМУ ДНЮ

Перед кануном курбанного дня Ахмет-Ахай купил себе ягненка и запер его в сарае. Бедный баран, чувствуя близкую свою гибель, печально блеял и не давал спокойно спать своему хозяину. Ахмет-Ахай, наконец, не выдержал, выскочил в сарай и закричал на бедную овечку:

— Не кричи! Черные конджолаксы идут. Не кричи, не кричи, говорят тебе! Свинья!..

Жена его услышала это и воскликнула:

— Что же ты наделал, несчастный? Овечка, названная свиньей, для курбана уже не годится, она запрещена.

Ахмет-Ахаю делать нечего. Эту овечку он поспешно продает и покупает другую, запирает ее в тот же сарай, а сам ложится спать.

Но и этот барашек не хочет умирать. Он жалобно блеет, не дает Ахмет-Ахаю спокойно провести ночь.

— Молчи, молчи, — потихоньку, но с большим возмущением шепчет он овечке, — я знаю, что ты... но не скажу... Молчи... Нет, нет, не скажу, что ты... свинья!

Ахмет-Ахай озенбашский назвал и эту овцу свиньей, и она была не пригодна для курбана. Так и не смог Ахмет-Ахай благополучно начать кануи курбанного дня.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ВОЗВРАТИЛ НАРОДУ

ШКУРЫ ЖЕРТВЕННЫХ ОВЕЦ

К вечеру первого дня торжественного курбан-байрама говорит Ахмет-Ахай озенбашскому имаму:

— Сто тридцать шкур со ста тридцати жертвенных овец ты собрал у народа. Пусть полежат они у меня, пока не кончится четырехдневный наш святой байрам, я сохраню их тебе, как сам аллах.

Имам сказал:

— Очень хорошо.

И рад был видеть, как Ахмет-Ахай таскает шкуры. Этот имам, как и все имамы, был большой любитель чужого труда.

Одну к одной Ахмет-Ахай сложил в подвале жилища своего сто тридцать шкур, а хозяйственный имам радостно повесил на двери подвала три висячих замка. Разбитого окна в подвале он не заметил.

Ахмет-Ахай через разбитое окно в подвал зашел, три жирных шкуры разорвал и бросил, а остальные спрятал в другое место. К имаму во двор Ахмет-Ахай пошел, собаку с цепи снял, к своему дому привел и через окно спустил в подвал.

По исходе торжественного курбан-байрама имам-эфенди на большой арбе подъехал к жилищу Ахмет-Ахая,

три висячих замка он отпер, в подвал вошел—сто тридцать шкур хотел грузить и отвезти в Бахчисарай на базар.

Видит имам—запертый им подвал пуст. Он обратился к Ахмет-Ахаю:

— Ты же говорил, что шкуры мои, как сам аллах, сохранишь, пока не кончится байрам. Почему ты их не сохранил? А если сделал, как сказал, почему я шкур не вижу? Или ты стал бесчестным человеком?

Хитрец Ахмет-Ахай сказал имаму:

— Я честным был и стал еще честнее. Но твой лукавый пес, видно, у тебя учился лукавству. Среди псов нашего Озенбаша он тоже стал, должно быть, имамом. Пока ты праздновал свой байрам, пес, видно, справлял свой.

И показал на собаку, теребившую остаток шкуры. Мулла взглянул и убедился в справедливости слов Ахмет-Ахая.

А Ахмет-Ахай эти шкуры роздал землякам на чарыки.

СИЛА ГОРНОГО ВЕТРА

подножия высокой яйлы красовался прекрасный баштан озенбашского муллы, где зрели огромные дыни и арбузы. И до того мулла уважал свой баштан, что никому не доверял его охранять. На высоком дереве он построил шалаш и по ночам, сидя в этом гнезде, караулил свое богатство, которое земля выдувала вверх большими шарами.

Ахмет-Ахай, забавник озенбашский, вздумал как-то подшутить над скупым муллою. Ночью залез он на баштан, стал срывать плоды и укладывать в мешок. Но как тихо ни работал Ахмет-Ахай, он разбудил спящего на дереве хозяина.

Спустился мулла с дерева, зажег фонарь. Видит, человек лежит на земле и держится за стебель арбуза, а рядом с ним большой, наполненный чем-то мешок.

Мулла схватил Ахмет-Ахая за шиворот, потряс его и спрашивает:

— Ты как сюда попал?

— Как я сюда попал, тебе знать охота? Хорошо, я расскажу тебе. Был я на яйле, и поднялся там страшнейший ветер, и схватил он меня, снес он меня прямо к тебе на баштан.

Тогда мулла говорит:

— Предположим, что действительно был сильный ветер и что ты действительно был на яйле и что ветер тебя действительно подхватил и действительно снес сюда, но как же, скажи, мои арбузы и дыни попали в твой мешок?

Ахмет-Ахай ему ответил:

— Вот об этом-то я как раз и думаю, и, как видишь, тяжелые думы эти пригнули меня к земле.

КАК АХМЕТ-АХАЙ СПАС

КУРБАННУЮ ШКУРУ

В давно прошедшие времена озенбашский имам говорил населению, что передача джемаатом ему, мулле, шкур всех жертвенных овец—не для пользы муллы идет, а на пользу тех, кто сдает курбанные шкуры. Почему так? На том свете, когда будет человек переходить в рай, сданная мулле шкура овцы перевезет его через тонкий, как волосок, и острый, как бритва, непроходимый мост прямо в рай. А кто не передаст мулле шкуру жертвенной овцы, через этот мост не пройдет и свалится в ад, в тот самый чугунный котел, где кипит кара-катран, черная смола.

А на самом деле имам собирал эти жертвенные шкуры

для себя, вывозил их на базар, продавал и наживал полный карман денег.

Все озенбашцы, веря словам имама, отдавали ему шкуры со своих овец и наполняли ему двор. Но Ахмет-Ахай, прежде чем отдать мулле шкуру с зарезанного им на праздник байрам своего единственного ягненка, вздумал проверить справедливость слов служителя аллаха и обратился к имаму с вопросом:

— Вы, мулла-эфенди, говорите, что, отдав вам эту курбанную шкуру, я обеспечу себе на том свете переезд в рай через непроходимый мостик?

— Совершенно верно говоришь ты, благочестивый сын мой. Сданную тобою шкуру я сладкими молитвами обработаю и пошлю в рай. Ставшая священной, она тебя в рай к ангелам и приведет, мой сладкорукый, мудрый сын. Если же передумаешь и мне шкуры не сдашь, никто из служителей неба и не подумает пустить тебя в рай, и попадешь ты в адскую тьму.

Ахмет-Ахай, перебивая муллу, спрашивает его:

— Я от вас эти слова слышу давно и смысл их прекрасно понимаю. Но нельзя ли деньгами выкупить эту вот курбанную шкуру?

Мулла-эфенди согласился продать Ахмет-Ахую шкуру его овцы по повышенной цене.

Тогда Ахмет-Ахай задает имаму второй вопрос:

— Ну хорошо. Эту шкуру моей овцы вы мне продали, она уже остается у меня и больше к вам не вернется. Как же вы на том свете найдете эту шкуру, чтобы перевезти меня через острый, как бритва, мост, если я из нее сошью чарыки и изношу их на этом свете?

Мулла-эфенди, услышав этот неожиданный вопрос, заблудился в мыслях и не знал, что ответить.

Тогда Ахмет-Ахай продолжает:

— Почему вы стали как мертвый и язык ваш не поворачивается? Почему вы, святой человек, рта не открываете, и голос умер в вашем горле? Почему вы покраснели, как краснеют ложью согрешившие? Или вы сами, святой отец, являетесь обманщиком, и обману вас учил Иблис, который заведует кабинетом лжи в святом дворце аллаха?

Мулла совсем запутался, но и здесь нашел священные слова.

— Разве ты, Ахмет-Ахай, не знаешь, что самому говорливому из камней приказал Азретали молчать, и вечно молчит святая Кааба? А почему—скажи мне. Так молчи же и ты, сын мой. А почему—сам должен понимать.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ПРОДАВАЛ

МУЛЛЕ ВОРОНА

Однажды Ахмет-Ахай подошел к озенбашской речке и стал стирать свою одежду. А тут пролетал ворон. Схватил он кусок мыла и был таков.

Ахмет-Ахай хотел погнаться за ним и отобрать мыло, но тут же, увидев, как черны перья птицы, остановился и говорит:

— Ну, и правильно сделал. Такую одежду и не постирать? Она ведь куда грязнее моей!

А по соседству с Ахмет-Ахаем жил аджи-баба. Он был скуп и жаден, и был у него прекрасный чаир. Летом, когда поспевали груши, аджи любил лежать под деревом и любоваться богатым урожаем. А тут, откуда ни возьмись, ворон сел на грушевое дерево и давай клевать золотистый, сочный боздорган.

— Чтоб ты лопнул!—закричал скряга-аджи.—Лучший боздорган поклевал! Из одной этой грушки сколько было бы у меня сушки!

А Ахмет-Ахай идет в это время с речки домой.

Зазвал его к себе хозяин чаира.

— Любезнейший сосед,—говорит,—вот беда—этот негодник повадился летать в мой сад. Клюет самые лучшие груши, что с ним делать? Посоветуй.

Ахмет-Ахай дал такой совет:

— Поймать его, посадить в кувшин его, подняться на гору и бросить со скалы его.

Мулла так и сделал. Он поймал ворона, посадил его в кувшин, хорошо завязал и бросил со скалы. Горшок ударился о камни и разбился, а ворон улетел.

Куда же? Обрато в чаир к озенбашскому мулле, к тем же грушам.

Снова зовет мулла Ахмет-Ахая и жалуется:

— Послушался я, Ахмет, твоего совета, и что же? Вор опять клюет мои груши. Прошу тебя, дорогой, помоги еще поймать его.

Ахмет-Ахай согласился.

Вышли они вдвоем в чаир. Стоял там большой стог сена. Видят—ворон сидит наверху.

— Вон он,—кричит мулла,—вот он, подлый расточитель моего добра! Вот из-за кого я разоряюсь. Ему не только нравятся сладкие груши, он зарится и на горькое сено. Ах ты, подлая помесь осла с коршуном! Скорей, скорей, сосед, убьем его! Пусть черная пасть Азраила поглотит его!

— Тихе, не кричи, эфенди, ты можешь спугнуть его. Тихонько подойдем к стогу, подложим под него огонь. Огонь, знаешь, всегда кверху рвется. Тут-то он и сгорит.

Скупой мулла и его советник на цыпочках подкрались к стогу. Советник высек огонь. Дым встал, как минарет, над стогом. Ворон—кар-кар—и улетел.

Видит мулла—горит его сено, стал вопить: «Вай, вай!» А Ахмет-Ахай вслед улетевшему ворону кричит:

— Хотя мы и не поймали тебя, но здорово испугали. Хотя ты и не сгорел, но нос твой сильно пожелтел. Теперь ты, ворон, не забудешь большого стога сена в чаире доброго соседа моего.

Тогда тот, кто устремлен мыслями всегда к небесному, сказал своему советнику:

— Неужели показалось дно в мешках твоей хитрости? Неужели не поймаешь этого воришку?

Прошло время. Поймал Ахмет-Ахай птицу и принес ее мулле. Спрашивает слуга аллаха:

— Зачем ты мне ее принес живую? Почему не убил?

Ахмет-Ахай говорит:

— Убивать ее зачем? Это—чистая птица. Она стащила у меня кусок мыла и хорошо вымылась. О, кроткий, благочестивый и щедрый властелин чаира! Купи у меня

ворона. Он будет стоять тебе немного—всего лишь столько груш, сколько съел бы он у тебя, если б я не поймал его на твоём чаире.

— Ты смеешься! Может быть, этот джип с грязным клювом сожрал бы у меня тысячу груш! Чтобы я тебе тысячу груш за него отдал? Ты с ума сошел!

— Не купишь? Тогда пусть все твои груши сожрет! Пушу его обратно в чаир.

— Опомнись! Возьми десяток груш отборных. Даже хватит с тебя пяти—они весят больше, чем этот негодяй.

— Пятьсот груш, ни одной меньше.

— Неужели он стоит больше пятнадцати? Аллах! Разорит меня твоя проклятая птица. На что она мне? Что делать с нею мне?

— Смотреть, смотреть на нее!

— Зачем я буду смотреть на это черное дитя шайтана?

— Я слышал—ворон живет триста лет. Ты, которому аллах, возлюбивший тебя, подарит долгие годы в награду за доброту твою к тварям его, посмотришь, проживет он триста лет или умрет у тебя на руках, олюбимец аллаха, на двести девяносто девятом году подаренной ему шайтаном жизни.

КАК АХМЕТ-АХАЙ

ПОГУБИЛ РАМАЗАН

Ахмет-Ахай озенбашский очень не любил рамазана. Да и как было любить этот жестокий пост, когда целый месяц нельзя было от звезды и до звезды даже нюхать пищу. Усталые от дневных трудов, многие в Озенбаше засыпали, не дождавшись светил небесных, и просыпались, голодные, уже при свете солнца, когда в рот опять ничего нельзя брать.

Сочувствуя общему горю, Ахмет-Ахай смастерил на-

плечный барабан, надевал его на спину и, стуча барабанной палкой, будил голодных озенбашцев.

А когда Ахмет-Ахай устал таскать барабан, к минарету мечети он прицепил лист железа и, стуча в него, будил народ. К этому железному листу в Озенбаше привыкли. Никто уже не обращался за разрешением кушать к звездам. Все прислушивались к грохоту железного листа.

Но озенбашский мудрец был человек дальновидный и подумал: а если ветер сорвет с минарета железный лист?

И тут же объявил по Озенбашу, что с такого-то дня рамазана железный лист с минарета будет сообщать не разрешение кушать, а запрещение. И пока не слышен грохот железа, кушать можно, а когда слышен, тогда нельзя.

Два дня Ахмет-Ахай добросовестно бил по железу в часы запретные для еды, но в один прекрасный день ветер на виду у всех сорвал лист железа, и Ахмет-Ахай, указав народу на это небесное чудо, объяснил:

— Раз запрет убежал, и рамазан отменяется.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ПРОДАВАЛ

МЕШОК СЧАСТЬЯ

Взял как-то Ахмет-Ахай мешок и отправился на южный берег. Нарвал он там травы, которая не растет в Озенбаше, наполнил мешок и пошел в Кокос.

Стояло жаркое лето, и толстому, как даул, мурзе кокозскому блохи спать не давали. Ахмет-Ахай подошел к воротам его дворца и стал кричать:

— Мешок счастья! Мешок счастья! Трава от блох! Кто купит, тот не плох! Покупайте и не перепродавайте! Смерть блохе, сладостный кейф человеку! Только у меня, Ахмет-Ахая озенбашского. Продаю счастье покоя ночного! Продаю кровь, что не выпьет блоха!

Выбежал к нему толстый мурза и купил весь мешок травы.

— Теперь скажи, как с этой травой поступить,—спрашивает мурза.

Ахмет-Ахай объясняет:

— Возьмешь блошку в левую руку, а травку в правую. Дашь блохе понюхать. Она одурет, подохнет и не будет тебя кусать.

— Ахмет-Ахай,—воскликнул Синий Глаз—мурза козоский,—когда блоху поймают, тогда не проще ли сжать ее в пальцах и придавить ногтем? Разве не подохнет?

— Это,—отвечает ему Ахмет-Ахай,—правильно; она, конечно, подохнет и от пальцев твоей руки. Но согласишься ли ты так дешево распродать для пользы людей свои пальцы, как дешево я продал мою траву для твоей пользы, мурза?

КУРБАН ИЗ КАМСЫ

Ахмет-Ахая были два друга—старик Хуртмулахай и сын его Хуртморахай.

Как-то купили они на ялтинском базаре три окка камсы, положили ее в тарпу

Хуртморахая и пошли домой.

Дошли до леса Педи и легли в холодке отдохнуть.

Смотрят на камсу и замечают: глаза есть, носики есть, хвостики есть.

— Сынок,—воскликнул старый Хуртмулахай,—не показать ли рыбешку нашему Ахмет-Ахаю? Спросим его, можно из камсы курбаны резать или нет. Мы режем баранов аллаху, а это обходится не дешево. Мы, люди бедные, на себе таскаем через высокую яйлу и сливу, и груши, и айву. Сколько трудов! Душа от тяжести сжимается. Рыбешек же покупаем на копейку десять штук. Если скажет наш советник Ахмет-Ахай резать курбан из камсы,

дешевый будет байрам. Ведь из такой тарпы вся деревня нарежет курбаны.

Отвечал Хуртморахай Хуртмулахаю:

— Коротким пойдем путем. Что в нашей тарпе—Ахмет-Ахаю покажем.

Пришли они к фонтану Пяти Корыт, пили там воду и отдыхали в густой траве. Через Банное ущелье спустились в Озенбаш и прямо пошли к Ахмет-Ахаю.

Мудрец лежал на крыше в тени дерева. Увидав друзей, он сказал «мераба», и они полезли к нему на крышу.

Хуртморахай снял с плеч тарпу, а Хуртмулахай взял несколько рыбок и показал Ахмет-Ахаю.

— Скажи, советник, можно ли их на курбан резать?

Взял Ахмет-Ахай камсу, посмотрел на нее, взвесил в руке и сказал:

— Кровь? Да, есть! Душа? Да, есть! Глаза, как бусы. Почему нельзя?

— Тогда,—подумав, сказал Хуртмулахай,—надо всем беднякам-крестьянам раздать камсу. Пусть режут вместо баранов. Одной тарпы хватит на всю деревню. Но как делать такой курбан? Научи нас, Ахмет-Ахай.

— Не знаете, как делать? А как всегда делаете. Когда режут барашка, шкуру отдают мулле. Так и сейчас: сдирайте с камсы кожу и сдавайте мулле.

Поблагодарили Хуртмулахай и Хуртморахай Ахмет-Ахая за добрый совет и пошли по деревне раздавать камсу.

Начался курбан. Режут ножами камсу, головы в огонь бросают, мясо себе оставляют, а кожу мулле отправляют.

Смотрит эфенди: что за суматоха! Ему объясняют:

— Наш мудрый советник говорит: что камса, что баран—одинаковая жертва аллаху. Чем отлична одна жертва от другой? Кровь? Да, есть! Душа? Да, есть! Как бусы, глаза. Мы тебе принесли, имам-эфенди, курбанный налог.

Мулла изумился. Это что? Насмешка? Да и убыток какой! Рассердился мулла на бейнамаза, на Ахмет-Ахая безбожника, и сказал озенбашцам:

— Шерсти? Да, нет! Ног? Да, нет! Рогов? Да, нет. Куда годится такой курбан? Аллаху слушайте: из камсы курбаны прочь! Как велел пророк—из баранов, из коров, из верблюдов курбаны да будут!

Мулле что нужно? Доход нужен. Ахмет-Ахаю что нужно? Беднякам расход уменьшить нужно.

Весь праздник байрам мулла и бейнамаз с глазу-на-глаз не сошлись. А по исходе байрама вздумал Ахмет-Ахай мириться с муллой и пришел к нему в мечеть.

— Лучший из алмазов ислама!—обратился шутник к властителю курбанов.—Аллах, как ты говорил, учит видеть в малом великое и в безделице—драгоценность. Знаешь ли ты, о гора благочестия, что эта презренная камса может послужить источником радостей твоих, и ты, о вершина мудрости, с лихвой возместить убытки, которые понес за время этого неурожайного для тебя байрама? Открой же чаши ушей твоих. Ты видел мальков камсы, которых продают на берегу Черного моря? То ведь семена огромных рыб. Засеяв ими поле, о ясно видящий в суннах, о пловец в темных водах корана, ты соберешь невиданный урожай. Он наполнит твои подвалы и сладостной тяжестью приблизит к земле глубокие карманы твои.

Озенбашский мулла хорошо понял Ахмет-Ахая. Он быстро сообразил, что этот совет ему выгоден, и в тот же день отправился в Ялту.

Купил десять тарп камсы, нанял носильщиков, доставил в Озенбаш и потребовал от джемаата, чтобы ему вскопали землю. Этой мелкой рыбешкой мулла засеял пашню и, пять раз в день молясь аллаху, ожидал появления из земли больших морских рыб.

Время шло, а рыба не всходила.

Мулла пошел к Ахмет-Ахаю.

— Так и так, такое дело. Многоценный сын мой, как человек разумный, объясни мне, почему я десять тарп семян большой рыбы посеял, а урожай нет.

Ахмет-Ахай говорит:

— Может, кто-нибудь ворует ваш урожай?

— Что же мне делать?—спрашивает опечаленный мулла.

— Караульте поле, эфенди.

По совету Ахмет-Ахая, опытного в делах земли, мулла-эфенди, многоопытный в делах неба, пошел караулить свое поле.

Он захватил священный коран и, дав муэдзину ружье, позвал его с собою.

Мулла читает коран, муэдзин шагает вокруг него и караулит. А посеянная камса вся уже сгнила, и на тарпе развелось много мух.

Читал мулла коран, читал, а когда кончил, заметил на земле большую жирную муху. Закричал мулла:

— Вот он! Вот он! Вот похититель урожая моих громадных рыб морских! Вор крылатый, носатый, чудовищный! Не вижу, имеет ли хвост, но голова—да, есть у него!

— Тише, тише!—сказал муэдзин.—Осторожно! Схватим его!

В это время муха взлетела и села мулле на грудь. Как поймать? Если он пошевелинется или крикнет, муха улетит. Тогда наш мулла вытягивает губы, тихо свистит, а пальцем указывает на то место у сердца, где сидит муха. Подает знак муэдзину, куда стрелять, чтобы убить вора.

Муэдзин стреляет. Муха, конечно, улетела, а пуля пронзила сердце муллы.

На выстрел прибежал Ахмет-Ахай.

— Что ты сделал, крикун минаретный? Кто теперь будет курбанные шкуры собирать?

— Да он же и будет.

— Ты же ему сердце прострелил!

— А разве есть у него сердце?

ЗУБОЧИСТКА АХМЕТ-АХАЯ

Ахмет-Ахай сварил мясо и запер дверь своего дома, а ключ положил под камень. Взял топор и пошел в лес срубить колышек для чистки зубов после предстоящего обеда.

По дороге он встретил муллу и говорит ему:

— Я положил под камень ключ свой и оставил в комнате казанчик с мясом, а сейчас иду в лес за зубочисткой. Ты смотри, эфенди, этим ключом, который я спрятал под

камень, не открывай дверь, которую запер я, и не кушай мясо, которое я сварил.

Служитель неба, как только скрылся Ахмет-Ахай, пошел к нему в дом, открыл дверь, съел сколько ему понадобилось и оставил казанчик открытым.

Через некоторое время Ахмет-Ахай пришел из леса с зубочисткой и видит, что у него казан открыт и полон мух.

С огорчением отправился он к мулле и говорит:

— Я, конечно, понимаю, кто съел мясо. Но тебе, служитель неба, истина еще лучше известна. Скажи, что я теперь делать буду.

Муллу посмотрел в священный коран и говорит:

— Мясо съели мухи, и теперь эта ясновидящая книга книг предсказывает, что ты будешь их бить палкой.

Посмотрел Ахмет-Ахай и видит—на губу муллы уселась большая муха. Без лишних рассуждений озенбашец хватается свою зубочистку и ударяет острым ее концом по зубам муллы.

Служитель бога остолбенел.

— Как видишь, мулла,—говорит ему Ахмет-Ахай,—от твоей ясновидящей книги не скроешь истины.

— Но откуда ты узнал, что я съел твое жаркое?

— Мне спела об этом песенку мушка на губе твоей. Должно быть, она незадолго перед этим прочла целую суру из твоего священного корана, о, мудрец михраба и полумесяца!

МУЛЛА-ИШАК

Крутящийся минарет, а под ним ад—что значит?
Крутящийся минарет, а под ним ад—палка в кипящем мыле значит. Когда в котле мешают мыло, под котлом чад и дым очага.

Низкий сарайчик, а внизу буран—что значит? Низкий сарайчик, а внизу буран—сито значит. Когда просеивают муку, поднимается белый ураган.

Видит мулла озенбашский—жена Ахмет-Ахая молода и красива.

Задумал мулла недоброе.

Рано утром, только встретит ее, не дает проходу, кричит, как осел. А она? Рассказала об этом мужу.

— Знаешь ли, Ахмет, наш сосед-мулла, только увидит меня, кричит, как ишак.

Ахмет-Ахай говорит ей:

— Почему бы тебе не ответить ему тем же?

Вот мулла опять встречает ее ослиным ревом. На этот раз жена Ахмет-Ахая приветствует его тем же. Подходит к ней мулла и тихо спрашивает:

— Когда притти?

Женщина отвечает:

— Вечером Ахмет-Ахай поедет в Ялту. Как станет на осла садиться, осел непременно заревет. Услышишь голос Салпыхулаха, тогда и собирайся.

Ахмет-Ахай, конечно, знал об этом условии.

Вечером мулла жадно прислушивается к реву ослов Озенбаша—боится: а вдруг не разберу среди них голос Ахмет-Ахаева ишака.

Тем временем Ахмет-Ахай ставит на огонь большой котел черного мыла. Всю ночь его надо варить до самого утра.

Теперь садится хозяин на осла. И весь Озенбаш оглашает своим неистовым ревом Салпыхулах.

Дождался мулла. Подходит к двери и стучит. Лукавая женщина встретила муллу приветливо.

— Заходи скорее. Мужа дома нет.

А сама ворочает в котле большой палкой густую пасту черного мыла.

Муллу хотел сразу приступить к делу, но женщина так сказала гостю:

— Ох, эфенди! Как я устала! Покрутите немножечко, если только любите меня.

Что может сделать хитрый мулла с еще более хитрой женщиной? Взял он палку в обе руки и стал мешать кипящую мыльную пасту.

Время уже за полночь.

Петухи пропели.

Муллу надоело работать, но прекрасная женщина не дает ему распрямить шею.

Петухи опять поют.

Это уже знак для Ахмет-Ахая спуститься домой с чаира.

Далеко от жены не уехал,—здесь и был его ялтинский базар.

Послышался ослиный рев. Раскрылись двери, хозяин вошел в дом.

— Это что? Это кто? На мыльную фабрику Чорт-Ахая занесло?

Выхватил тут Ахмет-Ахай из рук муллы палку, как даст ему по шее. У чалмоносца шея так и загорелась.

Служитель бога кинулся бежать из мыльной фабрики. Ахмет-Ахай за ним. Вдогонку кинул горящую палку. Еще раз угодил по шее. Скачет мулла, как дикий козел, и шея его горит без дыма.

В этот же вечер другой хозяин своей жене сказал:

— Я должен пойти в Ялту. Проспать нельзя. Поздно ночью разбуди меня.

Женщина всю ночь не спала. Будит она мужа, а он ей говорит:

— Иди на улицу, может, кого увидишь, спроси, скоро ли рассвет.

Когда женщина из дома вышла, видит—мулла бежит, а шея у него горит.

— Рассвет или нет?—спрашивает она бегущего.

Муллу отвечает:

— И раз, свет, и два ударил. А загорелось еще до петухов.

Каждый думает свое, а у муллы догорает шея и освещает уходящую ночь.

Мечется мулла по Озенбашу. Домой бежать боится. Куда деваться—не знает. Какой-то полосатый шайтан в третий раз раскудахтался. Вот-вот из розовых бочек аллаха прольется утро, и всякий глаз увидит позор муллы.

Вдруг навстречу ему—жена Ахмет-Ахая.

— Скорей, скорей!—говорит она ему быстрым шопотом.—Осел убежал. Ахмет-Ахай его искать пошел. Дома нет никого. Идем.

Растерянный мулла вслед за коварной женщиной опять вошел к Ахмет-Ахаю в дом.

Только уселся мулла на миндер и стал успокаиваться, как опять застучали в дверь.

— Это кто?—в испуге закричал мулла.

— Вай-вай!—шепчет женщина.—Это Ахмет-Ахай.

— Куда же мне деться?

— Ты стань, эфенди, на четвереньки и согнись. Я накрою тебя, и ты сойдешь за софру.

Мулла согнулся, жена Ахмет-Ахая накрыла его, и он сделался, как низенький татарский столик.

Входит Ахмет-Ахай в дом, снимает джуппе, садится к софре.

— Ох, мой живот к спине приближается! Дай чего-нибудь поскорее.

— Клецки будешь есть?

— Зачем спрашиваешь? Чего хочешь дай. Видишь, какой я голодный!

Она ставит на муллу-софру миску клецок. Ахмет-Ахай видит—миска плохо стоит на софре, не держится. Как ни переставляет, все набок клонится.

— Жена, дай мой железный молоток, я научу софру уму-разуму.

Берет железный молоток. Как даст мулле по спине! Тот вскрикивает. Ахмет-Ахай говорит:

— Что такое? Откуда в доме осел? Как сюда попал? Где он здесь? А-а-а, вот он! Вот он где! Достань-ка, жена, уздечку и кнут. Давно пора на мельницу.

А мулла весь бледный сидит на полу, голос остановился у него в горле.

Ахмет-Ахай, недолго думая, накинул мулле на голову уздечку, положил ему на спину мешок пшеницы, стегнул кнутом и погнал на мельницу. Впряг он муллу и стал молотить свою пшеницу. Ходит мулла-ишак по кругу, из последних сил ворочает жернова, еле ноги переставляет. Как остановится, Ахмет-Ахай бьет его кнутом. Тогда мулла начинает шагать веселее.

Перемолол двуногий ишак пять пудов пшеницы. Погрузил на него Ахмет-Ахай муку и погнал домой.

Дотащил эфенди свою ношу до дома Ахмет-Ахая. Снял с него мешок хозяин, снял уздечку и отпустил.

Проходит какое-то время, мулла встречает жену Ахмет-Ахая. Глаз не поднимая, старается мимо пройти. Женщина стала ему на дороге и визжит тоненьким голоском осленка.

— Тебе что, дочь шайтана?—говорит ей мулла.—Все мыло измылили? Или, может, мука кончилась?

А теперь знаешь—крутящийся минарет, а под ним

ад—что значит? Низкий сарайчик, а внизу буран—что значит? Крутящийся минарет, а под ним ад—палка в кипящем мыле значит. Когда в котле мешают мыло, под котлом чад и дым очага. Низкий сарайчик, а внизу буран—сито значит. Когда просеивают муку, поднимается белый ураган.

АХМЕТ И МУЛЛА

ПОД ОРЕХОВЫМ ДЕРЕВОМ

Как-то в поисках мудрости шел озенбашский мулла с Ахмет-Ахаем, и случилось им остановиться в пути близ тыквенного баштана под огромным ореховым деревом. Толстый мулла, изнуренный жарой, сразу же свалился под деревом и уснул, а Ахмет-Ахай, лежа под густыми кустами, рассматривал мелкие орехи и вслух раздумывал:

— Почему на большом дереве, прожившем целый век, растут такие маленькие орешки, а внизу на земле, на тыквенном баштане, на низеньких стебелечках выросли тыквы, каждая весом в батман?

И, посмотрев в небо, этот несправимый пересмешник муллы воскликнул:

— О, падишах небесный, властитель моей печени, разве не должно быть наоборот?

В это время с дерева упал орех и ударил спящего муллу в лоб,—даже кровь показалась.

— Бейнамаз,—закричал в отчаянии мулла,—что ты делаешь с моею башкою?

— Это не я ударил тебя по лбу, а бог ударил. Он хотел, видимо, узнать, крепок ли твой лоб и хорошо ли держится в нем твоя вера. Ах, мой бог, простите,—обращаясь к небу, сказал шутник Ахмет-Ахай,—вы, боже, действительно хорошо сделали, что вырастили на большом дереве маленькие орешки. Увы, если бы на месте этих орешков вы поме-

стили большие тыквы, что было бы тогда с головою муллы, так доверчиво растянувшегося под вашими плодами? Конечно, святой муж тут же кончился бы, и не нашлось бы здесь того, кто помолился бы о нем. Ведь я же молиться тебе, аллах, не стану!

— Чего бормочешь там, нечестивец?

— О, святейший из мулл, спасибо скажи тому, кто явил сейчас чудо. Если бы на этом дереве оказались не орехи, а тыквы, вышибли бы они из головы твоей даже память о Мекке. И хотя бы ты лисой до Каабы добрался, спастись бы не смог...

— Огузок шайтана, — заругался мулла, — ты шутки свои начинаешь, когда я сплю?

— Это потому, что когда ты бодрствуешь, тебе ведь не до шуток, — сказал Ахмет-Ахай, расколол орех, ударивший муллу, и положил его себе в рот.

МЕШОК ОРЕХОВ,

БОГ И СОЛОВЕЙ

Ахмет-Ахаю и мулле как-то пришлось заночевать в чужом чаире под ореховым деревом. Ночь была теплая, спали они хорошо, а утром проснулись и видят — ветер сбил с дерева на землю немало орехов.

Ахмет-Ахай, не зарившийся на чужое, даже и внимания не обратил на орехи. А мулла, многозначительно поглаживая свою козлиную бороду, елеинным голосом Ахмет-Ахаю, дорожному слуге своему, говорит:

— Как ты думаешь, слуга, дерево это хозяйское или нет?

— Конечно, эфенди, — ответил Ахмет-Ахай, — оно находится в огороженном чаире, — значит, хозяйское.

— Да, и я так думаю. Но вот что беспокоит меня, слуга.

Посмотри-ка наверх и скажи мне — небольшие твердые плоды, что находятся над нашими головами на этом дереве и людьми именуется орехами, — хозяйские?

Ахмет-Ахай сказал:

— Конечно, эфенди, раз дерево хозяйское, то и орехи, находящиеся на нем, тоже хозяйские.

— Совершенно правильно ты говоришь, мудрый мой дорожный друг. И я думаю — если дерево хозяйское, то и плоды, на нем находящиеся, принадлежат хозяину и должны быть свято оберегаемы в его пользу по законам мудрого корана. Но вот, сын мой, на мгновение опусти взор ниже и посмотри, что видишь ты под деревом?

— Сброшенные ветром спелые орехи, — сказал Ахмет-Ахай.

— Совершенно верно, нежногосый сын мой. Божий ветер по воле единственного в небе с дерева плоды эти твердые, людьми именуемые орехами, сбросил вниз, и дереву, значит, они уже больше не принадлежат. А если так (а это, конечно, так), то скажи мне, чьи они? Не правда ли, сын мой, раз мы по воле божьей находились под этим деревом, и орехи эти по воле божьей ссыпались к нам, то не являются ли они, по воле всевышнего, нашими? Как ты думаешь, Ахмет-Ахай?

Ахмет-Ахай, зная, что со служителем аллаха, когда он рассуждает, держа в руках коран, спорить невозможно, согласился с мнением муллы.

— Значит, любезный спутник, божественную истину мыслей моих и неоспоримую пользу их ты поддерживаешь? С этого мгновения я уже считаю орехи эти нашими. Но нас, душа моя, двое. Как же нам поступить?

— Как водится. Если двое, что находят — делят.

— Очень правильно, сын мой. Мы и поступим так, как поступают в этом случае. Орехи, щедрым аллахом к нам сюда сброшенные, мы с тобой сейчас же разделим. Только вот какой вопрос я имею к тебе, друг пути моего. Эту милость неба как делить? По обычаю благочестивых людей или по законам бога?

Ахмет-Ахай подумал: что камнем по голове, что головой о камень! — и сказал:

— Ты, эфенди, слуга бога, я в этом пути твой слуга. Давай разделим эти орехи по закону бога.

Тогда мулла с помощью Ахмет-Ахая собрал в кучу все орехи, насыпал их в свой большой дорожный мешок и сказал:

— Это все будет мне. А если спросишь, тебе что? Так вот тебе.

И, подобрав завалившийся под деревом один-единственный орех, отдал его Ахмет-Ахаю.

— Возьми, сын мой, эту долю свою и с помощью аллаха спрячь.

Ахмет-Ахай, как хорошо ни знал муллу, как ни был предусмотрителен, такого дележа не ожидал и с укоризной сказал ревностному исполнителю законов аллаха:

— И это, по-твоему, называется разделить по-божески?

— А разве нет?—сказал мулла.—Посмотри внимательно на дела мира и заметь, как вседержитель распределяет блага на земле. Одному он все дает, а другому—что? У одного есть сметка, удача, богатство, а у другого что? Поверь, мой друг, что дележ я этот совершил точно по-божески. Я его слуга, а он мой повелитель. Смотри, как он со мною все поделил. Себе взял небо и луну, а мне дал что? Свечу в мечети дал он мне. Тебя, дурака, в слуги дал он мне. И за это ему спасибо. От бога прося, много проси; если даст мало, и тем будь доволен. Дал бы он мне луну,—вошла бы она в мечеть? А свеча входит. У меня нет места для луны, а где у тебя место для орехов? Куда бы ты все эти орехи положил, когда мешка у тебя нет, а карманы дырявые? Значит—правильно аллах сделал, что подарил мне весь этот мешок, а тебе, бедняк, моими руками он дал, что слодует тебе.

Ахмет-Ахай сказал:

— Всего один орех? Смилуйте, прошу вас, над моим голодным брюхом. Переделите эти дарованные нам попутным ветром блага! Ведь того, что вы дали мне по совести божьей, нехватит и на один зуб. Умоляю вас, священный представитель неба, снова, если можно, разделите и на сей раз по законам человека.

— Какого человека?—спросил Ахмет-Ахая мулла.

— Хотя бы такого, как вы, мулла.

— Как я?—воскликнул слуга аллаха и, кинувшись

на Ахмет-Ахая, вырвал у него из рук его единственный орех.

— Вот, милый друг мой, дележ по законам человека. Но вот что, сынок, послушай,—сказал мулла.—Как я слугой прихожусь богу, так ты приходишься моим слугой и у меня должен обучаться вкусам и обычаям. Что в мешке моем имеется—мое, и об этом спор мы прекращаем. Но вскинь, дружок, глаза свои вверх. Смотри, как много еще там осталось орехов. Что, если ты взберешься наверх и pomoжешь ветру божьему, немного потрясешь дерево? Разве ты этим не окажешь услугу аллаху? Что с дерева падет, клянусь бородой моей, я разделю с тобой—и не по законам бога, и не по законам человека, а по законам ветра, ссыпавшего орехи вниз.

Ахмет-Ахай сказал:

— Чтобы я да полез на это дерево? Да оно же не выдержит моей тяжести, и я разобьюсь.

— Помилуй, Ахмет-Ахай, что ты говоришь? Это дерево не охватить руками, оно же толстое и крепкое, как железо.

— Нет, эфенди, я на это дерево не полезу.

— Ну, что ты говоришь? Ты такой худой и легкий. Я насколько тяжелее тебя, а вот сейчас на дерево это взлезу, буду держаться на нем и не упаду.

— Не упадешь? Бьюсь об заклад, что вот ударю девять раз моей дорожной палкой по дереву, оно и повалится.

— А если не повалится?

— Если от девятого моего удара дерево не повалится вместе с тобою, тогда считай меня, мулла, своим рабом навечно.

Эфенди, всегда желавший приумножить богатство, тут же с помощью Ахмет-Ахая забрался на дерево.

— Ну, считай,—говорит.

Ахмет-Ахай взял свою палку и стал ударять по толстому дереву:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...—и дошел до восьми.

— Ну, ну,—кричит ему мулла с дерева,—девятый раз ударь и... станешь рабом моим. Ха-ха. Ну, чего же ты не ударяешь? Или боишься, что я разобьюсь? Так я прошу тебя, пожалуйста, ударь. Чего же ты медлишь?

— А спешить куда? Девятый раз по этому дереву я ударю, когда придет конец мира и когда воскреснут мертвецы.

Не успел Ахмет-Ахай произнести эти слова, как на чаир въехал верхом на быке хозяин. Чужаков в своем чаире—одного на дереве, другого под деревом—он заметил.

— Что вы здесь делаете?

Мулла на дереве—ни жив, ни мертв. А Ахмет-Ахай хозяину отвечает:

— Неужели ты не видишь, что на дереве сидит обыкновенный крымский соловей? На то он и соловей, чтобы сидеть на дереве.

— Ах, так,—сказал хозяин,—это, значит, соловей? Но что он там делает?

— Что полагается соловью, то он и делает—поет.

И, обращаясь кверху, говорит Ахмет-Ахай мулле:

— А ну-ка, соловушко, затяни с хозяйского дерева свою высокую песенку.

Мулла, чтобы спастись от позора, затянул козлиным голосом божественную песню. Хозяин расхохотался.

— Разве так поет соловей?

— Хозяин, это святой соловей, а святы соловьи иначе петь не могут.

— Ах, так!—сказал хозяин.—Значит, этот мелек, имея соловьиные крылышки, запросто, по-птичьему, залетел в мой чаир? Ну, а ты, бескрылый человек, что делал здесь?

— Я что делал здесь?—сказал Ахмет-Ахай.—Стесняюсь, хозяин, сказать, что я тут в саду твоём делал.

— Ну, если делать не стыдно было, так сказать почему стыдно тебе? Говори.

— Я залез к тебе, хозяин, в чаир потому, что мне очень было нужно... как бы это сказать попроще... ну, а в неогороженном месте я стеснялся.

— Ага. А чем ты докажешь, что именно за этим попал в мой чаир?

— Чем я докажу? А вот посмотри.

И указал на кучу неподалеку от дерева.

— Так это же коровий навоз,—сказал хозяин.

— Дорогой шорбаджи, ты так неожиданно появился, что не дал мне спокойно по-человечески отпривать перед

лицом этого сидящего на дереве бородатого соловья мою неприятную необходимость.

— Ну, хорошо,—сказал хозяин чаира.—Предположим, что все сказанное тобою правда, что действительно этот соловей залетел в мой чаир, чтобы песню спеть, а ты забрел сюда за своей нуждой. Но что, в таком случае, находится в этом мешке и чей это мешок?

— Находящееся в этом мешке, хозяин, было до ветра твоим, а мешок я не считаю своим.

— Но если этот мешок не считать твоим, то чей же он и каким же чудом оказались в нем мои орехи?

— Каким чудом? Божеским. Щедрым ветром орехи эти он с дерева твоего насыпал в мешок.

— Для кого?

— Для этой сидящей на дереве твоем белки.

— Каким же чудом соловей уже стал белкой?

— Когда соловьиным клювом он святые песни петь устанет, беличьими зубами ореховую скорлупу прогрызет. Словом, хозяин, масал мой будет коротким. Ты сидишь на быке, я стою на земле, на небе бог, а на дереве твоём, между небом и землей, смотри—сидит он, мулла и великий делец. Он и бога обманет! Он и меня проведет. Он и тебя проведет. Если захочет, своими зубами из шкуры твоего быка мясо вытащит, а ты и не заметишь. Если захочет, и тебя вместе с быком в свой мешок ненасытный загонит.

Хозяин испугался и погнался быка с чаира.

СВЯЩЕННЫЕ КАПЛИ ДОЖДЯ

Как-то шел имам домой в новом джуппе и попал под дождь. Не желая испортить шубы, старший по молитвам пустился бежать.

Ахмет-Ахай увидел это.

— Эй,—кричит он,—имам-ахай, куда мчишься?

— У меня новое джуппе, сынок. Боюсь замочить.

— Ах, эфенди! Когда имеешь дело со святой водой, льющейся с божественного неба, тебе, любимец аллаха, достойно ли бежать?

На другой день Ахмет-Ахай работал в поле и попал под проливной дождь. Пустился и он бежать домой.

Заметил его имам с балкона и воскликнул:

— Э-э, Ахмет-Ахай, чего же ты бежишь? Вчера меня чему учил?

Наш мудрец и тут нашел ответ:

— Ты бежал вчера от дождя, чтобы не промокнуть, и это был, конечно, твой великий грех, а я сегодня бегу, дабы не потоптать падающих с неба священных капель, и в этом, конечно, моя великая заслуга перед властителем высот.

ОТРАВЛЕННАЯ СЛАДОСТЬ

одной из деревень поднесли мулле сепет сладкой баклавы. И мулла, надуватель, сказал своему спутнику:

— Драгоценный мой Ахмет-Ахай! В одном из домов случилось горе. Один из дышавших перестал дышать. Умер зингин-адам—богатый бей. Надо похоронить его. Ты останься здесь и береги мои корзинки и мешки. Но вот что, дорогой мой, не забудь: эта корзинка полна баклавы, не вздумай, сохрани тебя аллах, к ней прикасаться. Знай, сын мой, что она отравлена, и в тот миг, когда возьмешь из нее хоть маленький кусочек в рот, душа твоя расстанется с тобою, и ты умрешь, как умер тот богач, кого я иду сейчас, о сын мой, хоронить. Он ел баклаву из этого сепета и умер. Сын праха, бедный человек!

Так строго наказав Ахмет-Ахаю и уверившись, что озенбашец не станет трогать баклавы, мулла отправился на похороны, а Ахмет-Ахай остался караулить мешки и корзинки слугителя небес.

Оставшись наедине, Ахмет стал уплетать из корзинки сладкую баклаву. Кусок за куском, кусок за куском опустошил он весь сепет и губы облизывает. Теперь у него стал толстый живот—раздулся, как у мурзы.

Вот-вот придет мулла и изобьет Ахмет-Ахая. Что делать ему? Он был очень умный и вот что придумал: достал из сумки муллы красивый золотой ножик, чеканенный в Стамбуле, и сломал его. Сломал и сидит грустный, как птица Рух, потерявшая крылья.

Возвращается мулла с богатых похорон, довольный полученной наградой, и видит Ахмет-Ахая в печали.

— Что произошло, сын мой?

Ахмет-Ахай не может ответить. Слезы душат ему горло.

— Простите, оджа, я взял ваш золотой красивый ножик стамбульской чеканки и...

— Подожди, подожди, расскажи сперва, кто съел баклаву?—мулла уже заметил, что сепет опустел.

Ахмет-Ахай застонал:

— А-а-а! А-а-а!.. Писать, мой эфенди, мне очень захотелось по-арабски. Я взял ваш красивый ножичек стамбульской чеканки и хотел наточить перо. Но ножик сломался... Я испугался. И чтобы не видеть мне вашего гнева, захотел я умереть. И взял я вашу отравленную баклаву. И съел кусок. Но не умер. И еще стал кушать и все не умирал. До конца я кушал и до сих пор не умираю. Поэтому я и плачу,—говорит Ахмет-Ахай.

ЛУНА, КОЛОДЕЦ И ДВЕ ТЫКВЫ

Ахмет-Ахай и мулла забрели в степную деревню. Мулла пошел собирать ишюр, а Ахмет-Ахай прогуливался по деревне и пел озенбашские песни. Была очень яркая лунная ночь. Молодой месяц—золотой казан—будто воду лил с неба.

Ахмет-Ахаю захотелось пить. Он подошел к колодецу.

Посмотрел вниз—вода очень глубока. Как достанешь?

Видит—висят два ведра; когда одно в колодец опускается, другое поднимается. Ахмет-Ахай сел в одно ведро и сразу же полетел на самое дно колодца. Попить-то он, конечно, попил, но как теперь выскочить? Сидит он, бедный, на дне колодца и думает.

Что он мог? Ждать. И он ждал. А чтобы не скучно было, он громко зашел.

Пока Ахмет-Ахай сидел на дне колодца и в лучах отраженной луны песню пел, козлобородый мулла-эфенди возвращался на место ночлега с двумя огромными тыквами, которые он выпросил у одного хозяина. Услышал он знакомый голос как бы из недр земли и подошел к колодцу. Посмотрел—видит своего спутника на дне.

— Брат Ахмет, что делаешь там?

Ахмет:

— Неужели не видишь? Пока ты, святой эфенди, скитаешься по домам людей и собираешь по капельке свои поборы, у аллаха случилось несчастье.

— Какое несчастье? Что ты говоришь?

— Неужели не видишь? Аллах луну обронил в колодец. Смотри.

Мулла посмотрел вниз, видит, действительно луна—на дне колодца в воде. Он очень испугался: священная принадлежность мусульманского неба—и вдруг попала в колодец!

— Что же ты с ней делаешь там, Ахмет-Ахай?

— Я ее хочу вернуть на место. Это, конечно, ваша обязанность, но раз вас не было... Я поспешил. Но вот беда: луну, оказывается, держит джин, и я сейчас его упрашиваю, чтоб выпустил из колодца обретенную аллахом драгоценность.

— Что ж ты так долго упрашиваешь его?

— Этот каменолобый со мною, простым человеком, и разговаривать не желает. Если можно, спускайтесь ко мне на помощь. Может, своей святостью на него подействуете, и он, испугавшись вашего черного халата, сам выпустит этот священный круг, который он стащил вниз.

От столь богоугодного дела, как возврат луны на небо, мулла, конечно, не имеет права отказаться. Но как спуститься к Ахмет-Ахаю?

Толстый, как кадка, он, по указанию Ахмет-Ахая, садится во второе ведро и летит в колодец. В это время первое ведро с шутом Озенбаша поднимается наверх.

Когда козлобородый мулла, ударившись о дно колодца, опрокинулся на спину, он увидел из глубины колодца луну на высях неба. Слуга аллаха обрадовался и воскликнул:

— Хотя я и пробил свою голову, но луну на место поставил.

Тут взгляд муллы упал вниз, и он увидел сразу две луны—наверху и внизу.

— Что это?—кричит он Ахмет-Ахаю из глубины колодца.—Еще луна?

— Наверно прошлогодняя. Если можно, толкайте и ее наверх, мулла! С двумя светилами на небе вы тут такую святость заведете, что правоверные дарить вам станут в два раза больше, чем при одном небесном свете. Я вижу—вы получили только две тыквы, бегу к хозяину, верну их ему,—пусть теперь даст четыре.

КАК АХМЕТ-АХАЙ

БЕКМЕЗ ВАРИЛ

Очень бедно жил Ахмет-Ахай. Денег нет, а базар без денег ничего не дает. Но бывает—человек деньги имеет, смекалки нет у него, этот и с деньгами беден. А Ахмет-Ахай смекалку имел—и без денег богат был.

Конец лета пришел, фрукты в садах созревают. Дым идет по всему Озенбашу—в больших котлах над горящими дровами варится бекмез.

Богатый сосед Ахмет-Ахая мулла-эфенди сорок котлов бекмеза варит. Ахмет-Ахай думает: «Мне бы хоть один сварить». Котел нужен, а котла нет у бедняка.

Тогда он—мудрая голова—придумал хитрость. К мулле-эфенди пришел и говорит:

— Пока у тебя столько бекмеза варится, и в девятую бочку ты уже наливаешь его, мне немножко шорбы сварить захотелось. Одожди мне, пожалуйста, свой казанчик.

— Одожду,—говорит мулла,—если угостишь и меня шорбой. Я варю бекмез, и шорбу сварить мне некогда.

— Очень хорошо,—сказал Ахмет-Ахай. Казанчик взял, пирнич-шорбу—рисовый суп—сварил, сам покушал, соседа угостил. Меж двух варок бекмеза мулла охотно поел.

Когда скупой мулла доел пирнич-шорбу, Ахмет-Ахай вымыл и начистил казанчик так, что он заблестел, как луна на четырнадцатый день. В этот казан блестящий Ахмет-Ахай положил еще один совсем-совсем маленький детский казанчик, которым играл его сынок Эип, и отдал то и другое соседу.

Поднимает мулла крышку своего казана и видит: вымыт он хорошо и в нем еще маленький казанчик. Он удивился:

— Что это, сосед? Я тебе один казан дал, а ты мне возвращаешь два? Навсегда ли это и почему?

— Не удивляйся,—говорит Ахмет-Ахай,—и пользуйся с радостью тем, что уготовил для тебя в моем доме щедрый к тебе аллах единственный. Как видишь, казан твой в доме моем разродился, а теперь у него имеется дитя.

— О,—говорит скупой мулла,—спасибо нашему аллаху. Это хорошо. Это очень хорошо. Вот что, сладколюбивый мой Ахмет-Ахай, сейчас уже ночь, я варить бекмез устал и спать хочу. Сделай себе, сын мой, одолжение—мой большой казан у меня на ночь займи. Одну варку бекмеза из своих груш к утру сделать успеешь. А когда казан мой возвращать мне будешь, может, окажется, что аллах снова смилостивился над моей судьбой, и большой казан мой тоже разродится в твоём доме.

Ахмет-Ахай одолжение себе сделал—у скупого соседа-моллы большой казан с удовольствием взял. А наутро и не думает его возвращать. Мулле опять бекмез варить надо—бочки приготовлены, груши нарезаны—большой грудой лежат. Ждет-ждет, а Ахмет-Ахай ему котла не несет.

Тогда мулла сам идет к Ахмет-Ахаю.

— Чего мой большой бекмезный котел не возвращаешь? Я тебе его дал только до утра. Верни мне его сейчас же, и с приплодом, который даровал мне в твоём доме аллах единственный.

— Эйвах! мулла-эфенди, выполнить твоё желание невозможно.

— Почему?

— Твой казан уехал в Казань.

— Что ты говоришь?

— Не будем затягивать разговор: твой большой котел умер.

— Как умер? Опомнись, что за вздор городишь ты. Разве котел может умереть?

— Не веришь?

— Конечно, не верю.

— Ах ты, керата неверующий. Когда казан родился—верил, а теперь, когда умер, почему не веришь? Кто рождается, тот не умирает разве?

БОЧКА БЕКМЕЗА В СТЕПИ

Из горного Крыма в степь Гезлевскую повез мулла-базыргян продавать сладкий бекмез и пригласил Ахмет-Ахая маклером.

— Конечно,—сказал купец-мулла,—то, что я, малоречивый и неловкий в слове, могу продать за кумуш, за то ты, мудроречивый, можешь выручить два и даже три кумуша.

И взял Ахмет-Ахая к себе на мажару.

В одну деревню приехали, остановились на майдане, и Ахмет-Ахай стал кричать:

— Сладкий бекмез! Аллахом для райских гурий был он приготовлен! Сладкий бекмез озенбапский! С небес высоких набрали мы полный чапчак! Кому бекмеза?

Налетайте, хватайте, здоровья прибавляйте! Большая бочка. Заплатите потом!

Когда мулла-купец, вдохновленный прекрасными песнями Ахмет-Ахая, стал доставать из бочки бекмез, увидел он в бочке дохлую крысу. Неудобным это показалось продавцу-мулле, взял он крысу за хвост и говорит:

— Вот инжирная груша! Только в Озенбаше такие растут. Как ты думаешь,—обратился мулла-купец к своему маклеру Ахмет-Ахаю,—хороший боздорган у меня в руке?

— Попробуй, базыргян,—говорит ему Ахмет-Ахай,—и узнаешь, какой у тебя боздорган.

Мулле-базыргяну ничего не осталось делать, как положить крысу к себе в рот. Ну, а когда в рот положил, то и проглотил. Иначе люди бы увидели, что у него в руке, и пришлось бы мулле-купцу выливать весь бекмез.

Когда степные люди увидели, что один из продавцов бекмеза сам съел этот прекрасный горно-крымский боздорган, кинулись все к мажаре с бочкой, и нежным голосом обратилась к купцу одна степная девушка:

— Почтенный продавец, достань, пожалуйста, мне из своей бочки такую же прекрасную инжирную грушу, какую ты сейчас с таким удовольствием отправил в рот.

— Э-ва,—говорит Ахмет-Ахай степной девушке,—для вас, длинноволосая, я сейчас же, конечно, найду самую большую и самую сладостную инжирную грушу из имеющихся в этой бочке.

Ковыряет бекмез снизу, но крыс не находит.

— Пожалуйста, подождите немножечко,—говорит степной девушке Ахмет-Ахай,—пока я тут найду инжирный боздорган, получите вот что.

И преподнес степной девушке букетик озенбашских роз.

Степная девушка горных цветов никогда не видела и взяла цветы в рот. Покушала и плюнула:

— Ой, как невкусно, ой, как невкусно,—говорит.

Ахмет-Ахай, пригнувшись к бочке, все искал другую крысу в бекмезе, но не находил. Услышал плевки девушки и оглянулся.

— Вай-вай, разве цветы кушают?

— А что с ними делают?

— К груди прикалывают.

После этого Ахмет-Ахай преподнес степной девушке большой горно-крымский огурец. Степная девушка таких огурцов никогда не видела и привязала его к своей шее.

— Ах, ты, степная девушка,—сказал Ахмет-Ахай, когда это заметил,—ничего ты не понимаешь ни в розах, ни в огурцах.

— А где тот инжирный боздорган, который ты обещал мне?—спрашивает девушка.

— Ох,—шепчет Ахмет-Ахай,—чем бы угостить степную девушку? Инжирных груш нет. А им непременно дай по груше! Надо из этой деревни бежать в другую, где не видели в бекмезе крыс и купят бекмез бескрысы.

— Но, но, бисмиллах!

Взмахнул кнутом Ахмет-Ахай. Мажара старинная скрипит: ги-ги-ии. Неинтересную песню завела телега. Ахмет-Ахай возле лошади сидит и лупит ее, а базыргян держится за бочку, чтобы бекмез не выливался.

Говорит Ахмет-Ахай мулле-базыргяну:

— Продажа не состоялась потому, что вы не умеете варить бекмез, уважаемый мулла. Если бы я варил, не одну, а сто крыс сварил бы.

СТРАННЫЙ УЖИН

ИЛИ СОН МУЛЛЫ

от что рассказывают.

Среди гор на большой высоте—каменный мектеб. В мектебе—каменный мулла. Было ли это или этого не было?

Как-то отправился, говорят, озенбашский мулла с Ахмет-Ахаем собирать онламу. Поздно вечером подходят они к незнакомой большой деревне. У многих просились переночевать, но их никто не принял.

Прешли они всю деревню и вышли на окраину ее.

Высоко на горе здесь стояла древняя мечеть с очень высоким минаретом. Постучались они в маленькую саклю возле мечети. Вышел оттуда горбатый седой старик и предложил им зайти в мечеть. Отпер двери, впустил их, а сам ушел. Немного погодя вернулся с жирным овечьим курдюком, который он им и преподнес на ужин. Мулла был жадный и не пожелал делиться с Ахмет-Ахаем.

— Милый Ахмет,—сказал мудроголовый собиратель ишиюра,—чего делить один-единственный хвост? Лучше вот как договоримся: ляжем спать, и кому из нас приснится лучший сон, тот и получит целиком этот хвостик.

Ахмет-Ахай сказал:

— Сон не мед и не бекмез, на базаре не продается, а слаще его на свете ничего нет. Я согласен, мулла, лечь спать.

Легли спать в холодной темной мечети.

Ахмет-Ахаю спать на камнях не в диковинку. Сразу уснул. А мулле не спится—скучает его святая душа. Холодно ему, весь трясется, зубами стучит. И кажется мулле, что вокруг него стучат джины, стучат в двери, стучат в стены. Пугается мулла:

— Скорее подойди к михрабу... зажги свечу,—так умоляет он Ахмет-Ахая.

Слуга храпит и не слышит хозяина.

Мулла начинает засыпать, и в дремоте ему кажется, что шум и стуки в дверь все усиливаются. Слышны голоса:

— Путники, ужинать! Путники, ужинать!

И снится мулле, что он потихоньку, стараясь не разбудить Ахмет-Ахая, подбежал к двери.

И ему показалось, что принесли овцу от этого хвоста. Он приоткрыл дверь и хотел схватить четыре овечьих ноги, но получил четыре удара палкой.

Пустил сборщик священной онламы бежать со всех ног. Через михраб бежал к минарету. По лестницам минарета все выше и выше. Поднялся на самый верх на шарефе.

Думает укрыться, но и здесь нет ему покоя, и по шарефе уже гонятся за ним с длинными палками.

Мулла хватает пояс, привязывает его к атому мечети. Между небом и землей висит мулла, сердце его, как костер в пещере.

А те с палками все ближе и ближе поднимаются к нему. Стучат под ними каменные ступени, вздрагивают стены мечети. Вот уже выбежали они на шарефе.

— Где мулла? Где он?

— А-а... вот он! Вот он! Тащите его наверх, лупите его!

— Не надо. Вот нож. Перерезайте кушак. Пусть летит вниз!

— Камни сюда! Засыпайте его камнями!

Пока мулла переживал эти страсти во сне как бы наверху минарета, слуга его Ахмет-Ахай крепко спал внизу мечети и этих мучений муллы не видел даже во сне. Наконец дикие вопли хозяина, который извивался во сне, как будто его резали джины, разбудили слугу. Ахмет-Ахай знает, когда человек кричит со сна, надо его будить. Тихонько поднялся он, подошел к слуге аллаха, пропел ему в ухо иляги по-арабски, разбудил его и спрашивает:

— Эфенди, вы почему так кричите? Может, вам дурной сон приснился?

Мулла испуганно взглянул на Ахмет-Ахая, взглянул на запертую дверь. Убедился, что джины исчезли и не грозят ему никакие беды. Приподнялся тогда он на своем каменном ложе и, медленно поглаживая длинную бороду, сказал:

— Сын мой, я кричал, знаешь отчего? От радости. Мне снился сон. Лучшего не может быть.

— Что же вам снилось?

— Мне снилась одна очень высокая лестница! Стояла она возле меня, а доходила до самого неба. По этой лестнице я, минуя острый, как бритва, и опасный, как пасть шакала, мост через пропасть, прошел на третье небо в великолепный рай. Я попал в восхитительный сад, деревья которого сами, туда-сюда наклоняясь, под замечательную музыку мне в рот вкладывали чудесные плоды, вкус которых ни с чем не сравним и не определим никакими словами. И мне только приходилось открывать рот и проглатывать эти сладкие, сочные плоды. И я так наслаждался и так хорошо мне было на этой вечно сияющей красоте, что я стал кричать от радости. Ну, а тебе, Ахмет-Ахай мой, что снилось?

Ахмет-Ахай усмехнулся:

— Мне, эфенди, приснился тот же сон, что и вам.

— Неужели?

— Да, мулла. Я увидел вас среди добрых, так хорошо угощавших вас деревьев. Вы так наслаждались и обжирались, что я подумал—нужен ли вам теперь за этими высокими облаками какой-то несчастный овечий хвост с этой печальной низины. И я съел его, почтенный эфенди.

О МОЛИТВАХ МУЛЛЫ И

О ТРУДАХ АХМЕТ-АХАЯ

Ахмет-Ахай как-то посадил картофель на своем баштане и ожидал прекрасного урожая. Но, к несчастью, по соседству с Ахмет-Ахаем жил зловредный мулла, любитель чужих трудов. Ахмет-Ахай знал жадность муллы и делал вид, что каждое утро сажает картофель, а каждый вечер выкапывает его из земли и уносит с баштана домой.

— Зачем, что до обеда сеешь, после обеда домой тащишь?—спрашивает мулла.

— Я плоды свои кладу под голову и сплю на них,—сказал Ахмет-Ахай.

— Зачем, сынок, такой нехороший сон себе устраиваешь, беспокойство своей голове даешь, сам себе мучения делаешь?

— Разве ты, имам-эфенди, не знаешь,—ответил ему Ахмет-Ахай,—старинной татарской пословицы, что бедняк свои богатства должен всегда хранить под изголовьем?

А баштан Ахмет-Ахая лишь узкой межой отделялся от участка муллы.

И ифрит-мулла все дальше передвигал межу, захватывая землю Ахмет-Ахая. И оказался вскоре весь баштан занятым этим шайтаном в образе муллы.

Теперь, считая баштан своим, разбойник поливал его, полыл и ухаживал за ним, как за своим священным кораном. А Ахмет-Ахай, как ни в чем не бывало, приветлив был со служителем мечети и отпускал ему перед каждым намазом много селямов.

Когда картофель созрел, Ахмет-Ахай улучил ночь и выкопал у муллы весь картофель.

Утром узнал об этом мулла и при всем народе спрашивает Ахмет-Ахая:

— Как могло, нечестивец, случиться, что картофель, за которым я столько времени ухаживал, в одну ночь стал твоим?

Ахмет-Ахай ему ответил:

— Что тебе коварство подарило, то мне труд доставил. Что для тебя день украл, то мне ночь вернула. Если ты с днем советовался, как межу баштана передвигать, то я с ночью посоветовался, как с него плоды собрать.

ВЕСЕЛЫЙ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ СОВЕТ

Верблюда сколько ни грузи, он говорит—грузи еще. Над Ахмет-Ахаем сколько ни смейся, он говорит—еще смейся.

Однажды он верблюда шкуру надел и на базар пошел.

Эту сказку оставь, другую скажем.

Когда Ахмет-Ахай джинджики был, у одного старого хатина ум проверял. Маловато у старого дурня ума оказалось. Ноги и руки его Ахмет-Ахай вертел-вертел, глядь, хатип верблюдом обернулся. Эту сказку оставишь, другую слушаешь.

На базаре Фериманшегерском был ларек, где продавали сказки. На базаре—чем не торгуют? И это оставь, дальше послушай.

Один окумуш-адам, ученый человек, у Ахмет-Ахая на базаре спрашивал:

— Скажи мне несколько сказок.

— Я скажу. Сколько вам надо?

— Сколько будет, скажи. Я ведь не знаю, сколько сумеешь.

Тогда Ахмет-Ахай к окумуш-адаму обращается:

— Если ко мне домой придешь, я тебе сколько хочешь расскажу. А на базаре спрашиваешь—по-базарному отвечаю: стакан вина поставишь—буду рассказывать.

Ахмет-Ахай как-то нашел верблюда. Был этот верблюд очень высокий, Ахмет-Ахай никак не мог сесть на него. Поставил лестницу, кое-как взгромоздился на верблюжий хребет и сверху провозгласил:

— В те времена, когда верблюд глашатаем был, я у него научился кричать. Слушайте же, люди, что я сейчас прокричу: если бы верблюд превратился в Азретанху-птицу, выложил бы он нам целую улицу яиц, каждое—с дом. Но пока этот верблюд еще верблюд, а не птица, заведем его на скотный двор.

Общественный скотный двор Озенбаша находился на горе Бойке, почти на самом верху, и примыкал к засеянному льном участку озенбашского муллы.

Вокруг скотного двора был плетень с воротами, а льняное поле муллы загорожено не было.

Ахмет-Ахай от имени общины обращается к мулле:

— Эй, зеленорябый сарык! Эй, идущий по земле бог! Смотрите, наш презренный скот отгорожен от драгоценного скулиера вашего святейшества. Как высоки стены, как крепки ворота! Ваше же многоуважаемое поле ничем не защищено от нашего презренного скотного двора. Если хотите, мы подарим вам эти ворота, и вы хоть немного закроете ими ваш замечательный скулиер.

Мулла озенбашский, полагая, что это лучше сохранит его льняник, с удовольствием принял предложение общины. Сняли ворота и поставили их перед скулиером.

Этим не замедлил воспользоваться найденный Ахмет-Ахаем верблюд. Из скотного двора он вышел и пошел топтать льняное поле муллы. Караульщик пришел к мулле и говорит:

— Мулла-эфенди, да проживешь ты столько, сколько ты сможешь прожить. По твоему вакуфному скулиеру ходит какой-то джанавар и губит прекрасный твой лен. Если это не оборотень, то это, несомненно, тот верблюд, которого Ахмет-Ахай—кто говорит—нашел, а кто говорит—выменял на иголку. Скажи, как с ним быть? Как удалить его, чтобы при этом не погиб под его ногами твой драгоценный лен?

Озенбашский мулла бывал умен, только когда нужно взыскать онламу, ишюр и курбанные кожи, а в остальных случаях он бывал глупее осла. Как поступить с этим верблюдом, не знал. Обратился за советом к самому Ахмет-Ахаю, хозяину верблюда:

— В мой многоценный скулиер забрался твой мерзкий верблюд. Что делать с безмозглой скотиной, от крика которой, говорят, когда-то минареты пригибались к Салгиру?

Чтобы люди посмеялись, дал Ахмет-Ахай мулле такое разъяснение:

— Конечно, это грузное животное, от крика которого сгибались минареты и выворачивались наружу колодцы, удалить с поля не так легко. Но с помощью моего совета ты это успешно сделаешь. Не советую тебе, мулла, выгонять его грубой силой. Этот пустынный, рассердившись, вытопчет твой посев до последней былинки. Перевяжи невеже одну к одной все его четыре ноги, припряги к нему шесть пар быков, пару к паре, голова к голове,—и волоком тащи негодяя.

Такой совет мулле понравился.

— А как добраться до него?—спрашивает он Ахмет-Ахая.

— Пешком к нему не приближайся. Вели заложить четырехколесную мажару.

Как Ахмет-Ахай посоветовал, мулла так приказал сделать. Шесть пар волов поставили, пара к паре, голова к голове. Сколько ни гнали, дело не подвигалось. Опять мулла за советом пришел к Ахмет-Ахаю.

— Как быть, Ахмет-Ахай?

— Как быть? Привяжите к каждому из волов по ослу, всех этих ослов привяжите к моему мулу и поставьте его вперед.

Сделали так. Опять не действует.

— Посадите,—говорит Ахмет-Ахай,—меня самого на моего мула.

Посадили Ахмет-Ахая на длинноухого мула, Ахмет как ударит палкой, мул как рванулся вперед, тронулись ослы, за ослами волы, за волами и верблюды всей тучей проехали по льяному полю.

Тогда мулла подбежал к Ахмет-Ахаю с криком:

— Весь лен мой пропал, ублюдок, сын бешеной волчицы! Еще скажешь—твой совет был напитан мудростью?

— Безусловно,—сказал Ахмет-Ахай,—и не считай мою голову менее сложной, чем гранатовое яблоко.

— Тогда разясни мне, служителю неба, эту твою земную мудрость.

— В позапрошлом году,—сказал Ахмет-Ахай спокойно,—я видел, как ты, мулла, сажал камсу. В прошлом году ты сеял соль. В этом году ты сеял топоры. Раз ты способен делать такие дела, почему было мне не посмотреть, добьется ли, наконец, твоя голова смысла или так и будет вечно подобна очагу, пускающему дым книзу? Вижу, уготованный тобою для грешников ад и на этой земле богат дымом. Но глаза народа пока выешь, сам топчешься немного, пусть даже и на этой горной высоте, откуда так хорошо видно небо.

ОСЕЛ, СОФРА И МОЛОТОК

В одно время было, в другое не было. В те времена медведи были, как горы, от верблюдьих криков бушевало море. Морской медведь был ханом суши, а человек имел сорокааршинные уши. Каждый палец его был с табурет, а лошадиная грива украшала его портрет. В такие-то

времена, на высокой горе-крепости, среди непроходимых скал, в глубокой, как колодезь, расщелине, прекрасная женщина-аждага в золотой чешуе песню чудесную из недр земли пропела Ахмет-Ахаю:

— Есть на этой скале большой ольмуш-шегер—мертвый город. В этом городе две тысячи пещер, полных золота, нарядов и яств. Кроме меня, в нем никто не живет. Тебя, Ахмет-Ахай, прошу пожаловать.

Озенбашский бедняк отправился на высокую гору и подошел к громадной скале, и открылись железные ворота, и вышла прекрасная женщина—аждага. Было у нее семь голов, и семью ртами она говорила, и каждый рот говорил на особом языке: один по-русски, другой—по-татарски, третий—по-урумски, четвертый—по-цыгански, пятый—по-инглизски, шестой—по-френкски, седьмой—по-чуфутски.

Сколько-то времени Ахмет-Ахай в пещерном городе у этой прекрасной семиголовой женщины погостил, а потом она его отпустила домой, и, зная, что Ахмет-Ахай, живущий в Озенбаше, очень беден и тягостями жизни измучен и в сетях ее запутан, подарила ему маленького золотого осла. Когда этого золотого осла в руке держишь, он—как игрушка, когда на землю ставишь его—получается настоящий живой осел золотистой масти. Этот драгоценный подарок Ахмет-Ахай поставил на землю, на осла сел и в Озенбаш спустился. А когда к изгороди своей домашней подьехал, с осла слез, взял его на руки, и осел стал быстро уменьшаться, пока не сделался маленькой золотой игрушкой, и к себе к карман Ахмет-Ахай тогда его положил.

А был у Ахмет-Ахая злой сосед—мулла. Увидел он это чудо из чудес: Ахмет-Ахай на обыкновенном осле домой с горы-крепости съезжает, а потом осел пропадает—и сказал:

— Ахмет-Ахай, сынок, ко мне гость пришел, дай, пожалуйста, осла, я его покатаю.

Ахмет-Ахай свою игрушку-ослика ставит на землю и, когда тот в обыкновенного осла превращается, дает его на время соседу-мулле. А соседу-мулле только этого и надо. Чудесного осла он забирает и обыкновенного осла Ахмет-Ахаю возвращает. Теперь уже, когда на руки осла Ахмет-Ахай берет, ишак ногами ему лицо калечит.

Заплакал бедный Ахмет-Ахай и на гору-крепость отправился, всю тропинку обливая слезами.

К железным воротам в скале Ахмет-Ахай подходит и тихо стучится. Железные ворота открываются, опять к нему выходит прекрасная аждага, семиголовая женщина, и принимает его к себе очень любезно и, узнав, что Ахмет-Ахай обманут, говорит ему:

— Не плачь, не плачь, бедный Ахмет-Ахай, сокровище, потерянное тобою, в мире не было единственным. Одну неплохую софру я тебе подарить могу, милый Ахмет-Ахай.

И прекрасная женщина, имевшая семь мудрых голов, подарила Ахмет-Ахаю чудесную софру: ее на пол поставишь—на ней появляется буза, масло, катык, орехи, чеснок и разные другие вкусные кушанья—сорок одно числом—садись, кушай. А как кончил, эту софру сорока-однодневную в руки берешь, она сразу уменьшается, становится как игрушка,—в карман ее клади.

Был Ахмет-Ахай очень доволен этим подарком мудрой головой горной женщины и, счастливый, спустился в Озенбаш. И как был он очень голоден, до дому не успев дойти, на улице между лавкой и пекарней остановился, софру поставил и кушать сел. Еще сорок человек пришло и сели кушать, и для всех хватило. Вот хорошо!

А потом, когда кончили кушать, Ахмет-Ахай софру поднимает, и она маленькая делается в его руках и, как игрушка, лежит в его кармане.

Лукавый, как шайтан, мулла озенбашский и эту софру выманивает у Ахмет-Ахая.

— Одоляжи мне ее,—говорит,—только на один час, я тебе ее с благодарностью верну.

Ахмет-Ахай отказать не может. Мулла берет софру, единственную в мире, а обратно Ахмет-Ахаю возвращает обыкновенный татарский низенький столик. Ахмет-Ахай поднимает софру, она у него в руках не уменьшается, ставит ее обратно на землю, на ней ничего не появляется, и опять Ахмет-Ахай на гору-крепость идет и слезами обливает тропинку.

Подошел Ахмет-Ахай к каменной скале с железной дверью, головой прикоснулся к железу, и внутри горы зазвучало, и прекрасная аждага-женщина с семью кра-

сивыми головами, по-разному причесанными, на Ахмет-Ахая смотрит четырнадцать пронзающими сердце глазами и спрашивает его:

— Чего, бедный Ахмет-Ахай, плачешь?

— И софру твою у меня забрали,—говорит Ахмет-Ахай,—потому я и плачу.

— Из-за этого не стоит плакать,—говорит бедному Ахмет-Ахаю прекрасная жительница подземного мира.—Сокровище, которого ты лишился, не было единственным в мире. Я подарю тебе большой танцующий молоток, он и сам по себе хорош, да еще поможет тебе вернуть те сокровища, что отобраны у тебя.

И Ахмет-Ахай получил у нее этот ценнейший подарок, большой танцующий молоток—бьет сильно, куда скажешь.

Когда с этим молотком Ахмет-Ахай спустился в Озенбаш и встретился с муллою, он приказал молотку протанцовать чабанский танец над головою муллы, и тогда мулла вернул Ахмет-Ахаю и софру, и ослика.

После этого Ахмет-Ахай еще раз идет на гору-крепость, заходит к прекрасно-мудрой аждаге-женщине, и она дает ему один арбуз и одно дерево. И завел себе Ахмет-Ахай чудесный сад и чудесный баштан.

Арбузы такие стали вырастать на его баштане, что вкус всех плодов бывал в каждом арбузе. И дерево выросло возле его дома, каждый листочек которого играл отдельный мотив. И когда ветерок шелестел в них, все листочки играли и весь народ сбегался слушать. Арбузами кормил народ, музыкой тоже народ угощал.

Тогда на тысячеколесном фаэтоне прекрасная семиголовая женщина спустилась в Озенбаш. И народ услышал—тысяча колес вертятся, будто сильный дождь льет, а красота на улице, будто яркое светит солнце.

— Почтеннейший джемаат,—сказала никому неведомая, семиголовая прекрасная женщина,—я пришла, чтобы дать всем вам, беднейшим из бедных, как и Ахмет-Ахаю, жизнь. Те, что постоянно кланялись аллаху,—что кушали, кроме горького чеснока? И Ахмет-Ахаю ничего не давала жестокая судьба, пока я, волшебная гора, в облике семиголовой прекрасной женщины, не полюбила его и не скалилась над ним, над бедным.

И поставила перед народом железного осла, большую софру и большой молоток. Софра накормила лучшими кушаньями пятьсот тысяч людей, железный осел открыл дороги среди гор непроходимых, а молот лежит над Озенбашем для защиты народа. И занели чудесные листья на большом дереве Ахмет-Ахая.

В то же время с неба упал платочек с яблоком, и пятьсот тысяч людей угощалось одним яблоком. Только не попало мне, рассказавшей сказку, и тебе, записавшему ее.

ПОЧЕМУ В ОЗЕНБАШЕ

НЕ ВЫРОСЛА СОЛЬ

Море от Озенбаша совсем недалеко, но между Озенбашем и морем стоят высокие горы. Поэтому в прежнее, далекое от нас время в Озенбаше соль продавалась по дорогой цене.

Кто много имеет, тот хочет еще больше иметь. Душа же купца совсем ненасытна. И вот что запало в головы озенбашских лавочников. Пришли они к Ахмет-Ахаю и так говорят ему:

— Дорогой наш, многомудрый советник в вопросах многотрудных. Как тебе известно, мы возим соль на ослах наших с далеких берегов Черного моря. Обходится это дорого, забот не оберешься и тягостен труд наших ослов. Не будет ли в тысячу раз лучше, если мы научимся ее сами делать здесь в Озенбаше? Сколько времени сохраним и сколько выгоды найдем! Научи же нас, Ахмет-Ахай, делать соль, и аллах единственный наградит тебя, и будем мы тебе, дорогой советник наш, бесплатно соль отпускать, сколько тебе ни будет потребно.

Советник села сказал:

— Разумным людям я всегда готов помочь. Знайте же, дорогие лавочники, что соль—это мука соляного зерна, а растет оно, как пшеница, как всякое зерно. Нужно вспахать поле, засеять, а когда вырастет, снять зерно, как снимается хлебное. Путь зерна известен—с поля через мельницу в лавку. А из лавки уже каждый знает дальнейшую дорогу муки.

Шутка Ахмет-Ахая показалась лавочникам очень дельным и правильным советом. Не теряя ни минуты, вышли они в поле, выбрали ровную полянку, вспахали ее и бросили в землю весь свой запас соли.

Проходит какое-то время. Сколько лавочники ни ходят на свое поле, сколько ни смотрят—всходов нет.

— Почему наша соль не дает всходов?—спрашивают Ахмет-Ахая.

Советник повертел-повертел головой и говорит:

— Вы землю вспахивали?

— Вспахивали.

— Соль в нее бросали?

— Бросали.

— Засеянное поле поливали?

— Нет, не поливали.

— Ну, так что же удивительного в том, что соль не дала всходов? Разве так смотрят за полем? Если вы хотите иметь у себя поспевшую соль, засевайте поле вторично, но не забудьте его оросить.

По совету Ахмет-Ахая, озенбашские лавочники снова вспахали поле, опять засеяли его солью. На этот раз уж аккуратно поливали.

Проходит неделя, другая, месяц, другой—соль и не думает всходить.

Они—к Ахмет-Ахаю.

— Опять соль не вырастает. Почему?

— Как не вырастает? Вы землю вспахивали?

— Вспахивали.

— Соль в нее бросали?

— Бросали.

— Засеянное поле поливали?

— Поливали.

— И соль у вас не вырастает?

— Не вырастает.

— Значит, землю выбрали неподходящую. Вы где соль посеяли?

— Тут, возле деревни, в низине.

— Ну, в низине соль не может расти! Ее надо сеять на высотах. Выбрать нужно площадку, открытую для больших ветров.

Тогда по совету Ахмет-Ахая озенбашские лавочники поднялись на Бойку и на высоте, равной высоте туч, выбрали участок поля, старательно его вспахали и засеяли. Теперь уже раз в два дня поливали, трудились изо всех сил и были уверены в хорошем урожае.

Но соль и на этот раз не взошла.

Тогда приходят они к Ахмет-Ахаю и говорят ему:

— Мы теперь десятью парами волов пахали и засеяли в четыре раза больше, чем сеяли в прошлые годы, и землю по твоему совету выбрали самую подходящую для посева и самую высокую у нас. Почему же мы и на этот раз не видим, чтобы взошел хоть один соляной кустик?

Тогда Ахмет-Ахай спрашивает лавочников:

— Вы землю вспахали?

— Вспахали.

— Соль в нее бросали?

— Бросали.

— Засеянное поле поливали?

— Поливали.

— А засеянную соль землей накрывали?

— Нет, не накрывали.

— Ну, тогда тут нет ничего удивительного. Ясно, что звери к посеву приходят и соль слизывают.

— Как же нам быть? Просвети же нас, мудрый Ахмет-Ахай, и объясни, что должны мы сделать для того, чтобы выросла на нашем поле соль и чтобы дала она хороший урожай?

Тогда мудрый Ахмет-Ахай так сказал лавочникам:

— Еще раз засейте и двух караульчиков поставьте, ружье им дайте, пусть сторожат посев. А найдется вор, уничтожьте его, и будет у вас отлично колоситься соль над Озенбашем.

По совету Ахмет-Ахая, поставили лавочники караульчиков на соляном поле и дали им ружье.

Час ждали караульные, другой ждали—никто не

появляется. На третий час дежурства прилетела муха и села безоружному караульщику на грудь. Тут он понял, кто съедает соль. Не желая спугнуть вора, он свистнул вооруженному и пальцем показал на свое сердце.

Второй караульщик прицелился, выстрелил, в муху попал и безоружного уложил мертвым.

Когда торговцы пришли с горькой жалобой к Ахмет-Ахаю, он нашел такой ответ:

— Что ж особенного случилось? Одна глупая душа погибла от стрелявшей стороны, а другая—от стороны, в которую стреляли. Эйвах! У караульщика две ноги, у вора—шесть! Они могли бежать от смерти, но не бежали. Так чего же их жалеть? Без лишних слез похороните их на этом бесплодном поле, где хорошие всходы дает только ваша глупость.

БЕЗДОННАЯ БОЧКА

ы спрашиваешь, каким дождем поливать, чтобы выросли сказки? Так слушай.

Стояло засушливое лето, и Озенбашу грозил неурожай. Ахмет-Ахай подумал—сады поливать надо, но люди ленивы, воду наверх тащить не захотят.

Была у Ахмет-Ахая бочка из-под бекмеза. Дно этой бочки он выбил, поставил ее в своем саду, а сад его был выше всех садов озенбашских.

Поднялся Ахмет-Ахай на минарет и прокричал всему джемаату:

— Люди, бедняки, богатые, женщины, дети, старики и юные! Слушайте меня и внимайте! Спал я в своем саду. И видел сон. И голос, послушаться которого я не смею, ибо то голос отца моего, повелел мне: « В саду твоём поставь бочку. Скажи людям Озенбаша, пусть придут и нальют

ее доверху чистой водой. А чтобы вознаградить их за труд, везу тебе, сын мой, тому, кто последнее ведро в нее выльет—отдай половину сада твоего».

Небольшой садик был у Ахмет-Ахая, но за ведро воды каждый не прочь получить половину садика. Все с ведрами побежали к речке, воду черпают, наверх к Ахмет-Ахаю в сад тащат, в бочку льют. Каждый хочет наполнить ее первый. Спешат, бегут—снизу вверх, сверху вниз обратно. Не знали люди, что бочка Ахмет-Ахая бездонная.

Сколько-то времени прошло, и говорят они:

— Что такое, Ахмет-Ахай! Вот-вот уже всю воду выберем из речки а бочка твоя никак не наполнится.

— Еще три раза сбегайте, тогда довольно будет,— сказал Ахмет-Ахай.

Еще шесть раз сбегали, всю воду из речки вычерпали, а бочка Ахмет-Ахая не наполняется.

Тут только они заметили, что бочка бездонная, и вода течет из нее на их же сады.

Так и крымский сказочник. Он глубок, как бездонная бочка Ахмета. Сколько сказок в себя ни вбирает—сыт не бывает. Сколько сказок из него ни черпай—всех не вычерпашь.

АХМЕТ, МУЛЛА И ДЖИНН

В лес дремучий приехал однажды Ахмет-Ахай на своем осле.

И услышал—ветки галдят.

Он подумал:

«Может, лес хочет купить моего осла? На базаре его, конечно, не купили бы, но в лесу—говорят—чего не бывает?»

Слез с осла, к дереву его привязал.

Потом спрашивает:

— Хорошо, дорогой дуб, я тебе продам осла. Без цены его продаю—что дашь, возьму. За деньгами когда притти?

Ему показалось—дерево ответило: «завтра».

Ахмет-Ахай ушел из леса.

А на другой день чуть свет наш брат Ахмет уже под-

бежал к дереву, купившему осла. Видит—ишака возле дерева нет.

— А плата где?—спрашивает.

Ветки молчат.

— А! Не хотят говорить?

Он со злостью берет топор, со всего размаха ударяет по дереву и валит его.

И вдруг — видит под деревом колодец, полный золота.

Он схватил один слиток и побежал в свой родной, любимый Озенбаш. Бежит, а навстречу ему мулла.

— Ты куда? Постой, постой! Два слова скажу: слушай.

— Где взял?

— Да, где взял?

Ахмет-Ахай остановился.

— Этот слиток золота где взял? Может, клад джинна нашел?

Ахмет-Ахай рассказывает ему все по порядку:

— Был я в лесу—под Кильсе-буруном большое дерево я видел. То дерево моего осла кушило, а за деньгами вчера сказала—приди завтра. Я сегодня за деньгами к дереву пошел. Оно платить мне ничего не хотело. Я большим топором—раз-раз по дереву ударил, дерево свалилось, и там большой колодец золота оказался. Из этого сокровища один ком я взял.

— Ты не можешь ли, дорогой Ахмет, меня к этому дереву подвезти?—спрашивает мулла.

Ахмет-Ахай говорит:

— Почему нет? Могу конечно!

— Очень хорошо!—сказал мулла.—Только на чём поедем? Ведь осла-то у меня уже нет.

— Поедем на моем,—говорит мулла.

Сели вдвоем—мулла к голове осла, Ахмет—к хвосту и поехали.

Показал Ахмет-Ахай мулле колодец под деревом. Смотрит Ахмет-Ахай и видит—золото совсем-совсем близко.

Смотрит мулла и видит—золото совсем-совсем далеко. Как его достать?

— Дорогой Ахмет-Ахай,—говорит мулла,—у меня тут одна большая веревка есть, ты меня привяжи и спусти в колодец. Когда я золота много наберу, тебе сигнал снизу подам. Ты меня тогда тащи наверх.

— Очень хорошо,—сказал Ахмет-Ахай и спустил муллу в колодец.

В этом колодце золото было, конечно, шайтанское. Глубоко опускал Ахмет-Ахай муллу, еще глубже золото опускалось.

Когда веревка кончилась, Ахмет-Ахай выпустил ее, и жадный мулла пошел в черные бездны к Иблису.

Что теперь делать дальше?

Пошел Ахмет-Ахай в дом муллы, залез в судолаб, спрятался и ждет.

А джемаат озенбашский ищет муллу. Намаз совершать время, а служителя нет. Без муллы какой может быть намаз? Без муллы, хозяина мечети, служителя небес, держателя священного корана?

Ищут муллу по всему Озенбашу—нигде нет его.

А когда открыли судолаб—нашли Ахмет-Ахая. Нашли его и спрашивают:

— Абдрамана-эфенди, муллу мечети нашей, мудрюса джемаата нашего, ты не видел ли?

Ахмет-Ахай говорит:

— Видел, видел его там, в лесу. Он в колодец лез. Должно быть, искал дорогу в свой дженнет.

Люди Ахмет-Ахаю поверили и пошли с ним в тот дремучий лес, где он продал дереву осла.

Привел Ахмет-Ахай джемаат в лес и полез в один колодец, где, как ему было известно, лежал дохлый осел муллы, разрезанный на части.

Вытаскивает Ахмет-Ахай голову осла и говорит джемаату:

— Это муллы голова?

Джемаат молчит, не знает, что ответить.

Ахмет-Ахай выбрасывает голову из колодца, тащит кожу осла.

— Это не одежда ли вашего муллы?

Джемаат молчит, не знает, что ответить.

Ахмет-Ахай вытаскивает задние ноги осла:

— Это какую часть составляет у муллы?

Джемаат молчит, не знает, что ответить.

Вытаскивает Ахмет-Ахай передние ноги осла:

— А это какая часть?

Общество молчит, не знает, что ответить. Ахмет-Ахай, не смущаясь, выбрасывает хвост осла и говорит джемаату:

— Больше ничего не осталось от вашего муллы.

КАК АХМЕТ-АХАЙ СДЕЛАЛ

МУЛЛУ МУДРЫМ

Мулла озенбашский ненавидел Ахмет-Ахая, как бейнамаза, и объявил его юродивым. Было это Ахмет-Ахаю очень обидно, и он ушел из Озенбаша.

Скитался долго и пришел в Аджемистан. Здесь он хотел научиться уму и мудрости.

Целый год прожил Ахмет-Ахай в Аджемистане, и все не мог найти родник, который источает ум. Так ни с чем и ушел оттуда.

Переехал Ахмет-Ахай море, вышел на берег, перевалил через яйлу и стал спускаться к Озенбашу.

Вот уже виднеется внизу родная деревня, и слышен лай собачий и крик петухов, а Ахмет-Ахай все еще не знает, как будет доказывать мулле силу своего ума.

Идет он глубоко удрученный, с опущенной вниз головой. Вдруг видит—на дороге кучка заячьего помета. Он поспешно снял с головы платок и набрал из этой кучи целых три окка.

Дальше встретилась ему земля зеленого цвета. Он взял горсть этой земли и бросил в платок с навозом. Спускается Ахмет-Ахай в деревню, а рука с узелком дрожит. Пока шел, земля в платке перемешалась с заячьими горошинами, и они сделались зеленого цвета.

Теперь приходит Ахмет-Ахай в Озенбаш и ни на кого

не смотрит. Озенбашцы с ним здороваются, Ахмет-Ахай не отвечает.

— Ахмет-Ахай, здравствуй! Ахмет-Ахай, с приездом! Ахмет-Ахай, мир тебе! Как жил, где был?

Ахмет-Ахай—ни привета, ни ответа.

— Что с тобой? Ты не отвечаешь на наши приветствия! Ты, как мулла, как эфенди, на нас взираешь. Неужели ты поумнел, дорогой земляк?

— Да, я поумнел,—говорит Ахмет-Ахай.

— А как это тебе удалось?

— Я был в таком государстве, где ум продают и покупают, как у нас сахар и соль. У меня теперь его больше, чем у вас у всех.

— Раз так,—говорят они Ахмет-Ахаю,—почему ты побольше не взял ума, чтобы мы могли его у тебя перекупить?

— Я привез достаточно, но он дорог, и вы, пожалуй, не купите.

— На свете что может быть ценнее ума? Что тут дорого или не дорого? Раз он есть—давай его сюда.

— Если хотите купить, я могу его продать, только на каждого хватит очень понемногу.

— Но ведь на сколько-нибудь мы поумнеем!

— В таком случае, соберитесь всем джемаатом перед мечетью. Но непременно приведите муллу.

Собрался весь джемаат перед мечетью, и мулла пришел. Уселся Ахмет-Ахай посредине, развязал платок и говорит:

— Каждый шарик по три рубля.

— Беды нет! Что же будешь делать?

Расхватили у Ахмет-Ахая все. У кого сколько денег было—на столько купил. Меньше трех никто не взял. Иной брал трижды три. А мулла, который пожелал быть умнее всех, купил у Ахмет-Ахая целых тридцать штук. Теперь уже ни одного зеленого шарика у Ахмет-Ахая не осталось.

Спрятав свою покупку, мулла Озенбаша спрашивает у Ахмет-Ахая:

— Теперь скажи, как мне поступить с этим, чтобы я поумнел как можно скорее?

Отвечает Ахмет-Ахай:

— Вечером, когда поужинаешь, одну штукупустишь в рот и хорошенько ее разжуешь. Через три часа еще одну штуку отправишь туда же и поступишь с нею, как поступил с первой. Затем, когда будешь спать ложиться, третий шарик примешь. Пока будешь спать, съеденный ум в тебе вскипит, и ты сделаешься мудрым.

Мулла, который желал быть умнее всех и купил тридцать пилюль мудрости, спрашивает Ахмет-Ахая:

— А нельзя ли сейчас попробовать одну?

— Почему нельзя? Раз я деньги получил—то, что ты купил—твое. А раз твоё, делай с этим, что хочешь.

И мулла, желавший поумнеть быстрее всех, тут же взял в рот один шарик и разжевал его. И что же? Глаза у него на лоб полезли.

— Что ты продал мне!—зарычал мулла.—Это же то самое, что выбрасывает из себя заяц!

— Ну, вот,—заметил ему спокойно Ахмет-Ахай,—одну пилюлю испробовал и уже узнал, что это такое. Если все тридцать скушаешь, дипломатом будешь, станешь как профессор.

КАК АХМЕТ-АХАЙ

АЗИЗОМ БЫЛ

С то разных сел и сто разных гор прошел Ахмет-Ахай, но нигде не нашел такого прекрасного места для своих шуток, как старый и родной его Озенбаш.

Наконец достиг он Черной горы. На вершине ее была могила старого крымского азиза. Рассказывали, что он исцеляет больных, привинчивает отрезанные головы и помогает против сутмы—лихорадки. По ночам на этом месте светится зеленый огонек, из-под земли выходит, громко стуча костями, скелет святого. Верили люди, что в его

власти находятся богатства мира. Он может к небу лестницу подставить, в небесную кладовую залезть и мажару золота сvezти вниз.

У святой могилы в пещере устроил себе жилище некий талисманджи, по имени Абдурман. Люди к нему приходили за лечением, за советами и приносили ему за это кто что мог—кто барашка, кто деньги, кто одежду.

К этому Абдурману и поступил в работники бедный Ахмет-Ахай, человек бездомный и голодный. Как семь волов не работают, один Ахмет-Ахай у Абдурмана работал. Говорят, семь лет работал. Зажигал зеленый огонь над могилой азиза, чистил ослитник, готовил пищу, делал чарыки. Соскучился Ахмет-Ахай по родному Озенбашу и сказал однажды хозяину:

— Ак-эфенди, белый господин! Разрешите мне, пожалуйста, вернуться обратно домой в Озенбаш—мое место рождения.

Хозяин отпустил работника и за семилетние труды подарил ему старого-престарого осла.

— Садись,—говорит,—на этого ишака и поезжай домой, и пусть аллах наградит тебя сладчайшей дорогой, и в ушах твоих пусть не умолкают песнопения божественных мелодий.

Сел Ахмет-Ахай на ишака и поехал со святой горы к родному далекому Озенбашу.

Осел был дряхлый и через несколько дней свалился.

В стороне от дороги выкопал Ахмет-Ахай большую яму, положил в нее ишака, засыпал землю. Сел у могилы и грустит.

«Как домой пешком пойду?—думает.—Путь мой далек, далек».

Прохожие видят—у края дороги человек исполнен скорби и забот.

— Что делаешь?—спросили его.—Почему сидишь один среди дороги и кто похоронен под этою грудой земли?

Раскрыл Ахмет-Ахай рот, чтобы рассказать историю гибели осла, и начал:

— Азиз...

Но прохожие не дали ему дальше слова сказать.

— Азиз!.. Азиз!.. Здесь похоронен святой? Ты плачешь над умершим азизом?

Бросили ему под ноги килим, дали немного денег, оставили хлеба и сушеной говядины.

Не успел Ахмет-Ахай подумать о происшедшем, как с ним поровнялись новые прохожие. Они уже узнали, что здесь похоронен святой, и оставили Ахмет-Ахаю всякой пицци и подарков—кто сколько мог.

Через небольшое время бедняк Ахмет-Ахай стал так же богат, как хранитель могилы старого азиза на Черной горе. И во все концы Крыма понеслась весть—в такой-то стороне, среди дороги, лежит в земле самый близкий к аллаху новый угодник.

Эта весть дошла и до кудесника Абдурмана. Решил он разузнать, что за новый азиз появился. Приходит он к этому святому месту и видит—тот, кто раньше работал у него в батраках, стал хранителем могилы нового азиза.

— Сын Озенбаша!—воскликнул Абдурман.—Ты был самым бедным из людей. Расскажи же мне, какое чудо помогло тебе открыть эту святую могилу?

И Ахмет-Ахай озенбашский рассказал:

— На подаренного вами осла я сел и в горы далекие направился, в родной Озенбаш. Но дряхл был осел, и он подох дорогой, и я зарыл его в землю, и люди приняли эту могилу за святую, и стали поклоняться ей и принесли сюда неисчислимые дары, и вот я стал тем же, что и вы, учитель божественной мудрости и образчик святого жития на грешной земле.

Услышал этот рассказ Абдурман и расхохотался.

— Разве вам надо смеяться?—спросил Ахмет-Ахай.—Сколько вам, святой отец, пришлось трудов затратить, чтобы положить в землю настоящего азиза! А мои труды свелись лишь к тому, что я запрягал в землю дохлого вашего осла.

— Так ведь осел, подаренный мною тебе, этот лежащий под нами азиз—не кто иной, как внук того осла, что на Черной горе лежит. Твой азиз—внук моего азиза, и не следует ли мне с тебя получить частицу твоего дохода, о, хозяин внука моего святого осла!

Частицу своего дохода Ахмет-Ахай Абдурману отдал. Тогда кудесник сказал так:

— Я подарил тебе, сын мой, осла, но не дарил священства. Так посуди же ты сам, умный человек, в пра-

ве ли ты пользоваться благами чародея, приставленного к азизу?

И, конечно, делец с Черной горы сумел убедить Ахмет-Ахая и отобрал все, что было у него. После этого скиталец вернулся в Озенбаш, поднялся на яйлу и стал таким же чабаном, каким был до этого.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ОБУЧИЛ МУЛЛУ

РУССКОМУ ЯЗЫКУ

улла с муэдзином везли из Озенбаша в далекую степь мажару курбанных кож для продажи. Там они полагали подороже продать свой товар.

Перед отъездом мулла задумался:

— Я еду в русскую сторону, а по-русски ни бельмеса не понимаю. Как же буду с русскими людьми разговаривать?

И попросил Ахмет-Ахая научить его русскому языку.

Ахмет-Ахай знал всего три русских слова: «я», «да» и «конечно».

В день по слову, в день по слову учили, и когда эти три слова выучили, мулла попрощался с Ахмет-Ахаем. И закрутились колеса арбы по дальней дороге.

В одну из ночей приблизился мулла к русской деревне под самым Ором и, не въезжая в деревню, остановился ночевать в степи. Мулла спал на мажаре, муэдзин под мажарой.

Проснулся утром мулла и видит—едет к ним из Ора верхом юзбаиш.

Когда юзбаиш подъехал к мулле совсем близко, он спросил его по-русски:

— В степи на земле лежит убитый Бормамбет из города Ора. Это ты его убил?

Мулла ему ответил по-русски:

— Я.

Юзбаиш обращается тогда к муэдзину:

— Это он убил Бормамбета?

Муэдзин говорит:

— Да.

— А этот человек тебе помогал убить Бормамбета? — спрашивает юзбаиш муллу и указывает на муэдзина.

Мулла отвечает:

— Конечно.

Услышав такой ответ, юзбаиш сейчас же посадил муллу и муэдзина в орский зиндан.

С трудом удалось это недоразумение выяснить, и мулла с муэдзином вернулись в Озенбаш.

Вернулся мулла в Озенбаш и жалуется Ахмет-Ахaju:

— Почему мало научил меня, — только трем словам? С этими тремя словами я три дня пропадал в зиндане орском.

— Благодарю аллаха, — ответил ему Ахмет-Ахай, — что только трем словам тебя я научил. Если бы три тысячи слов ты запомнил, столько же дней просидел бы ты в орской тюрьме.

МЕДОВЫЙ ИСТОЧНИК

Жена Ахмет-Ахая однажды спросила своего мужа:

— Скажи мне, дорогой, почему, когда идешь на Бойку, ты всегда бываешь грустен, а когда возвращаешься с Бойки, всегда веселый бываешь? Что веселит тебя на этой высокой горе?

— А вот что, — отвечает Ахмет-Ахай своей супруге. — На Бойке очень много лесов, в этих лесах очень много медведей, эти медведи пляшут, и пляски их веселят меня.

— Ну что ты, Ахмет, рассказываешь? Разве в Крыму медведи бывают?

— Где медовые речки есть, там и медведи бывают.

— А разве в лесу бывают медовые речки?

— Ты и этого не знаешь? Конечно, на нашей Бойке бьют медовые источники и текут медовые речки.

— Неужели ты говоришь правду?

— А разве я когда-нибудь лгал?

— Ты всегда неправду обернешь так, что, глядишь, она правдой окажется. Прошу тебя, Ахмет, возьми меня с собою в лес и дай попробовать меду.

На следующее утро Ахмет-Ахай разбудил жену свою на рассвете и говорит ей:

— Дома ничего не будем кушать. Возьмем с собой побольше соли и хлеба.

— Зачем нам соль?

— Когда подойдем к источникам сладчайшим, медведей много там окажется. Если их не угостить солью, к меду не подпустят.

Жена соль и хлеб в мешок кладет, с мужем своим на высокую Бойку идет. Подъем крутой, дорога трудная, женщина устает.

Когда на самый верх горы поднялись, свалила жену Ахмет-Ахая усталость. Кружится у нее голова, шумит-гудит в ушах — тут-то ей и показалось, — режут медведи.

Ахмет-Ахай не беспокоил ее, дал ей отдохнуть и выспаться. Пока жена спала, муж делом занялся — ветви деревьев ножом срезал, из них ховалы делал.

В труде и во сне время бежит одинаково быстро, и где тот волшебный камень, который бы времени сказал: «стой»?

Когда жена Ахмет-Ахая проснулась, почувствовала сильнейший голод. Сон отряхая, с земли вставая, она мужу своему говорит:

— Ох, и кушать же хочется! Вот сейчас я бы с удовольствием поела хлеба с медом.

— Твое желание легко выполнить, — сказал Ахмет-Ахай, — пойдем к источнику, солью прогоним усталость, голод и заботы наши и покушаем хлеб с медом.

Подвел он свою жену к источнику — туда, где из-под земли выливалась чистая, холодная, горная вода.

— Вот, дорогая жена, и медовый источник. Хлеба

кусок возьми, солью его посыпь и с этим медом текучим пей.

Когда голодная жена взяла в рот хлеба с солью и запила все это холодной водой, она действительно почувствовала в горной воде вкус сладкого меда. А когда, насытившись, Ахмет-Ахай стал плясать и сам себе на ховале подыгрывать, тут-то она и поняла, почему муженек ее, возвращаясь с Бойки, всегда весел бывает.

КАК АХМЕТ-АХАЙ МУЛЛОЙ БЫЛ

I

мер озенбапский имам, и на место умершего старики собирались назначить другого ученого мужа—муллу из ближайшей деревни. Но Ахмет-Ахай заявил, что и он желает

быть муллою.

Тогда говорят старики Ахмет-Ахаю:

— Скажи и совесть всю свою раскрой, ты веришь в бога?

Подумал Ахмет-Ахай и ответ дал:

— Когда у меня есть хлеб и жирно мое мясо, и очаг мой горит, и я жарю шашлык,—тогда ко всем удовольствиям моим только недостает помолиться богу. А когда хлеб мой находится где-то в степи, а мясо мое в лесу, а очаг мой нечем мне топить, я думаю только о том, чего у меня нет, и про бога мне некогда вспоминать.

Думали-думали старики—кого же выбрать?

И назначили векиля. Векиль предложил мулле и Ахмет-Ахаю:

— Пусть каждый из вас напишет слово «бык», и мы посмотрим, кто лучше пишет.

Грамотный мулла, конечно, легко написал арабскую букву «элиф», обозначающую быка, а неграмотный Ахмет-Ахай просто нарисовал быка.

Векиль признал:

— У нашего Ахмет-Ахая сразу видишь, что это бык: четыре ноги, два рога, хвост и голова. А у этого ни хвоста, ни ног. Написал ли он то, о чем его просили?

И назначили Ахмет-Ахая муллою в Озенбаше.

Он тут же взобрался на менбер и сказал:

— Дети мои! Послушайте и узнайте, что вам скажет ваш мулла.

Весь джемаат приготовил уши, чтобы слушать нового имама.

— А знаете ли вы, что я вам буду говорить?—спрашивает Ахмет-Ахай.

— Откуда можем знать, что сказать думаешь?

— Если не знаете, я и говорить не буду.

А народу интересно послушать—Ахмет-Ахай глупых слов не скажет.

— Эфенди,—говорят ему,—а мы ведь знаем, что хочешь сказать.

— Знаете? Мне тогда и говорить нечего.

— Ахмет-Ахай эфенди,—сказала часть джемаата,—мы вот знаем, а они вот не знают.

— Тогда пусть те, которые знают, скажут тем, которые не знают.

Ему ответили:

— Которые знают, о Ахмет,—немые, а которые не знают,—глухие.

— Тогда пусть знающие обменяют свои языки на уши незнающих,—сказал Ахмет-Ахай и спустился с менбера.

II

Стал Ахмет-Ахай муллою, каждый день в мечеть пять раз ходить должен. Чтобы не запутаться в исчислении дней и знать, когда наступают праздники, новый мулла раздобыл кувшин и с новолуния стал каждый день бросать в него по камушку. И по числу этих камушков в кувшине он мог сосчитывать дни от луны и до луны.

Был у Ахмет-Ахая маленький сын, звали его Эп. Когда отец уходил в мечеть, Эп брался за календарь муллы. И если отец видел в камушках дни, то сынок в них

видел только камушки. Он играл ими, а поиграв, клал их обратно в кувшин и прибавлял к ним новых.

В один из дней проверил Ахмет-Ахай свой календарь и увидел, что ему в мечеть итти не надо. От луны до луны он должен побывать в доме аллаха двадцать восемь раз по пять раз, а в кувшине он насчитал сорок три камушка. И подумал Ахмет-Ахай, что он уже был в доме аллаха сорок три раза по пять раз, а новолуние еще не наступило, — и не пошел в мечеть.

Муэдзин уже давно кричал эзан. Джемаат ждет своего муллу для намаза, а мулла не идет в мечеть. Послали за ним муэдзина. Пришел он к Ахмет-Ахаю и спрашивает:

— Джемаат тебя ждет в мечети. Я давно кричал эзан. Почему ты не идешь в мечеть? Разве без муллы молитва бывает?

— А разве мулла обязан ходить в мечеть больше, чем двадцать восемь раз в месяц по пять раз? — спрашивает Ахмет-Ахай. — Ты знаешь, какой день новолуния сегодня, муэдзин?

— Это тебе знать, мулла, — сказал муэдзин.

— Так вот я тебе и говорю. Сегодня тридцать седьмой день новолуния.

Муэдзин воскликнул:

— Опомнись?! Что говоришь, Ахмет-Ахай! Тридцати семи дней у луны не бывает!

— На свете и не то бывает, — сказал мудрый мулла. — Если подсчетам моего кувшина поверить, так, видишь ли, скажу по правде, — сегодня сорок третье число.

— Может быть, твои инструменты скажут тебе еще, что я не муэдзин, а ишак вислоухий? Иди в мечеть. Иди-и-и-и!

— Ты оглушишь своего муллу! С минарета так кричать надо! В уши мулле так кричать не надо!

И, надев на босые ноги чарыки, пошел Ахмет-Ахай с муэдзином в мечеть.

Проходя мимо озенбашской речки, мулла Ахмет скинул чарыки и вошел в воду для совершения абдеста. Во время омовения чарыки Ахмет-Ахая попали в воду и понеслись вниз по течению реки. Ахмет-Ахай, спеша к намазу, пошел

искать чарыки не вниз по течению, а к истоку реки, где стояла мечеть.

Дошел до середины деревни, до начала реки, до знаменитого Озенбашского источника — дальше уже река находится внутри горы и итти искать некуда. А чарыков нет как нет. Рассердился Ахмет-Ахай, плюнул и сказал аллаху:

— Если ты не спешишь, зачем мне спешить? Если ты не хочешь сделать пустычного чуда и не заставляешь мои чарыки плыть против течения вод твоих, зачем мне заставлять ноги мои итти в мечеть к тебе против течения желаний моих?

И пошел домой.

III

В один из дней подходит новый мулла к мечети и видит — сидят старики. Оперлись они о свои палки, головы свесили, тяжелые думы думают.

— О чем размышляет джемаат? — спросил важным голосом муллы Ахмет-Ахай.

Поднял голову один из стариков и учтиво ответил ему:

— Разве ты, Ахмет-эфенди, не знаешь? Ведь по фирману падишаха урумов, на наш минарет скоро повесят церковный колокол. Вот об этой большой беде мы и думаем.

Сказал харт-баба и опять уронил голову на грудь.

Сел мулла Ахмет-Ахай со стариками и тоже стал думать. Прошло немного времени. Вдруг вскочил он, схватился за бока и громко расхохотался. Старики вздрогнули, подняли головы и закричали:

— Зачем обливаешь смехом нашу скорбь, шашкин?

И хотели избить потерявшего разум муллу стариковскими палками.

— Подождите, подождите! — задыхаясь от хохота, кричит им Ахмет-Ахай. — Я скажу вам, почему смех не держится у меня внутри. Только поставьте на место ваши сердитые палки.

Старики кладут палки на землю и обращают к мулле Ахмету внимание ушей своих.

— Друзья мои,—говорит Ахмет,—падишах урумов слабосилен. Он не может удержать ретивую свою веру и вынужден ее пустить на нас, как взбесившуюся лошадь. И вот, когда пригонит свою веру к нашей, его раздражение утихнет, и он сделается совсем смиренным падишахом. Я вот спокойно веду под собою осла моих стремлений к богу, а этот свиноед не умеет удержать ретивого коня своего божественного пламени. И теперь хочет слить свою веру с нашей шейей. Беды нет. Ихним постом разрешается и днем кушать. Мы это примем. Это нас вполне устроит и даст прибыль здоровью нашему. Шашкин — не я, а тот, кто этого не понимает! Зачем горевать? Зачем клонить голову к земле? Мы должны, наоборот, такой фирман приветствовать и принять его с поднятыми вверх руками и с криками: «Бареншай-олсун — пусть будет так!»

— Да оскудеют все твои три печени!—завопили старики. —Кяфир! Катфрит! Хвост бешеной свиньи! Не быть тебе муллою в Озенбаше! Уйди от нас! Уйди, проклятый осквернитель дыньислама!

— Большое спасибо вам,—ответил им Ахмет-Ахай, этот неутомимый пересемешник бога и его слуг. —Я и сам надумал поискать местечко повеселее.

Сбросил одежду муллы, надел свое рваное джуппе и ушел из Озенбаша.

ВОДА И УПРЯМСТВО

Над Озенбашем громом гремело небо. Молнией взрывались тучи. От больших дождей разлилась озенбашская речка. Потоки воды пролились большим наводнением.

Когда ливень кончился, Ахмет-Ахай во двор вышел. Смотрит, осла его нет. «Где же он?—думает.—Не потонул ли в большой воде, пролившейся с гор на двор мой?»

Он посмотрел кругом—улицы не видно, она стала рекой.

Он поспешно сбросил чарыки, засучил шальвары, взял садовый иргах и побежал по воде.

Вода стекает вниз из Бьюк-Озенбаша в Татар-Осман, а Ахмет-Ахай с иргахом в руке, по колена в воде, пошел наверх, в Кучук-Озенбаш, к началу реки.

— Ахмет-Ахай! Ахмет-Ахай!—кричат ему.—Если ты своего утонувшего осла ищешь—зачем наверх пошел, разве вода его туда несет?

Ахмет-Ахай им отвечает:

— Не мешайте и не учите. Я знаю, что делаю.

— Как знаешь, что делаешь? Твой осел потонул если, течением куда его несет?

— Конечно, вверх,—говорит Ахмет-Ахай.

— Как же так? Почему?

— Вы не знаете характера моего осла. Ему что ни скажешь—он все делает наоборот. И конечно, если вода сказала ему: «вниз»,—он безусловно отправился наверх, туда, откуда вода вытекает.

И с иргахом дошел до начала реки и, конечно, нашел осла там, держащегося зубами за острые камни.

Чем доказывается, что упрямство глупца сильнее течения быстрых вод.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ОВЦЫ

Харт-баба Халиль-эфенди задумал в Мекку ехать. Собирался-собирался, никак не мог решиться. Почему не мог решиться? Богатство держало его.

Обратился он к соседу за советом:

— Я задумал ехать в Мекку. У меня сто овец. Кому их доверить?

Сосед ему говорит:

— Есть тут у нас на горе Аунде жемчужина честности, озенбашиский чабан Ахмет-Ахай. Доверьте ему овец, а сами спокойно поезжайте к тому священному камню, что повесил в воздухе Азретали. Отряхнете грехи, вернетесь к овцам.

Халиль-эфенди послушался его. Сто овец доверил чабану, сам же взял дорогу на Мекку.

Тогда автомобиль-машины не было. Аэроплан-машины тоже не было.

Только через шесть месяцев вернулся обратно из Мекки в Озенбаши в красном далфесе, с сарыком аджи Халиль-эфенди.

Когда Ахмет-Ахай на Аунде-горе услышал, что эфенди вернулся, он спустился к хозяину поздравить его с тем, что он стал аджи.

Вошел к аге Халилю Ахмет-Ахай. А хозяин с большим аппетитом кушал катык, — полгода он не пробовал этого родного крымского блюда.

— Все ли мои овцы в целости? — спросил аджи Ахмет-Ахая.

— Нет, — говорит, — ни одной не осталось. В тот самый день, когда ты, хозяин, у Черного камня грехи отряхал, над стадом твоим громом гремело небо, молнией взрывалось небо. Аунда-гора тряслась над Аю-Дагом. Девяносто твоих овец разрыв сердца получили. Провалилась под ними земля, все они в пропасть упали и как одна пропали.

— Вай, алла! Девяносто овец! Девяносто погибло, вай, алла! Но десять осталось?

— Нет, кормилец, из десятка этого шестеро бежало под камень спасаться, но, увы! — не удалось и им снова у коша оказаться.

— Девяносто шесть пропало! Алла, суровый! А остальные четыре?

— Одну синий волк забрал, другой я в расчет не брал...

— Девяносто восемь! Шайтан шайтанов! А последние две?

— Вчера одна умерла тоже, а от сегодняшней вот вам кожа.

Аджи расвирипел, кувшин с катыком схватил и кинул чабану в голову. Лицо Ахмет-Ахая залилось катыком.

— Слава аллаху! — воскликнул он. — Твоей священной рукой, аджи, он обелил меня. Мой грех прикрыт катыком. Без Черного я камня обойдусь.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

Идет однажды бедный Ахмет-Ахай по ялтинскому базару и видит — продают брынзу. Он приблизился к прилавку, но покупателей было много, и, когда очередь его подошла, брынза оказалась распроданной.

Один лавочник видит, — Ахмет-Ахай остался без брынзы, — и вздумал надуть его. Под видом овечьего сыра он продал озенбашицу кусок мыла. Брускового мыла тогда озенбашицы не знали и пользовались самодельным хара-сабуном, черным мылом из золы и жира. Поэтому Ахмет-Ахай и принял его за брынзу.

Взял бедняк поупку и отправился в горы. Поднялся он к Долосскому водопаду и усталый присел под тенью сосен, чтобы подкрепиться.

Стал закусывать.

И что же? Жует он, жует — и покрываются его губы белой пеной, а из пены пошли пузырьки.

— Матушки! — воскликнул бедняга. — Что это за брынза? Больше я ее сую внутрь — сильнее она возвращается обратно. Не обманул ли я кого-то на базаре, купив вместо кусочка овечьего сыра грудку летучих пузырей? Но раз деньги истратил, хозяином поупки являюсь я и похозяйски должен действовать. Пусть горечь внутри меня остается и терзает мои внутренности, как когти кота, наружу зато я выпускаю судейские шапки, и трубку

овец, и пузыри морских чудовищ—и мало ли чего еще. В этой прогорклой брынзе есть то, чего не бывает в свежей, в той, что не умеет рождать ничего огромного. Съем все, и пусть я выпущу из себя хоть тысячу пузырей, думаю, сам не улечу с ними и не лошну, как они.

Так утолял бедняк голод жестокий, проклятие судьбы своей, в сосновом лесу высоко над Ялтой, у Долосского водопада.

С удовольствием ли или без удовольствия закусив, поднялся затем Ахмет-Ахай на Красный камень, посмотрел на пройденный путь и плюнул изо всех сил в сторону Черного моря.

Ветер донес его мыльные пузыри до базара.

Увидели на базаре сто мыльных пузырей, и кто-то догадался и сказал:

— Наш знаменитый и дорогой Ахмет-Ахай вместо брынзы съел кусок мыла. Смотрите, люди!

И то хорошо. Обыкновенный человек когда ест, никто не замечает, а вот Ахмет-Ахай поел—и люди увидели, и море в ответ запузырилось, и горы ему «афиет олсун»—«приятного аппетита»—говорят.

ХВОСТ БЫЧКА

Однажды аджи-баба озенбашский дал Ахмет-Ахаю для выпаса бычка. Уговорились: если чабан бычка не убережет, ответит за него.

Погнал чабан этого бычка со всем стадом на пастбище.

Ночью напал на стадо волк и съел бычка. Нет коровьего сына, остался один только хвост.

Что теперь Ахмет-Ахаю делать? За пропажу бычка он должен ответить. А чем?

К исходу летнего времени, когда нужно было все стадо гнать с яйлы обратно в Озенбаш, Ахмет-Ахай взял хвост, оставшийся от бычка, опоясался им и стадо коров погнал в деревню.

Пригнал в деревню.

Прошло сколько-то времени. Видит хозяин-аджи— в стаде его бычка нет.

— Где мой бычок? — спрашивает хозяин-аджи чабана Ахмет-Ахая.

— Где твой бычок? — отвечает чабан хозяину на вопрос вопросом.

— Да, отвечай—где мой бычок?

— О-о, с ним произошел очень интересный случай, и случай этот следовало бы золотыми буквами написать, хозяин, на твоём лбу или даже на стене мечети.

— Что за случай, рассказывай.

Между тем собрался народ послушать, что расскажет чабан.

— Слушай, хозяин-аджи, — сказал Ахмет-Ахай, — и слушайте, люди. Записать эту историю, повторяю, следовало бы чистым золотом.

— Говори же скорее эту историю, — не терпится нашему хозяину-аджи.

Ахмет-Ахай стал рассказывать:

— Пригнал это я стадо на яйлинское пастбище, что пониже Перепелиной вершины. Расположил это я стадо на прекрасном лугу, и вода тут недалеко, и тень от возвышенностей в жаркое время холодит коровам головы, и к дремоте клонит их. Ну, к хорошему, как известно, тянется всякий. Нашелся и волк один, пожелавший близко подойти к месту, где находилось стадо, и поваляться в тени скалы на сочной траве. И, свое желание исполняя, стал волк приближаться к нам. А твой бычок, хозяин-аджи, о том проведав, как рванется к этому волку, и уже хотел его разорвать на части. Я схватил бычка и, боясь, что он погубит волка, не стал его пускать. Ведь если бы я его пустил, аджи-эфенди, задушил бы твой бычок этого ярого волка.

— Ахмет-Ахай, — воскликнул хозяин бычка, — зачем ты его не пустил?

Ахмет-Ахай:

— А зачем было пускать?

Хозяин бычка:

— Неужели волка пожалел? Пустить надо было. Почему не пустил?

Ахмет-Ахай:

— Ну да, хозяин, я знал, что ты так повелел бы, и пустил твоего бычка на волка.

— Ну, и что же случилось?

— И вот что от бычка твоего, шорбаджи, осталось, — сказал Ахмет-Ахай и, распоясавшись, бросил хвост бычка на землю к ногам хозяина.

О БЛАГАХ БАЗАРА ИЛИ О ТОМ, КАК

АХМЕТ-АХАЙ ВЫМЕНИЛ ВЕРБЛЮДА НА ИГОЛКУ

Ахмет-Ахай шел однажды из Озенбаща в Бахчисарай и нашел заблудившегося верблюда. Он спустился на этом верблюде с отлогой скалы и попал в гущу народа. Видит—базар, а на базаре человек, в его руке топор.

— За то, что он держит в руках, всегда можно добыть то, на чем я сижу, — сказал про себя Ахмет-Ахай и предложил этому человеку меняться.

Тот сразу согласился, и мена состоялась.

Идет Ахмет-Ахай дальше по базару и встречается ему человек в чулках.

«Невооруженный всегда отдает вооруженному», — подумал Ахмет-Ахай и предложил ему:

— Давай менять то, что у меня в руках, на то, что у тебя на ногах.

Собственник чулок обнажил ноги и взял у Ахмет-Ахая топор. Теперь уже голоногий силен, а этот безоружен.

Надел Ахмет-Ахай чулки на руки и пошел дальше.

Встречается ему человек с карандашом.

— Эй, человеку, — говорит Ахмет-Ахай, — я задумал написать фирман султану. Сними с моих рук вот это нелепое одеяние и отдай мне свой карандаш.

Тот согласился. Получил Ахмет-Ахай за пару чулок

карандаш, но не стал писать султану, а пошел дальше.

Встречается ему человек с иголкой.

«Вот этим,—подумал Ахмет-Ахай,—всего удобнее будет приколоть к себе свое счастье, довольствуясь малым и не стремясь к многому, ибо в конце удовольствия—печаль».

— Давай,—говорит он несущему иголку,—меняться. Я тебе отдам то, чем еще не написано письмо мое к султану, а ты отдай мне то, чем я приколю себя к моей постоянной нищете.

Отдал карандаш и получил иголку.

— Матушки,—воскликнул Ахмет-Ахай, попав в середину базара,—я многое искал и вот что нашел. Ну, благодарю и за это аллаха. Ведь от бога прося—многое прося, но будь доволен, если малое получишь. А что по милости аллаха базар тебе подал, отец с матерью разве смогут дать?

А когда вернулся домой в Озенбаш, всему собравшемуся джемаату Ахмет-Ахай сказал:

— Товарища моего, работягу-верблюда, я пожелал пропустить в рай через игольное ушко, но когда был верблюд, не было иголки у меня, а теперь, когда я имею иголку, верблюд уже не мой.

ГДЕ ЖЕ ДЕСЯТЫЙ?

Десять жителей Озенбаша взяли по мешку и пошли как-то на гору Бойку собирать дикие фрукты в тех густых плодовых рощах, которые сохранились с очень старых времен.

Поднялись они на крутизну и пошли по урочищам древней горы.

Идут, идут они, и встречается им небольшая площадка,

засеянная льном¹. Десять озенбашцев остановились и думают: если кругом пойти—дорога длинная, крутая и каменная, прямо двинуться—очень близко. И решили пойти прямо через посев.

Когда из посева вышли, они друг другу сказали:

— Все ли мы вышли?

Один стал считать. Себя пропустив, насчитал девять человек.

— Стойте, архадашлар, когда мы в Скулиер вступили, нас было десять, а сейчас девять. Где же десятый?

Начал другой считать. Опять всех считает, а себя—нет. Тоже вышло девять.

Третий стал считать—опять девять человек насчитал. Так десять раз считали, и все выходило девять человек.

Тут они встревожились и поняли, что один из них пропал. Но где? Если бьюк-буга, огромный бык-землетряс, проглотил его, они бы дрожание земли слышали. Если здесь семья джинов проживает, и они сделали его невидимым, заметно было бы, как он исчезает. Если это была работа волка, меж зубов своих уничтожившего его, они бы слышали хруст костей и щелканье зубов. Но если земля не тряслась, и джины не шумели и не показывались, и в зубах волка не хрустели кости, то куда же девался он?

Как бы там ни было, они решили домой не идти, пока не найдется десятый.

В то время как они здесь, на Бойке, возле Скулиера топтались, будто танцуя, в Озенбаше поднялась тревога—десять человек пошли за дикими грушами, и нет их. Не случилось ли с ними беды какой на высоких крутизнах среди обрывистых скал—не съел ли их волк, не проглотила ли пропасть?

К постоянному своему советнику побежал джемаат.

— Беда, Ахмет-Ахай. Десять человек отправились на Бойку за дикими грушами, и вот уже третий день как нет их. Боимся—горе случилось.

¹ Высоко над Озенбашем, по преданиям, когда-то сеяли лен. На горе Бойке сохранилось урочище, носящее название «Скулиер» (льняник), это—место, где засеивали лен, и «Арманчик» (рабoтенка)—место, где обрабатывали лен.

— Пойдем все на Бойку,—сказал Ахмет-Ахай.—Я думаю, если не их самих, то хоть след гибели их найдем.

И отправились.

Дорогу в дикие рощи, конечно, хорошо знали. До Скулиера, засеянного льном, дошли и здесь остановились перед удивительной картиной: товарищи их друг друга считают, считают, местами меняются и что-то обсуждают.

— В чем дело, друзья? Почему вы домой не возвращаетесь?

Десять озенбашцев, потерявшие одного, говорят:

— Нас было десять человек, когда мы вышли из Озенбаша и поднялись на Бойку, чтобы диких груш собрать в этих густых плодовых рощах. Перед льяным посевом этим мы, десять озенбашцев, остановились и думаем—если кругом пойти, дорога будет длинная, крутая и каменная, а если прямо двинуться—очень близко, и решили пойти через посев. И вот, когда мы из посева вышли и начали себя считать, одного не досчитались и поняли, что он пропал. И думали—если бьюк-буга, огромный землетряс, проглотил его, мы бы дрожание земли слышали, когда через посев шли. Если здесь семья джинов проживает и сделала его невидимым, мы заметили бы, как он исчезает. Если это была работа волка, меж зубов своих уничтожившего его, мы бы слышали хруст костей. Но если земля не тряслась, и джины не шумели и не показывались, и в зубах волка не хрустели кости, то куда же он девался? Ответ нам, мудрый наш Ахмет-Ахай.

Ахмет-Ахай сказал:

— Я возьму свои пальцы и при помощи их правильно вас посчитаю. Вас было, сколько на моих руках пальцев. Правильно ли?

— Да, так,—сказали озенбашцы.

— Ну, теперь будем считать. Сперва на одной руке...

И начал Ахмет-Ахай считать свои пальцы обратным порядком:

— Десять, девять, восемь, семь, шесть. А на второй руке сколько? Пять. Всего одиннадцать. Значит, на моих руках оказался, как вы теперь все видите, лишний палец.

Откуда он? Конечно, это ваш исчезнувший десятый. Который хотел бежать, тот сам попал в мои руки. Давайте сейчас проверим.

Встал перед ними—без себя насчитал десять человек.

Так Ахмет-Ахай нашел исчезнувшего человека.

И это стало рассказом об Ахмет-Ахаве.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ВЕРНЫМ

СЛУГОЙ БЫЛ

Когда Ахмет-Ахай служил у Адиль-мурзака в работниках, велел ему как-то хозяин отвезти в Ялту на базар мешок масла.

А стоял очень жаркий день, и масло стало подтаивать. Что работнику делать? Поднялся он на Ай-Петри, слез с коня, нашел плоский камень и размазал на нем масло, чтобы просушить его и снова сделать твердым. Когда солнце сильно стало припекать, он улегся спать около этого камня на траве, а чтобы огненное светило не очень его тревожило, он рваным своим джуппе накрылся, а лошадь пустил на траву.

Поближе к вечеру Ахмет-Ахай проснулся и смотрит—масло высохлось или нет. Видит—масло исчезло, а конь стоит подле камня, головой помахивает и хвостом разгоняет надоедливых мух.

— Где масло?—спрашивает Ахмет-Ахай коня.

Конь, конечно, молчит. Озенбашец его снова спрашивает:

— Я спал, но ты ведь бодрствовал. Скажи мне, кто взял масло?

Конь снова молчит.

— Ничего не отвечаешь, конь? Скажи правду, может, масло ты съел?

В это время коня укусила муха, и он сильно замотал головой.

— Значит, масло съел ты? Да?

Конь снова ничего не отвечает, только мотает головой.

— И хозяина будешь кушать?

Конь опять мотает головой.

— Адыль-мурзака съешь?

Конь по-старому все мотает головой.

— Тогда не служить тебе у мурзы!—сказал Ахмет-Ахай, снял с лошади седло и погнал ее. Лошадь ушла на вершину горы и скрылась в расщелине.

Теперь взял Ахмет-Ахай на спину седло и говорит:

— Голова лошади съела масло, голова яйлы съела лошадь. Не повезут меня теперь ноги этой скотины, но я пешком дойду до хозяина, отдам седло и скажу, что спас его от смерти. Так и передам.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ПОКУПАЛ

ВЕРУ ДЛЯ МУЛЛЫ

В Озенбаше опасно заболел мулла и совсем уже собрался покинуть этот временный мир. Позвал он Ахмет-Ахая и говорит ему:

— Я обманывал людей. Я никогда не верил в то, о чем говорил. И теперь, о горе, как итти мне на тот свет дыньсизом безверным? Сделай мне перед смертью одолжение, отправься сейчас же в Бахчисарай и поскорее привези мне оттуда хоть немножко крепкой веры.

В тот же день Ахмет-Ахай отправился в город лавок и садов, чтобы выполнить поручение умирающего муллы.

Прибыл Ахмет-Ахай в столицу веры, к одному лавочнику подошел и говорит ему:

— Мулла озенбашский уходит на тот свет без веры. Послал он сюда меня за нею. Скажите, пожалуйста, такой товар продаете?

Лавочник отвечает:

— О да, конечно. В Бахчисарае ей не быть, так где же? Только та, что в лавке была, продана. А дома у меня еще запас есть. Сколько вам надо?

— Сколько нужно мулле, если он завтра на тот свет идет?

— Коробочки хватит?

— Думаю, хватит. Только, пожалуйста, поскорее. А то как бы он там не скапутился.

Дом лавочника стоял в саду, неподалеку от лавки. Лавочник посадил в коробочку пчел два десятка, принес в лавку, отдал покупателю и объяснил:

— Придешь к больному, подынешь одеяло, откроешь коробочку ипустишь в него все, что купил.

Заплатил Ахмет-Ахай деньги, взял коробочку, прибыл в Озенбаш, пришел к мулле и выпустил на него бахчисарайских пчел.

Закусили пчелы больного. Закричал дыньсиз:

— Начихал я на эту купленную веру! Мочи нет терпеть ее! Продай обратно хоть за полцены,—сказал и умер.

Кинулся Ахмет-Ахай собирать пчел. Насилу удалось поймать нескольких. Положил он их в коробочку, сел на осла и помчался обратно в Бахчисарай.

Пришел он к лавочнику, рассказывает, что мулла умер, и возвращает ему купленный товар. Две пчелы вылетают и кусают—одна продавца, другая покупателя. В один миг у обоих лица раздулись и стали толстые, как у почтенных служителей веры.

Когда Ахмет-Ахай возвратился в Озенбаш, спрашивает его джемаат:

— Ты, кажется, ездил в Бахчисарай за верой для нашего усопшего муллы? Достал ее? Где она? Ему она уже ни к чему. Отдай ее нам.

— Не могу,—отвечает Ахмет-Ахай.

— Почему? Разве не достал?

— Достать-то достал,—говорит Ахмет-Ахай.—Но пришлось ее вернуть обратно.

— Почему?

— Кусается. Муллу закусала насмерть, меня в нос укусила, видите? Теперь, дурная, полетела других кусать. Не открывать бы мне священной коробочки!

СКАЗКА

О ЖАДНОМ АДЖИ-БАБЕ И ЛОВКОМ

БЕДНЯКЕ АХМЕТ-АХАЕ

I

Проживал в Озенбаше один плешивый аджи-баба. Его богатый дом стоял против бедного жилища Ахмет-Ахая.

Вот он думал-думал и придумал:

— У Ахмет-Ахая есть один жирный барашек. Пойду его обману, скажу, чтобы шкуру с этого барашка снял и зажарил мне мясо. Вот будет хорошо!

Пришел он к Ахмет-Ахаю и говорит:

— Знаешь ли ты—ведь завтра день последнего суда, дунья-битты,—конец мира, светопреставление. Все погибнет, и сам свет погибнет, и я погибну, и ты погибнешь, ничего не останется на свете ни цветущего, ни гниющего, живых и мертвых не останется—ничего кроме бога и Мухамеда, пророка его.

Он думал испугать Ахмет-Ахая, но Ахмет-Ахай не испугался.

— Что из того?—говорит.

Аджи-баба говорит Ахмет-Ахаю:

— А из этого вот что. У тебя есть хороший барашек. Зачем его держать будешь? Ведь он все равно пропадет. Ты любишь гостей. Зарежь барашка, угости меня, святого человека, и тебе зачтется это, как великая заслуга перед аллахом.

Говорит Ахмет-Ахай:

— Мудрость мыслей твоих ясности слов равна. Чем моей овце пропадать в геенском огне вместе со мною, не лучше ли ее предоставить твоим крепким зубам?

— Пойдем к берегу моря,—говорит аджи-баба,—там есть зеленая площадка. Устроим на ней наш последний пир.

— Прекрасно задумано,—сказал Ахмет-Ахай и взвалил аджи-бабе на плечи жирную овцу. Нашли у моря площадку под терпентиновым дубом, здесь зарезали овцу.

— Пока я буду жарить баранину,—предложил Ахмет-Ахай,—ты разденься, покупайся в море и погрейся на солнышке.

— Яхши,—сказал аджи-баба и пошел на берег. Разделся и стал купаться.

А Ахмет-Ахай собрал его одежды, положил на огонь и стал на этом огне жарить барана.

Спит Ахмет-Ахай со своей работой, вертит барашка, режет кусочки, пробует, суетится над костром, потом кричит:

— Эй, аджи-баба, вылезай из воды, жаркое готово, иди кушать.

Вылез аджи-баба из воды, хочет одеться, смотрит—ничего нет, ни джуппе, ни шаровар, и даже чарыков нет.

— Ахмет-Ахай, а где моя одежда? Я ее не вижу.

— Сын аллаха, ведь завтра конец света, зачем она тебе?

Аджи-баба кричит:

— Куда девалась моя одежда? Говори скорее!

— На вашей одежде жарилась моя овца,—говорит Ахмет-Ахай.—Покушайте теперь и умрите.

— Зачем вздор говорить? Сколько времени свет стоит, еще будет стоять столько. Ведь я обманул тебя, Ахмет-Ахай.

— Вы, эфенди, обманули не меня, а свою одежду. Как теперь вернете свой обман? Ведь она превратилась в золу, а золу развеял ветер.

Голый аджи-баба в холодную ночь бежал домой через яйлу, дрожа от холода. Как стадо диких верблюдов, гнались за ним злые туманы.

II

Возвращаясь домой после этого случая, Ахмет-Ахай нашел на горе арбуз. Взял он этот сладостный шар обеими руками и пришел в Озенбаш.

Осмеянный аджи-баба уже стоял с наточенным кинжалом и, когда увидел Ахмет-Ахая, закричал:

— Давно, давно я тебя дожидаюсь. Из-за твоего лукавства я чуть не замерз в горах. Теперь я тебе устрою горячку, что будешь помнить, пока не сгоришь в аду за меня. Но чью это круглую башку ты держишь, негодяй, в руках?

В Озенбаше до этого времени не бывало арбузов и даже названия им никто не знал.

— Где ты это взял? Говори скорее, сын шайтана,—закричал аджи-баба-эфенди.

— Этот шар я получил на Ак-Ярском базаре за хвост своей единственной бедной овечки, спрятанной от твоего кабаба,—сказал Ахмет-Ахай.

— А что есть в этом шаре?

— С такой длинной бородой и таким большим сарыком, и чтобы не знал, что это? Да это же лошадиное яйцо. Стоит на нем посидеть, и вылупится из него жеребенок лучшей арабской породы.

— Дарю тебе жизнь, если ты отдашь мне это,—сказал жадный аджи-баба.

... подумал, что высидел жеребенка...

Ахмет-Ахай согласился и пошел с арбузом в руках, а мулла за ним.

Поднялись на высокую скалу. Где было потеплее, на солнышке, там Ахмет-Ахай положил арбуз, а мулла уселся на нем, как курица на яйце. Долго, осторожно он сидел. Вдруг арбуз выскочил из-под него и покатился со скалы.

Катился-катился, пока не ударился о камень. Рядом с камнем был куст, а под кустом заяц. Арбуз лопнул и рассыпался, а из-под куста выскочил испуганный заяц.

Увидев зайца, мулла подумал, что высидел жеребенка, и бросился за зайцем.

А заяц скрылся в маленькой пещере.

Аджи-баба за ним. Просунул в пещеру голову до плеч, а дальше не двинется и голову назад вытащить не может, болтает ногами, кричит о помощи.

Ахмет-Ахай взял его за ноги и тянет обратно. Вытащил, смотрит, а у аджи-бабы головы нет.

«Что такое,—думает Ахмет-Ахай,—где его голова, в пещере—или совсем ее не было?»

Не может вспомнить, была ли у аджи-бабы голова.

Пошел в Озенбаш и спрашивает. Один говорит: «была у аджи-бабы голова», другой говорит: «нет, у нашего аджи-бабы головы никогда не было», а третий говорит: «не знаю, может, была, а может, и не была».

Пошел Ахмет-Ахай к жене аджи-бабы и спрашивает:

— Когда утром с наточенным ножом вышел твой муж из дома, была у него голова на плечах или нет?

Жена аджи-бабы тоже не помнит. Долго думала:

— Гольный он домой пришел. Было еще темно. Голодный был. Шорбу попросил. Шорбу когда ел, борода его так и так качалась. Бороду помню, но была ли голова—не знаю. Считайте, ее не было. А впрочем, как знаете.

В самом деле, куда же подевалась голова аджи-бабы? Оказывается, голова жадного аджи-бабы покатились в пещеру зависти. За своей головой наш мудрый аджи побежал в пещеру. Достал там кое-как свою голову, к шее привинтил. И опять стал нашим почтенным, мудрым чалмоносцем.

Вот он и размышляет:

«Жаль, чудесную лошадку я высидел, да выпустил. Где ее теперь догнать? Надо бы сидеть в огороженном чаире, тогда бы лошадь не убежала. Где теперь такую достанешь?»

В таком печальном раздумье сидел озенбашский аджи. Вдруг его осенила мысль:

«У Ахмет-Ахая была одна овца, а известно, что одна овца имеет один только хвост, и за одним только этот хвост Ахмет-Ахай получил лошадиное яйцо, из которого вышел такой прекрасный жеребец лучшей арабской породы. А если я сто хвостов снесу на базар и получу там верблюжьих яйца и слоновые, я буду богатейшим караванчиком в мире».

Так думал жадный аджи-баба. От этих раздумий потускнели его мысли, он побежал к своему овечьему стаду и приготовленным для Ахмет-Ахая ножом срезал хвосты всей сотне своих овец. А утром незаметно для людей повез их в город на базар.

Привез эфенди на Ак-Ярский базар сто овечьих курдюков, расположился в самой середине базара и кричит:

— Меняю овечьи хвосты! На лошадиные яйца! На верблюжьих яйца! На слоновые яйца! За мажару яиц отдаю мажару хвостов!

Собрался народ вокруг аджи. Все в недоумении слушают, что он кричит. Подумали—человек потерял разум, и забрали его в безумный дом.

Сколько он там пробыл, никто не знает, насилу оттуда вырвался.

«Убью этого обманщика Ахмет-Ахая»,—думал аджи-эфенди, возвращаясь в Озенбаш из Ак-Ярского безумного дома.

III

Но Ахмет-Ахай уже готовился к прибытию разгневанного аджи. Бараний пузырь кровью наполнил и говорит жене:

— Этот пузырек с кровью, дорогая, я привяжу к твоему горлу.

— Что ты делаешь, Ахмет-Ахай, какое еще несчастье надумал ты на наши головы?

— Это несчастье я придумал, чтобы избавиться от большего несчастья,—сказал Ахмет-Ахай.

— Жена, конечно, должна слушать, что ей прикажет муж,—сказала Ахмет-Ахаю жена его Сальгэ.

Привязал Ахмет-Ахай к горлу жены пузырь с кровью и объясняет ей:

— Посмотри теперь на этот ножик-дудочку, который я смастерил. Это обыкновенный чабанский ховал. Но только с одной стороны, а с другой—смотри—у него ножичек.

— Зачем ты это сделал?

— Мы с тобою выйдем на озенбашский майдан, там я сотворю перед всем миром чудо.

— Какое?

— Я убью тебя и воскрешу.

Женщина испугалась. Ахмет-Ахай объяснил ей:

— Когда по пузырю с кровью я ударю ножичком, ты закричи «вай» и притворись, что скончалась. Я при виде твоей кончины плакать не буду. Рукоятку пчач-ховала поднесу к устам и заиграю: «Ховальчик-живильчик, оживи ее». Ты встанешь и начнешь танцевать чабанскую хай-тарму. Жадный аджи-баба, который ищет моей гибели, захочет иметь такой же волшебный пчач-ховал, чтобы учить им своих жен. Бить их досмерти он боится, чтобы не потерять, а избивать их каждый день большой охотник. Эту палочку он купит.

Так и случилось. Пришел Ахмет-Ахай с женой на озенбашский майдан, заиграл в ховал.

Собрал джемаат.

— Дудка, дудка,—выкрикивает Ахмет-Ахай,—чудесная дудка!

— Что у тебя за дудка?—спрашивают прохожие.

— Свою жену я лезвием этого ножа каждый день убиваю, а рукояткой ее воскрешаю. И она снова у меня живая.

Услышав это, озенбашские люди попросили Ахмет-Ахая показать чудесные действия дудки. Тут Ахмет-Ахай на глазах у всех, будто разгневанный, ударил жену ножом по шее.

Обливаясь кровью, жена Ахмет-Ахая падает на землю. А Ахмет-Ахай, недолго думая, поворачивает свой ховалпчак и начинает играть. Женщина тотчас поднимается и танцует хайтарму под игру ховала. Джеммаат говорит:

— Да, это очень ценная дудка, и смастерил Ахмет-Ахай ее на Бойке не иначе как с благословения джинов.

Разгорелись глаза аджи-бабы на эту чудесную дудку, и просит он Ахмет-Ахая ее продать. Но не хочет бедняк озенбашский брать у него денег и при всем народе дарит ее носителю чалмы.

Берет аджи дудку-ножик, приходит домой и говорит одной из своих жен:

— Зажигай свет.

— Зачем? Еще светло и в огне нет нужды.

— Зажигай, говорят тебе.

Она не слушается. Аджи ударяет ее ножом в шею так сильно, что она падает мертвой. Начинает тогда аджи играть в ховал. Он играет фундук-хойдум-джебиме—танец ореха, положенного в карман. Три часа он играет на дудке около своей убитой жены, но она не встает.

Очень рассердился аджи и говорит:

— Непременно убью обманщика озенбашского, которого зовут Ахмет-Ахаем.

IV

В мире что себя съедает? Гниющее дерево само себя съедает. Тлеющий уголь сам себя съедает. Жадный человек сам себя съедает.

Дома в Озенбаше были деревянные, и сакля Ахмет-Ахая уже ложилась на молитву—прогнила снизу доверху. В один из дней приходит к Ахмет-Ахаю аджи-баба и говорит:

— Твои насмешки, проклятый бейнамаз, надоели мне. Жалкий дом твой разваливается, но я не буду ждать, пока он сравняется с землей. Сегодня же я уничтожу его, чтобы не нашел ты больше, негодяй, приюта в Озенбаше.

Видит Ахмет-Ахай в руках у аджи кремень и огниво. Ударяет аджи огнивом о кремень, высекает огонь, и дом Ахмет-Ахая весь в пламени.

Бедняк не успел вытащить и клочка бараньей шерсти. В грудку углей превратилась его сакля.

Хоть гнилой, а дом был. А теперь что будет делать? И остается Ахмет-Ахай под открытым небом.

И сказал бедняк:

— От бога проси побольше, но доволен будь, если он тебе хоть душу оставит.

От сгоревших бревен остались угли. Собирает их Ахмет-Ахай в мешок, берет на плечи и уходит из родного Озенбаша.

Шел-шел и в Акиер-город пришел. На базар с мешком угля Ахмет-Ахай пришел. Видит—один богатый френк меняет золотые монеты на татарский уголь. Но не будем затягивать сказку.

Сколько угля у Ахмет-Ахая было, френк принял и насыпал ему столько же золота.

Возвращается бедняк в Озенбаш,—лицо его от радости как золото блестит, а золото в мешке его как солнце горит.

— Откуда у тебя это?—спрашивает аджи-баба.

— В Акиере,—отвечает ему потерявший свой дом,—татарский уголь в цене. За мешок угля дают мешок золота. Ты, эфенди, сладость райских соков в печень тебе, превратил мой дом в мешок угля, а теперь я могу все дома Озенбаша купить.

Глупец аджи, костер жадности, тут же поднес огонь к своему дому. Напалил семь мешков угля и повез его в Акиер. Весь базар завалил углем, а цены ему нет. Загрязнил базар черной пылью, и прогнали его оттуда с позором.

И вернулся аджи в Озенбаш одураченный и разгневанный, как длиннохвостый таусхуш, изгнанный из рая.

V

Долго думал аджи-баба, какому наказанию подвергнуть Ахмет-Ахая.

«На самый верх яйлы его подниму, в провал «поймай и достань» сброшу. Пусть его съест конджолак».

А потом думает:

«Нет, лучше его на самый край ялыхырлара поташу и сброшу в море. Пусть лакомится им морской медведь».

И в третий раз подумал:

«Быстрой смерти ему не должно быть. Надо его сперва хорошенько избить палками».

Как в третий раз подумал, так и сделал. Связанного в мешке Ахмет-Ахая на высокую яйлу поднял, какое-то дерево нашел, на это дерево мешок с Ахмет-Ахаем повесил, а сам побежал в кизилчихлык за палками.

Ну, Ахмет-Ахай в мешке что может сделать? Стал кричать: «Эйвах!»

Этот крик услышал чабан Мамут. Прибежал к нему и спрашивает:

— Чего кричишь? Зачем в мешок полез?

Ахмет-Ахай ему отвечает:

— Так и так, такое дело. Казахский мурза, властелин Дюльбера, заставляет меня жениться на его дочери, а я не хочу. Теперь этот мурза думает меня резать. Говорит—я оскорбил его дочь.

— Ну и чудак же ты, братец! Тогда я буду зятем мурзы.

— Если так желаешь, вынь меня из мешка, а сам— в мешок.

Этот из мешка вылез, а тот влез. И пошел Ахмет-Ахай к баранте, а чабан Мамут в мешке сидит и из мешка кричит:

— Аллахом клянусь, я согласен взять дочь казахского мурзы, властелина Дюльбера. Муссой клянусь и Иссой!

Вот бежит жестокий аджи-баба с сорока кизилковыми палками. Он хочет не сразу убить Ахмет-Ахая, а помучить его перед смертью. Но споткнулся чалмоносец, уронил чалму, и все сорок палок полетели в пропасть. Поднял он чалму и сказал:

— И зачем только я в кизилчихлык пошел. Ведь шайтан не любит, когда его шайтанское дерево трогают. Уж не пожалею труда! Поташу безбожника на край Черного моря, брошу его в воду. Пусть лакомится им морские аждаги.

На высокий обрыв забрался, столкнул мешок с человеком в море, довольный пошел домой.

Приходит он в Озенбаш и видит—Ахмет-Ахай живой-здоровый, даже пригнал в деревню большое стадо баранов.

«Что за чудо,—недоумевает аджи,—я его бросил в море, а он живой. Чьих же это овец пригнал он в Озенбаш?»

Аджи-баба:—Расскажи, любезный Ахмет, что случилось с тобой после того, как я бросил тебя в море?

Ахмет-Ахай:—Когда в море вами, святой человек, был я брошен, «кирк-кирк-кирк»—сорок, сорок, сорок—кричал я сорок раз. Сколько раз крикнул, столько овец я и получил со дна морского, из стада великого морского чабана.

Аджи-бабу забрала зависть.

— А если я пошлю свою жену в море, и она скажет: «тысяча, тысяча, тысяча»,—мне тысячу овец даст хозяин моря?

— Даст, если слово «тысяча» будет сказано тысячу раз.

— В таком случае, дорогой мой Ахмет-Ахай, я и себе сделаю такое же одоление, какое сделал тебе.

Берет аджи мешок, сажает в него свою жену, берет его на плечи, отправляется в путь. Приходит он на край Черного моря к высокой обрывистой горе, завязывает мешок чирмаух-травой и толкает его с обрыва горы.

И волны морские проглатывают мешок с его женою.

Жадный аджи-баба ждет день—жена его не возвращается.

«Задержалась, — думает. — Ведь тысяча овец — не сорок».

Проходит еще день—жены не видно. И опять думает аджи:

«Задержалась. Проверяет баранту. Скоро пригонит тысячу овец».

Ждет третий день—жена не возвращается. Бежит он к Ахмет-Ахаю.

А Ахмет-Ахай у нового своего дома глубокую яму вырыл, досками накрыл, только небольшое отверстие оставил. Взял шило и в этой яме спрятался.

Сердитый, как шакал, врывается во двор к Ахмет-Ахаю.

— Где муж?—кричит он женщине.

Женщина молчит.

— Где муж твой? Отвечай!—требует сердито аджи-баба, и на лице его пылает огонь шайтанского дже-енема.

— Он умер, — плачет старуха. — В этой яме я зарыла его. Слава аллаху, единственному в небе, и Мухамеду, пророку его, единственному на земле! Слава мекканскому, единственному в мире, камню, и слава единственному в Озенбаше Аджи-бабе.

Затем обрадованный аджи говорит:

— Сяду и опозорю могилу Ахмет-Ахая.

Не успел присесть, как Ахмет-Ахай снизу шилом про-ткнул ему мягкую часть.

С воем кинулся аджи бежать от живой могилы Ахмет-Ахая. А чабан Мамут, выбравшись из мешка, приплыл к берегу, пришел к Ахмет-Ахаю и получил обратно свою баранту.

О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ

ПРИСТЫДИЛ АЛЛАХА

Однажды многодумный Ахмет-Ахай, у которого волосы на голове и те думали, вытесал сорок топорищ, вскопал свой чаир и посадил их в землю. Стал он каждый день поливать посев в надежде, что вырастет целая роща топоров.

Но всходы не показывались. Тогда рассердился озенбашский мудрец и стал ругать аллаха:

— Сколько трудов я ни владу, урожай ты мой спрятал в землю. Простое дерево, грубое, нестесанное, даже из камня растить умеешь, а хорошо обработанное дерево, аккуратно засеянное, растить и плодить не умеешь! А еще называешься аллахом! И не совестно ли тебе?

В гневе взял Ахмет-Ахай свой старый топор и поднялся на Бойку. Пришел в Янган-чаир и посадил топор в землю.

Ждет-ждет мудрец, когда поспеет урожай топоров. Все снится ему, что выросло дерево, на котором, как орехи, висят топоры, и он снимает большой урожай, сбивая железные плоды длинной палкой, не задевая, конечно, ничьей головы. И раздает он топоры всем озенбашцам.

Пришла осень, полили дожди, и сильная вода побежала с гор. С места, где был посеян топор, вода потекла в Озенбаш и приволокла старый топор прямо к Ахмет-Ахаю, к дверям его дома.

Посмотрел мудрец на это чудо из чудес и воскликнул: — До чего богат урожай моих топоров! В лесу они даже не помещаются, и деревья их сыпают в деревню. Оказывается, у аллаха все же есть совесть! Топорищ не захотел растить, но топоры, спасибо ему, вырастил!

О ПРЕВРАЩЕНИЯХ СЕРПА

АХМЕТ-АХАЙ

Ушел как-то Ахмет-Ахай из Озенбаша и стал работать батраком у одного степного мурзакса.

Много ли, мало ли работал Ахмет-Ахай—сеять пшеницу он научился. Торбу пшеницы он заработал, старый поломанный серп в награду получил. С тем и с другим домой пришел, на удивление всем засеял впервые в Озенбаше хлеб.

Заколосилась пшеница. А когда поспела, в светлую ночь, при полной луне, Ахмет-Ахай эту пшеницу сжал, в снопы связал, сложил в копны, сверху воткнул свой серп и ушел домой.

В эту же ночь пришла шайка Токона красть пшеницу Ахмет-Ахая. Видят воры—какая-то дикая птица сидит на копне. Испугались они. Схватили по кизиловой палке и обступили копну с дикой птицей наверху.

Один из них ловким ударом сшиб серп с копны, и серп этот угодил по шее Токону. Тот ухватился за ручку серпа и стал тащить его вниз, чтобы сдернуть с шеи. Все глубже врезался в тело серп, пока вместе с ним не соскочила с плеч и голова злодея.

Воры разбежались с громкими криками.

На шум собрались озенбашцы. Видят—у пшеницы проклятый вор Токон лежит с отрезанной головой, а возле него на земле дикий орел с железным клювом.

Побежали за Ахмет-Ахаем.

— Вай! Вай!—кричат ему.—У твоей пшеницы джанабар с железным клювом убил человека. Теперь и нас убьет!

Пришел Ахмет-Ахай, увидел свой железноклювый серп, увидел убитого Токона, увидел испуганных людей и сказал:

— Чего же вы, дети мои, боитесь? Беды нет. Дикий орел опасен для шеи злодея, но он смирен и не страшен для честных и смелых людей. Смотрите!

Подожел великий мудрец озенбашский к телу Токона, быстро схватил серп и стал ловко вертеть его в руке.

— Этого дикаря ничего не стоит укротить и сделать из него самую полезную домашнюю птицу в каждом дворе.

Так в одну ночь серп Ахмет-Ахая обернулся орлом, чтобы наказать воров, и снова стал серпом, чтобы слушать уя не одному Ахмет-Ахаю, а всему Озенбашу.

КОРОВА И КУСТ

Зачепил корень куста корову одного человека, и человек этот, оставив корову в лесу, к Ахмет-Ахаю-советнику побежал и спрашивает:

— В лесу корова моя зацепилась за дубовый куст. Как спасти теперь корову?

— Отрежешь если,—сказал Ахмет-Ахай,—корове ноги—спасешь живот. Отрежешь если живот, потеряешь и ноги.

— А если я отрежу корень кустарника?—спросил тот человек.—Тогда что будет?

— Тогда кустарник пропадет, а корова останется цела.

— В таком случае,—сказал человек,—я отрежу кустарник и спасу корову.

— Давно бы мог догадаться,—сказал Ахмет-Ахай.

Погиб куст, цела осталась корова. Пусть погибнет глупость и живет пусть мудрость Ахмет-Ахая.

ПОЧЕМУ БЕССМЕРТЕН

АХМЕТ-АХАЙ

Как-то вышел человек гор—Ахмет-Ахай из Озенбаша—и отправился на яйлу поохотиться на перепелок. Когда взобрался он на одну из высоких тропинок, видит—что-то странное лежит на земле и шумит.

Это были часы, оброненные каким-то окумуш-адамом. Ахмет-Ахай никогда такого не видел и не мог понять, что шумит на высокой горной тропе.

Он взял находку. Слышит—«чик-чик-чик-чик». По-татарски это значит—«полезай, подымись, полезай».

«Куда подыматься?»—думает.

Оглянулся—видит высокую скалу.

«Ага, понимаю! Я должен подняться наверх. Ладно, подымись».

Взбирается он на самый верх скалы—дальше лезть некуда.

Слышит—опять приказывают ему:

— Чик-чик-чик—подымись, полезай, подымись.

«Чего он от меня хочет? Полезть еще выше? Куда же? Как будто некуда».

Оглянулся, видит—на самом краю скалы большое дерево.

— Понимаю, ты велишь взобраться сюда. Не знаю, зачем, но попробую.

Снимает он чарыки и взбирается на дерево, с ветки на ветку, с ветки на ветку. А часы все продолжают: «чик-чик—полезай, подымись».

Очутился озенбашец уже на самой макушке дерева. А часы все свое бормочут.

«Ах, вот что!—подумал Ахмет-Ахай.—Ты просто хочешь меня убить?»

В гневе спустился он с дерева, положил часы на камень и побил их палкой. Часы замолчали.

Пошел озенбашец домой.

Когда он положил часы на араф, они опять зашумели: «чик-чик-чик-чик».

Ахмет-Ахай снова показалось, что они говорят: «подымись, подымись, подымись, подымись».

— Ах ты, легкомысленный,—рассердился он.—Я тебя поднял с холодной яйлы, в теплый дом принес! Я, как гостя, принял тебя, хотел тебя пригласить, хотел тебя приласкать! Чтобы дать тебе отдохнуть, положил на араф! Как с сыном родным, я с тобой обращаюсь! А ты меня что? Из моего дома выгоняешь? Опять в дикие горы завести хочешь? На макушку обрывистой горы вывести? На дерево, растущее над пропастью, поднять? В пропасть сбросить? Так вот тебе!

Схватил часы, вышел на улицу, как ударит ими о камень. Разбил их вдребезги.

Смотрит—желтая середина из них выскочила.

— Ну вот,—крикнул Ахмет-Ахай,—из дома ты меня гнал? Вот и наказан. Душа из тебя, горный джин, выскочила желтая.

Случилось так, что в это время мимо дома Ахмет-Ахая проходил знаменитый учитель—оджа—Насреддин.

И обратился к озенбашцу учитель:

— О, мудрец! О ты, чей сын еще мудрее будет! То, что ты нашел, ног не имеет, а ходит. Языка не имеет, а говорит.

Оно управляет днями и временам велит—беги! беги! Выходит, что этот предмет служит Азраилу—убегает время, приближается смерть.

— Но раз я это убил, не лишил ли я себя навеки смерти?—сказал губитель часов.

И действительно, Ахмет-Ахай ведь бессмертен в памяти народа.

САПОГИ УЧЕНОГО МУЖА

ел один из озенбашцев лесом и видит—на дереве висят два странных и незнакомых ему предмета.

А это были сапоги какого-то окумуш-адама, ученого человека, который путешествовал в горах, попал в речку, промочил ноги и повесил сушить свои сапоги.

Озенбашец забрал эту пару диковинных предметов и пошел в родной Озенбаш.

Озенбашцы ходили в чарыках, сапог не видали, и никто не мог определить, что принес Чизмаджи из города.

Спрашивает у общества Чизмаджи:

— Не знает ли кто, что за диковина такая?

Одни говорят ему—это посуда для воды, другие—корзина для фруктов, третьи—особый вид чольмека для соления овощей. Некоторые говорят—это капкан для ловли диких зверей. Никак не мог Чизмаджи с ними сговориться и решить, что это, и пошел к мудрейшему в Озенбаше, к Ахмет-Ахаю, который считался деревенским окумуш-адамом.

Отыскал Чизмаджи Ахмет-Ахая и спрашивает:

— Вы не можете, уважаемый учитель, объяснить мне, что за диковину я нашел у тропинки в лесу? Если сказать, что это род дикого зверя, то почему он не кусается? Может быть, это кузнечный мех, так почему из него огонь не выходит?

Ахмет-Ахай долго не думал и говорит:

— Неужели одной головой не сообразишь и семь голов для размышления тебе нужно? Это же футляры от моих топоров. Бедные, с тех пор, как потерял я эти одежды для них, они голы. Где, ты говоришь, их нашел?

— В лесу, на дубовом дереве.

— Ну, да, потому что я именно там и потерял. Спасибо, дружок, что ты их нашел.

Взял сапоги за петли и понес к себе домой.

На следующий день Чизмаджи смотрит—Ахмет-Ахай мимо дома его куда-то спешит, а на ногах его эти одежды для топоров. Он, конечно, удивился, Ахмет-Ахая бегущего остановил и спрашивает:

— Как же, учитель, ты говорил мне, что это футляры от твоих топоров, зачем же ты их надел на ноги?

— А тебе-то что,—сказал Ахмет-Ахай.—Раз футляры мои, на что хочу, на то их и надеваю. Когда я иду в лес, это—футляры для моих топоров. А почему? Пока еще не рублю дерево, лезвия не притупляются в них. Но когда я иду в мечеть, например, это, конечно, футляры для моих ног. Ведь ноги у меня тоже наточены. Видишь, как я здорово режу ими путь?

И быстро ушел.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ПОКУПАЛ

СЕБЕ ЯРМО

Фериман-шегере, на чарычном базаре, не ты ли был тем, кто мои чарыки сделал? Появился знаменитый Ахмет-Ахай в Фериман-шегере на базаре, где чарыки делали.

Купил Ахмет-Ахай на базаре ослиную шкуру. Закутавшись в нее, он остановился перед лавкой, где продавалась человеческая одежда.

— Что вам нужно?—спросил его лавочник.

— Что мне нужно, того у вас не видно,—говорит Ахмет-Ахай.

— У нас есть всякая одежда. Что тебе хочется—назови, уплати, и это появится на тебе.

— Мне хочется,—говорит Ахмет-Ахай,—надеть ослиное ярмо.

— А разве в лавках, где продается человеческая одежда, они бывают?

— Тогда и хватать нечего, что у вас имеется все из того, что прилично надеть кому-либо из живущих.

И, рассердившись, Ахмет-Ахай повернулся к лавочнику спиной, и тогда лавочник взял белый мел и написал на его рваном джуппе: «Ахмет-Ахай—глупец озенбашский».

Напротив этой лавки была кофейня. Когда кефеджи прочел на спине Ахмет-Ахая надпись, он воскликнул:

— Добро пожаловать, мудрец, я угощу тебя пятью сортами кушаний.

Ахмет-Ахай вошел в кофейню, и кефеджи поставил ему на софру чашку молока.

Ахмет-Ахай выпил в одно мгновение и ждет следующих четырех сортов кушаний.

— Ты чего ждешь, дорогой гость?—спрашивает хозяин.

— Дорогой хозяин, разве ты не обещал угостить меня пятью сортами кушаний? Я съел один сорт и жду остальных.

Хозяин смеется:

— Ты не думай, что одно молоко я подал тебе. Из этого молока бывает: катык—раз, пенир—два, хаймах—три, сарьях—четыре. Вот эти-то четыре сорта кушаний ты и скушал вместе с молоком.

Говорит Ахмет-Ахай:

— Ой, Сулейман-кефеджи! Большая просьба моя к тебе. Как меня угостил, угости и четырех моих сыновей.

— Хорошо, я угощу их. Где они?

— Ты принеси пищу, они все появятся.

Хозяин принес четыре чашки молока и спрашивает:

— Где твои сыновья, Ахмет-Ахай?

Ахмет-Ахай сказал:

— Подобно тому, как в твоём молоке содержатся катык—раз, пенир—два, каймак—три, сарьях—четыре, так и во мне содержатся будущие мои дети: Асан—раз, Гасан—два, Усеин—три и Сюндюз—четыре.

СКАЗКА О БЕССТЕННОМ ДОМЕ

И О БЕСТЕЛЕСНОМ ВОРЕ

Ахмет-Ахай был так беден, что не мог построить дом со стенами и соорудил одну крышу на столбах. Но чтобы постройка эта все же имела вид жилого помещения, поставил он под этой крышей дверку и вообразил, что дом его такой же, как и все дома в Озенбаше.

И вот однажды бедняку кушать было нечего, и вздумал он отправиться на охоту. Весь день лук свой готовил, стрелы распрямлял, осла кормил. А к вечеру, когда приготавлился, лук—на плечи, стрелы—в колчан, сел на осла и сказал своей супруге:

— Жена, я уезжаю.

— Куда?

— Поохотиться на караджу. Вот тебе замок, запиши изнутри.

— От кого?

— От воров и похитителей.

Сел на осла и уехал. А женщина заперла двери изнутри большим деревянным замком, а сама спать легла на тюфяке под крышей в своем открытом со всех сторон доме.

Ахмет-Ахай задумал поехать далеко, в лес Марта, где много караджи. Но сильнейший ливень заставил его тут же вернуться в Озенбаш. Обливаемый потоками дождя, весь промокший до последней нитки, он подъехал к дверям своего бесстенного дома и стал стучать. Но во

время дождя сильно спится—сколько ни стучал, жены своей не разбудил. А входить в дом не через двери не стал и, не слезая с осла, так и остался мокнуть под проливным дождем до самого утра.

Когда рассвело, грозовые тучи ушли из Озенбашской котловины.

— Почему, сосед, не зайдешь к себе домой, вот под эту твою крышу, вот к этой твоей жене?—спросил Ахмет-Ахая проходивший мимо сосед Мемет-Ахай.

Тот, еле выговаривая слова от холода и дрожи, отвечает ему, заикаясь:

— Стучался я, стучался, но жена моя проснуться не сумела, и кто же мне откроет дверь?

Мемет-Ахай спрашивает:

— Ведь стен у тебя нет. Почему не вошел?

Ахмет-Ахай отвечает:

— Если сквозь стены буду я проходить, зачем тогда я ставил эту дверь?—И остался стоять, как стоял.

Жена, наконец, проснулась. Открыла мужу дверь и впустила его. Намокшую мужнину одежду перестирала и повесила сушить во дворе на дереве, внизу шальвары, а над шальварами кольмек. А Ахмет-Ахай в это время голый, лежа на тюфяке, согревался под войлоком после холодной, мучительной ночи, проведенной под дождем.

В полночь, разбуженный петухом, Ахмет-Ахай вздумал выйти во двор—мало ли по какой надобности. И вот, только приоткрыл он дверь своего бесстенного дома, как при свете луны увидел перед собой человека с вытянутыми руками. Подумав, что это вор, он испугался, поспешно запер дверь, подбежал к жене, разбудил ее и тихим шопотом ей на ухо сказал:

— Вор к нам лезет! Вот он во дворе сидит на дереве. Скорей подай мне лук и стрелы. Я покажу ему, как залезать в чужой дом, когда хозяева спят.

Жена ему поспешно подала оружие. Ахмет-Ахай чуть приоткрыл двери, приготовился и—как выстрелит! Угодил прямо в свою одежду, висящую на дереве.

— Ловко я его! Теперь к живым не полезет! Дадим ему спокойно умереть. А завтра утром отправим на кладбище, и будет в мире одним вором меньше.

После этого Ахмет-Ахай улегся на тюфяк, потеплее

... и как выстрелит!..

укрылся и крепко уснул. А как стало развидняться, он поднялся с тюфяка и голый вышел во двор. Смотрит — вор все еще на дереве. «Неужели он не только бесстрашен, но и бессмертен?» — подумал он и подошел поближе.

И что же? Оказывается — это его собственная нижняя одежда, которую жена вчера вывесила просушить. А он-то ночью принял ее за вора! Стрелял в нее!

Ахмет-Ахай сейчас же потребовал у жены куман воды и совершил абдест. Потом пал на землю и, привстав на колени, поднял обе руки к небу.

— О, единый властитель, живущий на небе и распоряжающийся землей! О, милостивый, могучий! Щедротам твоим на земле нет предела! Благодарю тебя, единственный, за эту вторую жизнь, что ты мне даровал!

Жена удивилась — почему Ахмет-Ахай, так давно не молившийся, вдруг горячо молиться стал.

— Разве ты не видишь, — отвечал голый мудрец своей подруге, — какое чудо явил нам в эту ночь аллах? Смотри — я выстрелом из лука угодил в живот моей одежде, пробил ее насквозь и изорвал в клочья. Что, если бы я сам, когда стрелял, был в ней? Ведь я бы сам себя расстрелял, и не было бы меня на белом свете. Отойди, жена, и дай мне вдосталь намолиться, воздать всевышнему словословие за многие его щедроты, за этот дом без стен, согревший нас, и за кафтан за этот, за дырявый, не имевший меня в себе, когда из лука я стрелял в него с такой огромной силой.

ДОЛГ И ВЕЧНОСТЬ

дет однажды Ахмет-Ахай мимо кладбища и видит — могильщик бьет палкой по могиле. — Что делаешь? — спросил Ахмет-Ахай. — Этот человек был должен моему ишаку семь фаршированных тыкв, не отдал и умер. С голоду подох и ишак. За это я избиваю его могилу. Пусть он отдает мне долг.

— Тогда ты неправильно делаешь, — сказал Ахмет-Ахай.

— А как надо делать правильно?

— Надо самому лечь в землю, зарыться поглубже и тогда уже, под землею, в том единственно подлинном мире, взыскивать с должника. Но как бы при этом не случилось, что в том мире, где все вечно, и долг этот останется вечным? — сказал Ахмет-Ахай.

РАЗГОВОРЫ В БУТЫЛКАХ

Однажды Ахмет-Ахай озенбашский принес на своих плечах в Ялту полную тарпу яиц. Этот тяжелый груз круглых предметов он продал и с пустой тарпой за плечами пошел по городу искать чего-нибудь домой к празднику.

Проходит он по улице, где много туканов, и останавливается перед рыбной лавкой. Над дверьми ее большая вывеска, и на ней написано: «Камса, камбала, кефаль». Залюбовался Ахмет-Ахай вывеской, остановился у входа и смотрит вверх. Вдруг что-то тяжелое ударило его по голове, сбilo с ног и лишило сознания. Когда Ахмет-Ахай пришел в себя, видит — возле него собрались люди.

— Скажите, пожалуйста, что случилось со мной? — спросил Ахмет-Ахай.

Ему объяснили:

— На вашу голову свалился с вывески один «юмшах ишафет» — мягкий знак от слова «кефаль».

Услышав это, Ахмет-Ахай воскликнул:

— Мягкий знак, и так ударил? Что же было бы с моей головой, если бы твердый знак ударил меня? Наверно совсем уложил бы у входа в эту рыбную лавку.

И заплакал. Стал успокаивать его хозяин, набросал ему в тарпу свежей камсы.

— Не плачь хозяин, — говорит, — носи домой к празднику.

Пошел Ахмет-Ахай с камсой в тарпе дальше. Остановился у другого тукана. Видит — эта лавка вся, снизу доверху, наполнена бутылками. Стоят они на полках рядами, а в них что-то ярко светится, блестит и играет против солнышка.

Ахмет-Ахай в тукан вошел и хозяина спрашивает:

— Что продаешь в бутылках?

Хозяин видит — на ногах чарыки, за плечами — тарпа. Деревенский человек в город попал — озенбашец, верно. И отвечает ему шутливо:

— Что продаю в бутылках? Разговоры. Хочешь, наложу полную тарпу?

— Разве можно разговоры в тарпу положить?

— А как иначе? Если человеку не принести себе в тарпе на праздник разговоров, он и не разговорится. Как немой будет.

— Ну, а когда даже положишь, разве могут разговоры в тарпе удержаться?

— Вот купи, я их положу, и ты посмотришь, удержатся они в тарпе или нет. Ты что, впервые видишь? Не бойся. Подходи. Гляди. Да, да, это разговоры. А почему молчат? Только и молчат, пока в бутылках сидят. Ведь о чем думаешь — пока в голове сидит, тоже молчит, а на язык попадет — тогда и слышно. И это на язык возьмешь — услышишь.

Тут хозяин одну открытую бутылку берет, два стаканчика наливает, сам пьет и угощает озенбашца. Ахмет-Ахаю понравилось. Быстро они сладили, и между веселыми разговорами наложил хозяин озенбашцу поверх камсы полную тарпу бутылок с водочкой.

Спешит Ахмет-Ахай навеселе из города в тихий, родной Озенбаш. Поднимается на высокую яйлу, песни поет.

А в тарпе его сбоку была дырка, и по одной, по одной, — камса усеяла за идущим пройденный путь.

Когда горная тропинка сделала крутой поворот, озенбашец заметил позади себя рассыпанную камсу. Ему с пьяных глаз показалось, что чудная эта рыбешка гонится за ним, он испугался и закричал:

— Ну, ну, потише! Если желаете встречи, подходите медленно. А не послушаетесь—всех вас убью и души ваши брошу в пасть Азраила.

А сам пустился бежать.

Бежал он, бежал, а камса все сыпалась.

Забравшись на макушку яйлы, Ахмет-Ахай свалился от усталости, стащил с плеч тарпу и поставил перед собою. Вынул бутылки, пересчитал, стал любоваться ими. А из тарпы смотрит на него рыбешка красными, будто кровью налитыми глазами.

Он воскликнул:

— Я вас из Ялты сюда наверх тащил, и то глаза мои не стали красные. А вы спокойно на моих плечах, как на ишаке, ехали—так почему ваши глаза кровью налились? С ума сошли? Воевать хочется?

Взял палку, отошел в сторону и говорит:

— Если вы джигиты, подходите по одному.

Размахнулся он дручком и стал по рыбе колотить. Потом сгреб ее, сбросил с обрыва в пропасть, вздел тарпу с бутылками на плечи и пошел.

Миновав богаз, он у спуска с яйлы встречает одного приятеля. Уставший от тяжкого пути, тот отдыхает на лужайке.

— Откуда ты идешь, Ахмет-Ахай и куда?

— Из Ялты домой.

— Что на плечах несешь?

— Несу, что в городе купил.

— Что же ты, Ахмет-Ахай, в городе купил?

— Разве не видишь и не слышишь?

— Я слышу, у тебя в тарпе что-то шалтает, болтает и гулт-гулт делает. Что это такое? А?

— А вот сейчас посмотрим,—говорит Ахмет-Ахай и вынимает бутылку из тарпы.

— Так это просто буза, Ахмет-Ахай! Зачем ее из города тащишь?

— Ну, еще тут с тобой заводить разговоры да разговоры. Я все буду говорить, а ты все будешь меня спрашивать. Так и не кончим разговоры.

Дурла-Ахай, приятель Ахмет-Ахая, перед этим ел чеснок. Ему пить захотелось, а на яйле воды нет. И попросил он Ахмет-Ахая напоить его городской бузой.

Ахмет-Ахай открыл бутылку и дал ее Дурла-Ахая, и Дурла-Ахай схватился за эту бутылку. Половина того, что было внутри ее, переместилась в Дурла-Ахая, другая половина—в Ахмет-Ахая. И тут приятели развеселились и танец Феты-адамана «айляринда-эльдурун» плясать пустились и чуть в пропасть не свалились.

Началась на яйле целая шамата, большой, веселый разговор. Танцевали, веселились, пока в Озенбаш не спустились.

В Озенбаше Ахмет-Ахая обступили люди на улице и спрашивают:

— Ты в городе был?

— Был.

— Ты что-нибудь купил?

— Я в городе разговоры купил.

— Куда их дел?

— В тарпу положил.

— Разве можно разговоры в тарпу положить?

— А как же иначе? Если человек не принесет себе в тарпе на праздник разговоров, он и не разговорится. Как немой будет.

— Ну, а когда даже положишь, разве могут разговоры в тарпе удержаться?

— Добрые люди, они не в тарпе, они в бутылках. Видите?

И показывает, что тарпа действительно наполнена бутылками. Но те все еще спрашивают:

— А в бутылках разговоры разве бывают?

— Конечно, бывают.

— А зачем же их в бутылки помещают?

— Разве вы не знаете летучее свойство разговоров? Вот, чтобы они не улетели, их и закупоривают.

— И куда же пойдут эти разговоры?

— С моих плеч в чьи-нибудь головы.

— А в чьи?

— Вот я с бутылками посоветуюсь, а потом вам скажу.

— Хотя ты всегда, Ахмет-Ахай, только правду рассказываешь, но на этот раз мы тебе не верим.

— Не верите, придете вечером ко мне и послушаете, как я буду с ними советоваться и какие они мне будут давать ответы.

И назначил время.

Ночью приятели пришли к Ахмет-Ахаю и слышат— в доме его целая шамата, большой разговор. Лежит Ахмет-Ахай на сундуке на десяти тюфяках, ногами бьет потолок и обращается к самому шайтану с большой речью.

— И дурак же я был, когда войну с рыбешкой открыл. Только теперь мне разум в голову вошел. Где лежала камса? В тарпе лежала камса. Под чем лежала? Под бутылками лежала. Просочились разговоры из бутылок, стала камса веселая. Отыскала дырку в тарпе, соскочила на дорогу танцевать «айляринда-эльдурун». А та, что дырку в тарпе не нашла, выпрыгнуть не могла. Танцевать не могла, говорить не могла, от рождения замкнут ей рот аллахом. И бросились ей разговоры в голову, и налились ее глаза кровью. А я думал—с ума сошла, воевать собирается, и сбросил ее в пропасть. От разговоров в бутылках сердцу весело—голове горько. Глупость свою вижу. Несправедливость свою вижу. Зло в себе вижу. Отнесу эти разговоры в бутылках хозяину озенбашских глупостей, к тому, кто затемняет разум, к источнику несправедливости, к отцу зла, к нашему озенбашскому шайтану.

И отнес разговоры в бутылках прямо к мулле.

С тех пор огненная жидкость шайтана в Озенбаше и называется разговором.

О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ

ИСКАЛ СВОЕГО ОСЛА

Купил Ахмет-Ахай в Ялте осла и, крепко зажав в руке уздечку, повел его домой в Озенбаш через высокую яйлу.

Он шел назад не оглядываясь. А два базарных жулика выследили этого деревенского человека и вслед за ним поднялись в горы.

Достигнув высот яйлы, они осторожно подошли к озенбашцу, сняли с осла уздечку, и один из них надел ее на свою голову и пошел потихоньку позади Ахмет-Ахая. А другой вернулся с ослом обратно на ялтинский базар.

Не заметив проделки, Ахмет-Ахай быстро перевалил через яйлу, спустился в Озенбаш и подошел к своему дому.

Шерфе-ханым, жена его, видит—идет Ахмет, а за ним человек на уздечке.

— Ты кого привел?

Обернулся Ахмет—на месте купленного осла человек в упряжке.

— Ах ты!—закричал Ахмет-Ахай.—Когда я тебя покупал,—был осел, а теперь—человек! Как это случилось—говори!

— Простите меня, хозяин, когда я проживал в городе, мать моя и отец проклинали меня зато, что я их не слушался, и я стал ослом. Ныне, ведомый через высоты яйлы к твоему приветливому дому, я успокоился, отдохнул и снова стал человеком.

Схватил Ахмет-Ахай кизилую палку, избил бывшего осла и сказал ему:

— Уходи домой и смотри—ничего худого не твори, чтобы твоя мать-волшебница и твой отец-фокусник снова не лишили тебя облика человеческого и не превратили опять в длинноухого ишака, чья пища—сено.

Жулик вернулся в Ялту на базар, где товарищ ожидал его с Ахмет-ахаевым ослом.

А наш бедняк, потеряв ишака, поднялся на минарет и громко благодарил аллаха и кружился, как дровиш.

Муэдзин его спросил:

— Ты потерял осла, а за что же ты благодаришь аллаха?

— Потерялся осел, но сохранен Ахмет-Ахай. Сиди я на ишаке в момент пропажи, не пропал бы разве и я?

Обувал Ахмет-Ахай свои чарыки, брал свой любимый таях кизилый, брал хлеб с чесноком и отправлялся пешком в горы.

Еще солнце не поднялось до середины неба, как Ахмет-Ахай уже достиг высот яйлы.

Выходит он на Авунда-гору. Видит, стоит один хазах. Думает спросить его—не видел ли его осла. По-русски не понимает. Как же говорить? Он решил сделать так, как делают немые. В одну руку взял сено, в другую навоз осла и подошел к хазаху. Показывает ему то, что у него в руках, и тихо спрашивает:

— Буну шар, бунус шар? Вот того, мол, кто это скушал, а вот это выработал—не видел?

Хазах не понял крымского человека и сказал ему по-русски:

— Пошел вон!

Озенбашцу в словах русского мурзы послышалось татарское слово «он», что означает «десять», и он ему по-татарски сказал:

— Дюн дохуз, бугун он—сегодня десятый день, как осел пропал, а девятый был вчера.

А хазахскому мурзе нужно было пройти на Гурауфское седло,—место есть такое в горах, на седло похожее. Он дорогу туда не знал. Руками своими седло изобразил, Ахмет-Ахая спрашивает:

— Вот на такое место как пройти, скажешь, нет?

Озенбашец подумал, что мурза хочет сесть на него верхом, и пустился наутек.

В поисках потерянного осла Ахмет-Ахай вышел в дремучий лес.

Стояла осень.

И листва была желтая, как медь. Масть потерянного осла тоже была желтая. И если бы даже он оказался здесь, Ахмет-Ахай не мог бы его найти.

Выйдя из этого леса, мудрец забрался на высокую скалу и увидел весь желтый лес под собою. Он свистнул и громко закричал по-озенбашски:

— Э-гей! Моего осла ты видел? Да?

Крик его к нему обратным звуком возвратился, и эхо ответило:

— Да-а!

— В таком случае, где ты, мой дорогой, мой бесценный? Почему я не вижу тебя, а только слышу твой несравненный голос?—Это он свое эхо принял за голос осла.

Посмотрел еще—желта листва, и невозможно разобрать, где осел.

— В таком случае,—сказал Ахмет-Ахай, обращаясь

к желтому лесу,—я тебя целиком, о лес, считаю своим ослом. Думаю, глупости хватит и у тебя.

Золотым дремучим лесом мудрец в синий Озенбаш возвращался и о потерянном осле пел.

Голосом печальным Ахмет-Ахай заунывную песню пел.

— Если я назвал тебя, лес, ослом, не стыдись, о лес! И ты, осел, не радуйся. От тебя ведь, густолиственный, вся печаль моя, о осел! От тебя, лес, ведь палки, избивавшие осла. Ты—седло моих печалей! От тебя—темь башки моей и надежда смерти моей, о лес! Я потерял возницу—уладу глаз моих, четырехкопытную мудрость мою, о лес! Где найду тебя, мой копытистый, шерстистый, большеглазый, длиннохвостый, долгоухий, недолговечный, о ишак, ишак!.. Где ты, мой любимый, отзовись!

Он шел в родную деревню, шумящую большой рекой, и все думал о том, что лес этот и есть его осел. Он пел и приговаривал:

— Мой дремучий, темный осел! Мой глупый, терпеливый лес! Неужели и тебя я потеряю, как потерял осла, на котором ездил?

Искал, искал Ахмет-Ахай своего осла по горам, по чабрам, по садам,—нигде его не видит.

И отправился на южный берег Крыма.

В город Ялту явился. К дворцу одного князя подошел—видит, хлебопек печет хлеб. Запах печеного хлеба свежий, вкусный—в Озенбаше не ел он такого.

В ушах его вдруг раздался сильный звук парового гудка.

Ахмет-Ахай в пекарню вбежал:

— Пожалуйста, окка хлеба мне скорей дай.

Приказчик спрашивает:

— Огонь к тебе не пришел, зачем спешишь?

— Пламя потери меня торопит. Осла я потерял. Десятый день я ищу его, и поиски мои напрасны. А только с пекарней твоей я поравнялся—голос моего осла я услышал. Ты слышишь? Вот он еще раз закричал (второй гудок парохода послышался), я думаю, он хочет городского

хлеба. К нему спешу, не убежал бы. Поэтому, пекарь дорогой, скорей мне окка хлеба дай.

Взял хлеба и побежал на пристань. На мол Ахмет-Ахай вбежал, к самому краю.

Начальник его остановил:

— Куда, куда бежишь ты?

— К ослу бегу я. Он все кричал, хлеба просил. Четыре раза крикнул. Где он?

Шипя колесами, прекрасный осел, цвета пламени, пуская дым и пеня воду, со свистом и шумом по глади Черного моря шел, удаляясь от Ахмет-Ахая.

Потом он как-то шел по базару и увидел слепого пса.

Базарные завсегда таи в шутку, широко открыв рты, Ахмет-Ахая со смехом говорят:

— Ты ищешь своего осла и не знаешь, где он? Посмотри на этого пса, ведь он же съел твоего осла.

Правду или неправду говорят, Ахмет-Ахай думать не стал, палку поднял и бежит за собакой.

— Верни осла или отдай его стоимость.

Собака побежала домой к своей хозяйке. А у хозяйки этой второй, тайный муж был и как раз слепой. Когда Ахмет-Ахай с криками «слепой пес» подбежал к воротам дома, этот секретный муж испугался и говорит хозяйке:

— Кто-то требует меня... Выйди—посмотри.

Зрячая хозяйка выскочила во двор.

— Чего кричишь?—спрашивает.

— Скажи своему слепому псу—пусть уплатит мне за осла.

Женщина, думая, что ее слепец украл осла, поспешно вбегает в дом и говорит любовнику:

— Сейчас же дай ему денег, или тебя тут обнаружат.

Слепой залез в потайную мошну, достал деньги и отсчитал в руку Ахмет-Ахая столько монет, сколько нужно уплатить за самого отличного осла.

Объявил Ахмет-Ахай озенбашский на ялтинском базаре через глашатая:

— Тому, кто найдет мою четырехкопытную, хвостатую глупость, я подарю ее со всею сбруей.

Люди базара догадались—Ахмет потерял осла.

— О, друг зверей лесных и домашних,—обратился к нему базарный люд,—какой же смысл хлопотать о нахождении потери, раз ты ее отдашь нашедшему? Находить и терять или не находить вовсе—не одно и то же?

— Я хочу,—сказал Ахмет-Ахай—доставить удовольствие всем: радость поисков тому, кто будет искать, радость нахождения тому, кто найдет, и радость молчания тому, кто знает приличия, кто умеет язык держать за зубами.

В это время заметил Ахмет-Ахай, что двое продают осла.

Признав в нем свою пропажу, он подбежал к нему и стал избивать кизилowym таяхом.

— Ага, ты снова поспорил с матерью, обидел отца, и снова твоя мать-волшебница превратила тебя в глупое животное! Вот тебе, вот тебе, вот тебе! Чтоб ты знал, как надо слушаться родителей!

Рев осла испугал обоих жуликов. Они бежали с базара.

Сел Ахмет на ишака и поехал.

Он достиг яйлы и стал искать спуск в Озенбаш, но ослу понравилась вершина, и он не пожелал спускаться.

Сколько ни колотил его Ахмет-Ахай—животное не повиновалось. Тогда он перестал направлять осла, и тот пошел вдоль яйлы и достиг Перепелочной выси.

На этой высоте сын Ахмет-Ахая занимался ловлей перепелок.

— Куда, отец, едешь?—спросил сын.

— Я еду, куда угодно ослу. Как видишь, ему угодно было подъехать именно к тебе.

— Дорогой отец,—сказал сын,—что в хурджуме у тебя, что с базара везешь?

— Все узнаешь, если состаришься, сынок. Стоит ли стареть тебе раньше, чем поседеют волосы, о внук моего отца!

— Что бы ни было в хурджуме,—не унимался сын,—зачем ты утруждаешь им свои плечи? Ведь ты бы мог его привесить к шее осла.

— Деревенщина,—ответил ему отец,—я сам сел на осла, так еще тяжесть хурджума наваливать на бедную скотину? Нет уж, дорогой сынок, пусть хурджум давит мои плечи.

Сын забрался на осла и заглянул в хурджум Ахмет-Ахая.

— Сын моего деда,—весело сказал сын балагура,—хурджум твой пуст, как чабанский хавал. Не разрешишь ли набросать в него моих перепелок? Я их словил десять голов и еще две.

Ахмет-Ахай разрешил.

Пока юноша возился в хурджуме, осел споткнулся, и отец унал на землю.

— Ну вот,—дружески обнял он сынка.—Мне не надо было трудиться, чтоб слезать с осла, он сам меня сбросил. Вы тут постойте вдвоем, а я немного отойду в сторону—мало ли по какой надобности.

— Нет, уж вы тут вдвоем стойте,—сказал сын и подвел осла к месту, где стоял отец.

Сделав, что ему нужно было, Ахмет-Ахай посадил юношу на осла, а сам с хурджумом перепелок за плечами пошел вслед пешком.

Их догнал озенбашский мулла.

— Вай-вай-вай!—стал громко смеяться мулла.—Юнец едет на осле, а отец идет пешком.

Сын слез с осла.

Отец сел верхом.

Мулла стал смеяться еще громче:

— Вай-вай-вай! Здоровый взрослый человек сидит верхом, а сын плетется за ним пешком!

Тогда Ахмет-Ахай посадил к себе сына, и они стали спускаться с горы вдвоем на осле.

— До какой жестокости дошли,—не унимался мулла.—Две двуногих здоровых твари садятся верхом на одну четвероногую. О, несчастный осел!

Тогда Ахмет-Ахай и его сын слезли с осла и пошли пешком.

— Вот теперь,—засмеялся еще громче мулла,—идут три ишака рядом.

Делать нечего: Ахмет-Ахай и его сын взяли осла и понесли на себе.

— Два осла тащат третьего,—все еще смеялся злой мулла.

МУДРОСТЬ АХМЕТ-АХАЕВОЙ ПАЛКИ

Ахмет-Ахая озенбашского было шесть приятелей. Звали их: Хурт-Мулла-Ахай, Хурт-Ваап-Ахай, Хурт-Керим-Ахай, Хурт-Валет-Ахай, Хурт-Мор-Ахай и Хурт-Ахай.

На праздник байрам они обули все одинаковые красные катыры. Пошли к Ахмет-Ахаю. Мудреца дома нет. Возбравшись они на плоскую крышу его сакли, свесили ноги и стали ждать.

Разговор большой завели, два часа масал рассказывали.

Потом один посмотрел вниз и закричал:

— Вай, вай, вай! Ноги-то у нас у всех одинаковые! Как теперь разбираться будем, какие ноги—чьи? Как подниматься будем? Как уходить будем?

Посмотрели остальные и видят—действительно ноги у всех совершенно одинаковые, и невозможно определить, какие две из двенадцати—чьи.

Во всех затруднениях шесть приятелей, как и все озенбашцы, обращались к Ахмет-Ахаю, и на этот раз Хурт-Ахай порешил:

— Спешить не можем, дождемся его. Вернется он домой и поможет нам распутать эту путаницу. Неужели не укажет каждому, где его пара ног.

К вечеру Ахмет-Ахай возвратился с перепелиного лова с полной сумкой за плечами и большими цапнями в руках.

— Братец Ахмет,—взмолились товарищи,—ну и попались же мы! Прилипли к твоей крыше! С самого утра ждем и не можем тебя дожидаться. Домой итти давно пора. Нам встать надо, а ноги у всех одинаковые. Смешались, как бекмес с катыком. Боимся ошибиться. Как бы вместо своих ног не захватить чужие. Сделай одолжение, раздели наши ноги по справедливости и найди каждому то, что принадлежит ему.

— Эйвах! Аллах! Маллах...—говорит Ахмет-Ахай.— Но не бойтесь. Эту путаницу распутаем, эту пропажу найдем.

Отошел мудрец в сторонку, замахнулся длинными цапнями и ударил сразу по всем двенадцати ногам. Шесть Хурт-Ахав, сидевших на земляной крыше, сразу нашли свои ноги, вскочили, как таушаны, и кричат:

— Вот они! Они! Вот они, мои ноги!

— Ну и мудрая же, Ахмет-Ахай, у тебя палка,—сказали озенбашцы своему учителю,—мы долго вшестером не могли найти то, что она одна нашла быстрее, чем пролетает ветер.

— Это не палка,—ответил им Ахмет-Ахай,—а цапни. Палка моя еще умнее: кого хочешь, чему хочешь—научит.

ЗВОН ГУСТОГО ПАРА

Как-то Ахмет-Ахай был очень голоден, но хлеб его был тверже камня. Зашел он в озенбашскую кофейню. Видит—кефеджи кипятит кофе, и валит густой пар. Ахмет-Ахай свой черствый хлеб над паром этим подержал. Когда хлеб стал мягок, съел его.

Съел свой хлеб Ахмет-Ахай и вздумал уйти из кофейни, но кефеджи его остановил:

— А деньги?
 — За что?
 — За то, что ты пользовался моим паром.
 — Разве пар стоит пара?
 — В мире все денег стоит.
 — И сами деньги стоят денег?
 — Конечно, стоят.
 — А у тебя они имеются?
 — А тебе-то что?
 — Деньгами звени себе в ухо, и это будет уплатой за твой пар, вошедший в мой чересчур черствый хлеб. Понятно? Деньгами звени себе в ухо!—сказал Ахмет-Ахай.

О ТОМ, КАК ОТ АХМЕТ-АХАЯ

УБЕЖАЛ ЧЕТВЕРГ

Ахмет-Ахая озенбанского был сын. Отец засватал его, и сын Ахмет-Ахая стал женихом.

Был в те времена у татар закон—не видеть жениху невесты до свадьбы. Но наперекор закону был и такой обычай: еще до свадьбы, тайком, приходиться к окну невесты и беседовать с нею. Если окно высоко, жених, крадучись, ставил лестницу и, прильнув к решетке окна, проводил с девушкой сладкую, как мед, и тихую, как ветерок, беседу.

Когда сын Ахмет-Ахая узнал, что у него уже есть невеста, захотелось ему видеть ее, и обратился он к отцу:

— Разреши, отец, пойти к невесте моей побеседовать с нею у окна через решетку.

— Сын мой, наш закон не велит смотреть девушку до свадьбы.

— Отец мой, но обычай, в обход закона, это сделать позволяет,—конечно, чтобы никто не видел.

— Дитя мое, это разрешается сделать только в вечер кануна пятницы. Только так позволяет ловкий обычай, обманывающий закон.

— Значит, в канун пятницы ты разрешаешь мне, отец, подойти к окну невесты?

— Хорошо, дитя мое.

— Тогда скажи мне, отец, когда же канун пятницы?

— Сейчас тебе скажу.

И Ахмет-Ахай стал считать по пальцам.

— Ты пойдешь, значит, к окну невесты в канун пятницы. Канун пятницы, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда... семь пальцев—семь дней... а где же четверг? Четверга нет! А разве не он—канун пятницы? Что за напасть! Постой, сынок, постой! Проверим еще раз. Считай ты по своим пальцам, а я по своим. Канун пятницы, пятница... Опять не выходит! Куда девался день? Пропал наш четверг, сын мой! Значит, не можешь ты итти к окну невесты, хотя бы уже и была у тебя приготовлена лестница. А у тебя и лестница не готова, и окно невесты высоко.

Сын Ахмет-Ахая:—У всех полная неделя, а у нас вдруг одного дня нехватает. Почему?

Ахмет-Ахай:—А я разве знаю?

Сын:—Что же делать, отец?

Ахмет-Ахай:—Искать пропажу. Мы не богачи, чтобы разбрасываться днями. Пойди ищи его. Пусть и у нас будет полная неделя, сын мой!

Сын Ахмет-Ахая пошел искать по деревне. Везде искал, но четверга в Озенбаше не видно было.

И сказал ему Ахмет-Ахай:

— Наш четверг, должно быть, убежал. Не в лес ли? Сейчас же, сынок, отправляйся за ним.

Целую ночь ходил сынок по лесам над деревней. Утром вернулся.

— Нашел?—спрашивает его Ахмет-Ахай.

— Где найдешь его?

— А в лесу, где был, что заметил?

— Вроде волчьего следа я видел.

— Вроде волчьего следа? Понятно. Ну, теперь, ша-

лишь, не скроешься. Оказывается, четверг так давно убежал от нас, что порядком одичал, даже, выходит, когтями оброс. Вот что я тебе скажу, сын мой: по следам его иди, потерянный день найди и верни его в Озенбаш.

Пошел сын Ахмет-Ахая, гнал, гнал лесного волка до Чатыр-дага, в дикий лес Марту загнал его. Волк бежал в пещеру. Заглянул оглан в пещеру—два волчьих глаза в глубине горят, как две свечи.

Из темного леса сын Ахмет-Ахая прибежал к отцу.

— Наш четверг,—говорит,—скрылся в глубокой пещере и засветил там две свечи.

Ахмет-Ахай говорит:

— Из мечети были украдены две свечи. Если он их не крад, то зачем бежал? Ты, сынок,—жених. Много четвергов видел. Не бойся его. Вот тебе аркан, закинь его в пещеру и тащи четверг сюда.

Вернулся сын Ахмет-Ахая в лес, заарканил волка и привел его домой.

— Привет тебе, четверг,—говорит Ахмет-Ахай.—Сприездом! Скажи, почему ты убежал? Чем тебе не понравился Озенбаш?

Волк ничего не отвечает.

Ахмет-Ахай говорит:

— Четверг, ты, может, голодный? Будешь кушать?

Волк молчит. Дал ему катламу—не кушает.

— Чего же тебе дать?—спрашивает Ахмет-Ахай.—А-а, чебуреков захотел?

Дал ему горячие чебуреки—и этого волк не кушает.

— Обижаетесь? На кого, четверг? На всех? Вай-вай, должно быть, тебе не нравятся наши обычаи. Веди его, сынок, в мечеть, может, там добрее станет.

Привели волка в мечеть. Много свечей зажгли, у михраба поставили его лицом к востоку. Волк и не думает молиться. Сколько ни упрашивал Ахмет-Ахай, волк его просьбам не внимал и не отвечал на вопросы.

Говорит волку голосом муллы мудрец Озенбаша:

— Мы требуем, четверг, вернись, войди в число наших законных дней. А не хочешь с нами знаться, отпускаем тебя, и будь ты дикарем в лесу, а у нас в неделе останется шесть дней, но зато они не будут дикими. Прочь отсюда! Прочь! Вон из мечети!

Волк вырвался и убежал.

Заплакал сын Ахмет-Ахая.

— Не плачь, не плачь, сынок,—говорит мудрец озенбашский,—этот день найдется. Ну, чего разрыдался?

В тот же день Ахмет-Ахай высокую лестницу деревянную сделал и сыну своему с радостью сказал:

— Сегодня я работал, лестницу сделал. Завтра не буду работать. Значит, завтра пятница. Сегодня ее канун. Значит, четверг. Вот он, вот он, сынок, наш четверг! Нашелся, наконец, слава тому, кто справедливо вернул его нам и не захотел у бедняка отобрать последнее! Можешь итти к окну невесты. Она заждалась тебя. Можешь итти к окну невесты.

И в тот же вечер сын Ахмет-Ахая взял лестницу и, когда никто не видел, пошел к невесте беседовать с нею через решетчатое окно.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ИСКАЛ

ЩЕПОТКУ СОЛИ

Однажды говорит Ахмет-Ахая жена:

— Сходи к соседям за солью. Обед посолить нечем.

— Тебе сколько соли требуется?—спросил муж.

— Займешь одну пригоршню и одну щепотку.

Пошел Ахмет-Ахай к одному соседу—соли нет. Пошел к другому—тоже нет, к третьему пришел—и у этого нет. Весь Озенбаш обошел—соли не нашел.

Вышел он из деревни и видит: крестьянин молотит пшеницу, соленым потом обливается. Ахмет-Ахай поздоровался с ним, а чтобы не забыть, сколько ему нужно соли, стал вслух твердить:

— Одну пригоршню и одну щепотку. Одну пригоршню и одну щепотку.

За эти неуместные слова крестьянин закричал:

— Ах ты, комок земли шайтанской! Если одну пригоршню и одну щепотку хлеба вымолочу, чем кормиться буду? Вот тебе! Вот тебе!

Схватил грабли и давай угощать Ахмет-Ахая по бокам.

Озенбашец покорно принял эти удары и спрашивает хозяина:

— Теперь, когда научил мои бока, научи и язык. Скажи мне—как надо было сказать?

— Надо было сказать—«берикет олсун—урожая большого желаю». Тогда бы и твои слова и сам ты мне любезны были.

Ахмет-Ахай попрощался и пошел дальше. А дорожные слова повторяет:

— Берикет олсун—урожая большого желаю. Берикет олсун—урожая большого желаю.

Поравнялся наш искатель соли с кладбищем. Видит: люди слезами землю обливают, опускают в могилу покойника.

— Берикет олсун—наибольшего урожая желаю,— сказал Ахмет-Ахай.

Люди эти очень обиделись на чудака, забросали его камнями и закричали:

— Ах ты, пустота земная! Каменная башка! Разве так говорят, когда человека хоронят?

— А как говорят?

— Надо сказать: «Алла рахмет этсын—бог да утешит вас»—и поднять обе руки к небу.

Ахмет-Ахай поблагодарил своих учителей и пошел дальше.

Идет он и видит большое дерево. Под деревом цыгане-музыканты. Двое играют на скрипках, один на кларнете, один на бубнах, один на большом дауле, а возле них девушки и юноши танцуют хайтарму.

Ахмет-Ахай подошел к ним и громко воскликнул:

— Алла рахмет этсын—бог да утешит вас!—и поднял руки к небу.

Танцующие сразу остановились. Музыканты играть перестали, а даульщик цыган вскочил да как ударит Ахмет-Ахая барабанной палкой по спине.

— Невежа, сын невежи, и внук твой пусть будет невежею! Здесь свадьба веселая, а ты смерть сулишь! Болван!

Наш земляк схватил себя за голову:

— Как же нужно было сказать?

— «Хайрлы олсун, дай вам бог счастья». Эти слова громко сказав, мог бы сразу же пуститься с нами в пляс. И Ахмет-Ахай пошел дальше, еще сильнее избитый, зато больше обученный.

Где дорога делала поворот вправо, он пошел вперед, с дороги не сворачивая, и вышел в один лиственный, темный, прохладный, ласковый лес.

Видит: один человек охотится на зайца, делится из лука в него, вот-вот зайчишка упадет на землю мертвый. Ахмет-Ахай крикнул изо всех сил:

— Хайрлы олсун—дай вам бог счастья!—и пустился плясать хайтарму.

Что было с охотой—ясно. Заяц спас шкуру и исчез в темном лесу, а охотник избил простака своим тяжелым луком.

— За что, за что?—кричит несчастный.—Мне что сказать тебе надо было?

— Ничего сказать не надо было. Снять халпах надо было. Тихо к зайцу подкрасться надо было. Давать ему бежать не надо было.

Ахмет-Ахай думает:

«Сколько ни живи и ни учись—как пришел ты в этот мир дурным, дурным уйдешь и в тот мир. Но я сегодня быстро умнею. Теперь уже понятно—самых хороших слов молчание еще лучше».

И пошел дальше, ни слова влух не говоря.

Когда через этот лес по извилистой тропинке прошел, видит—он опять над родным Озенбашем. Спустился с горы и подошел к дверям своего дома.

Стучится. Его жена спрашивает:

— Кто?

Мудрый Ахмет-Ахай молчит—ему жена не открывает. Он стучит—она спрашивает: кто? Он молчит—она оставляет двери на запоре.

День уже проходить стал. Наступает сладкий, как на меду испеченная баклава, тихий крымский вечер и с минорета слышен крик муэдзина, помощника муллы.

Ахмет-Ахай подождал, пока муэдзин кончит кричать, и взобрался на шерефэ. Хотел оттуда сверху сравнить свое молчание с громким криком муэдзина.

Вот на балкончик минарета поднялся мудрец, кругом по нему шагая, молчит, как алем на мечети.

— Ахмет-Ахай,—кричат ему люди снизу,—что делаешь наверху?

Ахмет-Ахай молчит.

— Что с тобою, Ахмет-Ахай? Чего молчишь, Ахмет-Ахай? Или обьелся соли, Ахмет-Ахай?

— Не-е-е-т!—кричит им сверху мудрый глупец.—Разыскиваю соль! Но и отсюда, сверху, не вижу соли!

Потом глупый мудрец спустился с минарета и пошел домой. Стучится. Называет себя.

Жена впускает его в дом.

— Ну, как, муженек, соли достал?

— Достал!

— Сколько? Одну пригоршню или две?

— Что ты, дорогая, гораздо-гораздо больше.

— Где соль?

— Мне ее насыпали не только в руки мои, но и в ноги, и в бока, и даже голове попало. Видишь, как Озенбаш богат солью. В поле не сеется она, а сама растет у каждого в руках. Только не проси меня угостить и тебя ею.

ДОМ НА КОЛЕСАХ

Собрался, наконец, Ахмет-Ахай подвести четыре стены под крышу своего бесстенного жилища. В один из лесов высокой горы Бойки он поднялся, распилил пять-шесть тополей, сбросил с горы к себе на двор штук сто бревен и начал с большим усердием строить стены. Прорубил три окна, повесил дверь и к концу весны закончил работу.

Было у Ахмет-Ахая четыре соседа. С приходом теплых дней они перекочевали со стадами своих коров, коз и овец на горные пастбища и не видели, как бедняк достраивал свой дом. А когда Ахмет-Ахай работу уже закончил,

один из этих чабанов спустился в Озенбаш за пищей и молитвой. Видит он—у соседа под крышей новые стены. Они ему понравились. Конечно, Ахмет-Ахай был молодой, здоровый, на работу ловкий, для молодой жены постарался и домик сделал, как игрушку.

— Поздравляю тебя, архадаш, с прекрасно построенным домом,—сказал сосед.—Только одно мне в нем не нравится: двери ты поставил к северу. Сам себя лишаешь богатого солнца. Разве так делают?

— А как делают?

— Двери должны стоять обязательно к солнечному югу. Неужели ты не знаешь, сосед, что значит солнце для здоровья человека?

Тогда Ахмет-Ахай северную дверь забил, а в южной стене прорубил отверстие и сделал новую дверь. Целую неделю трудился, лишь бы подтвердили люди перед его женой, что дом хорош.

Только работу закончил, в Озенбаш спустился с Бойки другой сосед. Увидел новый дом, поздравил Ахмет-Ахая и говорит:

— Ох, соседушка, видно, что ты действительно постарался, и домик получился хороший. Только скажи мне на милость аллаха, почему тебе вздумалось построить его дверью к югу? Разве так строят?

— А как строят?

— Надо было строить так, чтобы окна выходили на юг, а дверь бы к заходу солнца стояла. При входе в дом лицо твое могло бы сразу взять поворот к священной стороне, к Каабе.

Когда многоопытный сосед так сказал, Ахмет-Ахай забил южную дверь, а в западной стене прорубил отверстие и сделал новую дверь, точно по указаниям соседа.

Теперь уже строитель думает—придет третий сосед, ему дом обязательно понравится.

Но он ошибся. Третий сосед, когда на третью пятницу с Бойки в Озенбаш пришел, посмотрел и говорит:

— Поздравляю тебя, сосед, с прекрасно построенным домом. Вижу, бревна все одинаковые, подогнаны одно к одному очень хорошо. Крыша красивая, окна замечательные, и как же жаль мне, что ты так неудачно поместил двери. Разве ставят двери к закату солнца?

— А куда ставят?

— Обязательно надо, чтобы двери были к восходу, чтоб пламенный небесный шар мог зайчиками на полу возвещать тебе приход сияющего дня.

Ахмет-Ахай задумался—угодив одному, обязательно не угодишь другому. Что сделать, чтобы мнение людей подогнать одно к одному, как бревно к бревну?

Мало ли, много ли думал, одну хорошую мысль Ахмет-Ахай придумал. На высоты Бойки поднялся, в дубовый лес пришел, крепчайший дуб отыскал, напиллил четыре толстых колеса и колеса эти под дом подвел.

И вот спускается с гор четвертый сосед. Поздравляет и он Ахмет-Ахая с прекрасной постройкой и говорит:

— Дом твой очень хорош. Я вижу на нем удобную земляную крышу, на которой можно отдыхать, сушить фрукты, гостей принимать и даже плясать. Окна хороши, стены крепки, но, дорогой сосед, как жаль, что двери ты поставил не на место. Их надо было обязательно поставить к северу, потому что...

Ахмет-Ахай расхохотался. Теперь-то уж мог он повернуть двери своего дома и даже весь дом—куда кому хотелось. Тут же, на глазах соседа, мудрый строитель озенбашский домик свой повернул дверями к югу и сказал:

— Не правда ли? Ведь и мир стоит на колесе! А ловкач куда захочет, туда и повернет свою судьбу.

АХМЕТ-АХАЙ ТЕРЯЕТ ГОРЕ

Взял Ахмет-Ахай кувшин и пошел в дремучий лес к холодному источнику. Идет чащей, никого нет, тишина.

Вдруг послышались шаги. Он оглянулся и видит—какой-то старик бежит за ним.

— Что ты за человек?—спросил Ахмет-Ахай.—Почему идешь по следам моих чарыков?

— В этом лесу,—ответил старик,—очень тихо. Поэтому ты и услышал мои шаги. Но я всегда и везде сопровождаю тебя, любимец неудач. Я твое горе, Ахмет, и куда бы ты ни пошел, я иду за тобою.

Решил Ахмет-Ахай погубить старика, чтоб избавиться от горя.

— Ты долго, старик, ходил за моим дедом. Ни на шаг не отступал от отца. Ты, наверно, ровесник вот этому дубу, которому сегодня пошел тысяча первый год. Тебе, хартбаба, тяжело ведь ходить пешком. Залезай в мой кувшин, я понесу тебя, старая печаль скорбей моих.

Обольщенный ласковой речью Ахмета, Горе-старик медленно стал залезать в кувшин. Одну костлявую ногу опускает—Ахмет-Ахай еще не радуется. Другую ногу опускает—Ахмет-Ахай еще не уверен, что справится с ним. Стал старик вбирать свое туловище внутрь кувшина и опустил до бороды. Тут Ахмет-Ахай почувствовал прилив сил, схватил голову старика и вдавил ее в кувшин. Затем он замазал горло кувшина глиной, перемешанной с листьями дуба, посушил на огне и приложил печать Сулеймана.

После этого он выкопал под тысячелетним дубом яму и, запрятав кувшин в землю, произнес над могилой старика следующие слова:

— Брат жестокой смерти, сын лукавого шайтана, губитель радости человеческой! Вечным прахом будь и не прикасайся к доле бедных.

Пришел домой и стал жить хорошо.

Завистливый сосед-мулла приходит к Ахмет-Ахаю и спрашивает:

— Скажи и истину раскрой мне, любезнейший, какой волшебный камень помог тебе из бедного, несчастного сына судьбы стать властелином таких прекрасных жирных чебуреков?

Ахмет-Ахай рассказал мулле все, что произошло с ним, и точно определил место, где он закопал свое горе.

Ночью мулла отправился в лес, нашел тысячелетний дуб вблизи холодного источника, покопал-покопал и вытащил кувшин из-под земли.

Раскрыл сосед Ахмет-Ахая кувшин, и оттуда выскочил злой старикашка.

— Иди, иди к Ахмет-Ахаю, — сказал мулла деду бедствий, — к шее его пристань, горбом его стань, мучением его снова стань. Нуждой его богат будь, болезнями его сыт будь, вечным спутником его всегда будь. По миру страдания гоняй его, до самой смерти терзай его, геенне огненной отдай его.

— Дудкой многих просьб мне в уши не свисти, — сказал старик — и, вскочив на шею муллы, прикрепился к его костям и мясу. — Мне делать нечего с Ахмет-Ахаем. В землю снова забить меня разве не сумеет он? Я буду вечным спутником того, кто снял с меня печати Сулеймана. Я буду вечным спутником твоим, мулла. Нуждой твоей я счастлив буду, болезнями твоими сыт я буду, по миру горестей тебя гонять я буду, к геенне огненной тебя толкать я буду.

И как ни выкручивался мулла, но горе крепко в него вцепилось.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ПЕРЕСЕЛИЛСЯ

В ПЕЩЕРУ

Однажды объявили в Озенбаше, что в горах появилась шайка воров. Грабит она деревню за деревней, и очередь доходит до Озенбаша. Озенбашцы переполошились и решили сторожить дома.

Бедняку Ахмет-Ахаю, по правде сказать, беречь было нечего, однако он посоветовался с женой и купил большой замок и повесил его с наружной стороны дверей. Решили они не пользоваться дверьми совершенно — жена никуда не выйдет из дому, а Ахмет-Ахай проникать в дом будет только через дымоход оджаха, для чего приспособит веревку. Теперь уже Ахмет-Ахай был спокоен и разгуливал по Озенбашу.

Вечером он возвращается домой и видит — какие-то незнакомцы стоят у дверей его дома и возятся с замком.

— Как ты думаешь, что они делают?—спрашивает Ахмет-Ахай одного прохожего.

— Они играют,—ответил тот,—на скрипке.

— Если они играют на скрипке, почему я музыки не слышу?

— Ты ее услышишь завтра,—ответил прохожий и пошел дальше.

Чтобы не помешать незнакомцам упражняться в игре на скрипке, Ахмет-Ахай, тихо крадучись, никем не замеченный, поднялся на крышу и через дымоход оджаха спустился в свое бедное жилище.

Разбудил жену и говорит ей:

— Какие-то незнакомцы играют на нашем замке неслышную скрипичную музыку. А услышим мы ее завтра.

— А-а,—сказала жена,—значит, воры уже добрались и до нашего дома? Они уже взламывают замок и вот-вот заберутся к нам?

— Что они найдут у нас?

— Как—что найдут?

— Да-да, вот именно, что они у нас найдут? Когда я днем при свете солнца ничего не нахожу, так они ночью в полной темноте разве найдут что? Но тише, жена, они, кажется, уже вошли.

— Да-да, Ахмет мой, я слышу их шаги. Ты знаешь, что я думаю?

— Что?

— Дадим им поработать. Пусть они хорошенько пощупут в нашем доме. А если что найдут, мы всегда у них отобрать сумеем.

— Ох, как ты хорошо придумала, жена. Но мне очень стыдно. Ой, как мне стыдно, жена!

— Почему, Ахмет?

— Воры обшарят нашу квартиру и ничего в ней не найдут. Мне прямо совестно. А тебе? Давай, дорогая, залезем в наш пустой сундук и спрячемся от позора нашей нищеты.

Так и сделали. Залезли в сундук, где у них хранился один-единственный веник, и заперлись в нем изнутри.

Заходят молодчики в дом. Обшарили все уголки, ничего не нашли. Видят—большой сундук стоит. Попробовали его поднять—тяжел. «Э-ге!—думают.—Тяжеловат! Видно, хозяин все, что имеет, кладет сюда. Заберем-ка сундук».

Вытащили они сундук, взяли на плечи и понесли, совершенно не подозревая, что на плечах у них весь груз крымского смеха и лукавство женщины в придачу.

Принесли воры сундук с добычей в лесную пещеру, где у них был воровской притон.

Открыли сундук, и что же они видят? Вместо ценных вещей притащили к себе в пещеру Ахмет-Ахая озенбашского и его жену.

От неожиданности воры растерялись.

Ахмет-Ахай выскочил из сундука с веником.

— Почтенные носильщики,—сказал мастер смеха мастерам ножа и отмычки,—вы были столь любезны, что согласились переселить меня в эту просторную лесную квартиру и даже захватили для меня еще одну малость из моего прежнего жилья. Это мой старый, много потрудившийся веник. Ну-ка, старина, выметем это мое новое помещение и весь мусор из него удалим. Вытряхивайтесь-ка отсюда, негодники. Да поскорее. А вот вам и за труды!

И веником раз-раз по воровским головам.

Воры бежали, а Ахмет-Ахай и его жена расположились в пещере, в которой было припасено много всякого добра.

ПУТЕШЕСТВИЕ АХМЕТ-АХАЯ

ИЗ ОЗЕНБАША В МИР ИНОЙ

В один из дней знаменитый Ахмет-Ахай берет топор, садится на осла и едет в лес за дровами. Взбирается он на дерево и рубит сук, на котором сидит.

— Эй, что делаешь,—кричит ему снизу прохожий Насреддин-оджа.—Так не руби, упадешь.

Но Ахмет-Ахай продолжает свое дело. Не прошло и минуты, как он с шумом упал вниз вместе с подрубленным суком.

Привыкший ко всяким лишениям, Ахмет-Ахай не придал значения этому событию, поднялся, сел на осла и пустился догонять прохожего.

— Архадаш,—обратился Ахмет-Ахай к Насреддину,—вы мне не скажете ли, когда я умру?

— Милый человек, откуда я могу знать?

— Ты знал, что я упаду, и предсказал это. Неужели от тебя скрыто исчисление моих дней?

Тогда Насреддин-оджа так ответил Ахмет-Ахaju:

— Когда нагрузишь на осла нужные дрова, прибавь еще ветку. Перед отправкой в путь этой веткой хорошо себя отстегай. Твой осел начнет обычную для ослов стрельбу. Знай, что при первом выстреле твоя душа получит сигнал к выходу, при втором она тронется с места, при третьем выстреле осла она начнет медленный выход из пределов бранных в вечные, при четвертом она удостоверится, что скоро раздастся пятый выстрел; его опустив, прислушайся к шестому, и когда раздастся седьмой, знай, что ты уже умер.

— О предсказатель!—с восхищением сказал Ахмет-Ахай и стал нагружать дрова на осла.

Положил он нужное количество дров, а сверху прибавил еще одну ветку. Этой веткой он крепко себя отстегал и погнал осла из бойковского леса в родной Озенбаш.

Когда послышался первый выстрел осла, знаменитый Ахмет-Ахай почувствовал, что душа его начинает крутой спуск, и загнул один палец. При втором выстреле у него загнулся второй палец и он воскликнул: «два». При третьем выстреле Ахмет-Ахай закричал: «ой, падаю». При четвертом у него затряслась печенька, и он закрыл один глаз. При пятом выстреле Ахмет-Ахай, сжав на левой руке все пальцы,—«ох,—говорит,—до души моей доходит Джеб-раил». При шестом выстреле: «Ох, уже последняя подходит ступень моих дней. Вай-вай-ана, я дух теряю».

Выстрелил осел в седьмой раз, и знаменитый Ахмет-Ахай упал.

День прошел, Ахмет-Ахай домой не возвращается. Его жена в испуге.

На второй день дети из мектеба пошли за дровами в лес и увидели Ахмет-Ахая мертвого. Прибежали в Озенбаш и объяснили—Ахмет-Ахай закончил дни.

Озенбашцы отправились в лес, принесли Ахмет-Ахая. Жена горько плачет и рвет волосы, а ей говорят:

— Чего плачешь? Удел у каждого один. Конец печален.

Обмыли «покойника», вытерли полотенцем и положили в табут, затем понесли его на кладбище.

У самого входа на кладбище протекал быстрый Бельбек. Озенбашцы не могут пронести Ахмет-Ахая на место его вечного покоя.

— Ой, завалы Ахмет, несчастный Ахмет-Ахай,—сказали люди,—если бы открыты были твои глаза и жива была твоя голова, ты бы нашел дорогу, как пройти на кладбище.

Тогда Ахмет-Ахай, тронутый печалью своих погребальщиков, поднимает голову из гроба и говорит:

— Когда я был жив, я отсюда наступал на этот камень и на тот камень и проходил. Вы тоже так проходите. А меня, мертвого, не беспокойте.

Несшие гроб испугались, бросили его и убежали.

Ахмет-Ахай встал, забрал гроб на плечи, прошел на кладбище, вместо муллы сам прочел молитву, завернул себя в шаршаф, лег в яму, накрылся, только оставил дыру для дыхания.

— Посмотрим, какова жизнь на том свете,—сказал себе Ахмет-Ахай.—Может быть, придут меня допрашивать.

И остался жить на кладбище. Ночью разгуливает по могилам, днем лежит в своей. Чувствует себя, как полный мертвец.

Проходил дорогой мимо кладбища караван верблюдов. Услышал Ахмет-Ахай шум.

«Вай-вай,—подумал Ахмет-Ахай,—что-то ужасное начинается. Это за мною идут».

Как закричит!

Верблюды испугались, кинулись в разные стороны.

Караванчики нашли на кладбище кричащего голого человека.

— Ты кто такой?—спрашивают они.

— Я мертвец. Вышел из могилы подышать свежим воздухом. А вы кто?

— Сейчас покажем, кто мы.—И стали избивать Ахмет-Ахая.

Ахмет-Ахай закричал:

— Я хабис. Сейчас я вас всех превращу в камни.
Караванчики убежали, не оглядываясь.

После этого знаменитый Ахмет-Ахай возвращается домой в Озенбаш, стучится в дом своей жены.

— Кто стучит?

— Это я, Ахмет, муж твой.

— Откуда пришел?

— С того света.

Женщина не впускает его в дом—мертвец разве придет с того света?

Тогда Ахмет-Ахай говорит:

— Твой муж просит на тот свет свои шаровары, чарыки и джуппе. Пожалуйста, дай.

Жена ему все это выносит. Он одевается.

— Я покидаю тебя,—говорит он ей,—и уйду скитаться, но, если найду поглупее тебя, вернусь.

Отправился. И долго скитался.

В жаркий полдень подходит он к знаменитому кокозскому дворцу. Около калитки у фонтана видит дочь мурзы.

«Вот,—думает Ахмет-Ахай,—девушка с очень длинными волосами, и представляется мне случай проверить правильность пословицы, что у женщины волосы длинные, а ум короткий».

Подходит к фонтану, достает клубок ниток и разматывает его над водой.

— Ты откуда пришел?—спрашивает дочь мурзы.

— С того света я. Шел я, шел, один клубок ниток нашел. Стал его разматывать, и он меня сюда привел.

— Как ты на тот свет попал?—спрашивает ханым.

— По делам из деревни Озенбаш ходил.

Девушка побежала к матери.

— У фонтана озенбашец с того света.

— Может, он нашего Адыль-мурзака видел?—сказала жена мурзы и послала за человеком с того света людей.

Люди представили Ахмет-Ахая.

— Ты был,—говорит жены мурзы,—на том свете, не видал ли нашего Адыль-мурзака? Как умер, мы от него не имеем никаких вестей.

— Да,—говорит Ахмет-Ахай,—я его видел. Он попал в дженнет и готовит джину обед, а джина этого нет.

— Я дух теряю!..

Да, в дженнете его нет. А где он? Конечно, в джеенеме. А как может мурзак доставить джину обед в джеенем, когда сам-то он находится в дженнете, а в джеенем его, Адиль-мурзака вашего, ни за что не пускают.

— Вай-вай-вай! А почему его не пускают в джеенем?

— Вот,—говорит,—почему. Он играл там, в дженнете, с одним картежником Муссой в карты, и картежник Мусса выиграл у Адиль-мурзака-эфенди все, что имелось у мурзы. Плата за вход в джеенем—шестьсот золотых, а у него ни полушки медной. Мучится бедняга. Потому мучится, что картежник Мусса требует немедленной уплаты или обещает отрезать ему голову. Упросил его Адиль-мурзак ваш подождать. «Я вот человека пошлю к отцу за деньгами».

И Ахмет-Ахай делает вид, что утирает слезы.

— Скоро ли обратно пойдешь?—спрашивает жена мурзы.

— Очень скоро. Вот клубок приготовлю и двинусь.

— Возьми, пожалуйста, этот мешочек, здесь шестьсот двадцать золотых. Шестьсот отдашь Адиль-мурзаку нашему, а двадцать возьмешь себе. Еще вот возьми чебуреки.

Ахмет-Ахай схватил мешочек с золотом и чебуреки и был таков. Второпях даже чарыки забыл у фонтана. Мурза Коккоза возвращается с охоты домой.

— Послушай, послушай, мурза, кого мы только что встретили,—говорит ему жена,—человека с того света. Он видел нашего Адиль-мурзака. Бедняга в дженнете.

— Ну, и в чем же дело? Так и должно быть.

— Я послала через него нашему Адиль-мурзаку сто золотых. Через это Адиль-мурзак перейдет из дженнета в джеенем.

— Что за вздор ты говоришь, ведь дженнет—это рай, а джеенем—ад. Ты хочешь его от счастья привести к несчастью?

Мурза догадался, что жену его обманул мошенник. Быстро садится на коня и, как орел, летит вдогонку.

Ахмет-Ахай идет домой и под одним деревом встречает лысого чабана.

— Селям-алейкюм, чабан.

— Алейкюм-селям, гошкельдынс. Откуда тебя аллах несет?

— Из Бахчисарая,—отвечает Ахмет-Ахай.
 — Не слышал ли там чего нового?
 — Слышал. Вот какую новость прокричал сегодня глашатай. Издан фирман хана—вешать всех лысых. А вот и едет один из всадников, которые ловят таких вот, как ты. Слышишь конский топот?

Чабан испугался.

— Что делать?

— Полезай на дерево и спрячься.

Лысый чабан забрался на самую верхушку дерева, а Ахмет-Ахай расположился под деревом.

Мурза Кокоза подъезжает к дереву.

— Это не ты был у меня во дворце?

— Не я.

— А кто?

— А вон кто, посмотри кверху.

Мурза видит на дереве человека. Заряжает окк.

— Слезай, слезай, а то мигом застрелю тебя.

А тас-чабан лезет все выше и выше и кричит:

— Я не лысый, я не лысый.

Тогда мурза Кокоза говорит Ахмет-Ахаю:

— Подержи, пожалуйста, мою лошадь.

А сам сбрасывает окк, снимает сапоги, хватается за сучья и лезет на дерево, чтобы поймать тас-чабана. Вздвигается на ближайший сук, а дальше лезть не умеет. А тас-чабан уже поднялся на макушку и все не перестает кричать: «я не лысый, я не лысый».

Ахмет-Ахай в это время хватается за окк и сапоги, вскакивает на коня мурзы и удирает.

Мурза Кокоза с трудом слез с дерева. Ему теперь приходится идти пешком.

Он дождался, пока стемнело, и поздно вечером добрался до своего дворца. Хорошо, что Кокоз был недалеко.

Жена встретила мурзу с волнением:

— Ну как, догнал его?

— Догнал.

— А где он?

— Я его отправил на тот свет.

— А конь где?

— Не может же сын наш пешком расхаживать по тому свету. Я послал ему своего скакуна.

— А где же сапоги?
 — Что же, Адиль-мурзаку босым ходить по тому свету?

— А окк?

— А если проголодается и захочет поохотиться? Конечно ему и окк пригодится.

БЕЗУМНЫЙ ДЕНЬ АХМЕТ-АХАЯ

Однажды жестокий крымский хан, переодетый дервишем, подошел к сидящему под деревом Ахмет-Ахаю и спрашивает его:

— Скажи-ка мне, бедный человек, народ доволен своим ханом?

— Нет,—откровенно сказал ему Ахмет-Ахай,—народ недоволен им, он очень жесток. Жаль, что ему бог смерти еще не дал. Все ему желают ее, и я в особенности.

Хан тогда сбрасывает с себя дервишскую одежду и говорит:

— А ты знаешь, несчастный, кто я?

— Нет,—отвечает бедняга.

— Не знаешь? Я хан крымского ханства. Я Менгли-Гирей.

Перепуганный Ахмет-Ахай все же не растерялся и грозному хану ответ вопросом дает:

— А ты, могучий хан крымского ханства, светлоосиянный Менгли-Гирей, знаешь ли, кто я?

Менгли-Гирей говорит:

— Нет.

Тогда сидящий под деревом снимает с себя свою рваную одежду и говорит:

— Я шестипалый Алтыпармак из деревни Арадабул. Раз в месяц я бываю сумасшедшим. Сегодня мой безумный день.

Находчивость Ахмет-Ахая оставила его великий грех без наказания.

И Менгли-Гирей, не тронув бедняка, отдохавшего под деревом, продолжал свой путь.

СКАЗКА О СЕДОМ ПЕТУХЕ

АХМЕТ-АХАЯ

Говорят—в сказках много лжи, но случается—и ложь бывает правдой. А что рассказывают об Ахмет-Ахает озенбашском, этому можно верить. Пусть много раз этого не было, но однажды все же случилось, что у Ахмет-Ахая, бедного человека, умирал в Озенбаше отец. Перед смертью он позвал своего единственного сына и сказал ему:

— Слушай, Ахмет. Переходя из этого мира в другой, я ничего не могу тебе оставить, кроме певучего петуха, кудахтающей курочки и их трех сыновей-петушков. Береги их, сын мой. Что тебе даст за них базар, отец дать не может.

Сказал это и умер.

Похоронив бедняка-отца, Ахмет-Ахай и его любезная жена остались с этим драгоценным наследством: с белым петухом, белой курочкой и их детьми-петушками. Старший был черный петушок и звался Хара-хоразчик, средний был красный петух и звался Хиримзы-хоразчик, а младший лунного цвета петух назывался Телли-хоразчик. Хорош был младший петушок. Гребешок его был подобен молодому месяцу, когда он в ветреную ночь смотрит на море сквозь тучи.

Ахмет-Ахай выполнил завещание отца, хранил драгоценных петухов, но больше любил старого петуха-отца. Это за то, что красноголовый старик раньше своих сыновей будил Ахмет-Ахая. Сон не продается на базаре: кто

много спит—у того жизнь короче. Вот за что озенбашец старика-петуха любил.

Однажды говорит жена Ахмет-Ахая:

— Ахмет, ты должен отправиться в город, ты должен продать на базаре мешок угля, что напалил в лесу.

Муж должен почитать свою жену. Бедняк согласился, выкатил кодолак, положил мешок с углем, запрягся и хотел везти, но остановился и спрашивает жену:

— Скажи, пожалуйста, дорогая жена, как я узнаю время в пути, не опоздать бы на базар.

Говорит жена:

— Возьми с собою одного из петухов. Дома он будит тебя, не дает проспать и в дороге разбудит. А кстати и петуха продашь на базаре.

Когда жена так сказала, Ахмет-Ахай ее спрашивает:

— Какого же петушка взять?

Она:—Если черного возьмешь, не увидишь его ночью, если красного—подумаешь—пожар, если желтого возьмешь—покажется тебе, что это луна и ты на небе. Возьми лучше старого белого петуха.

Так и поступил Ахмет. Из ивовых прутьев, что растут над Бельбеком, сделал хафез, загнал белого петуха, но вслед за ним вбежала туда и его верная супруга, курочка. Поставил он клетку с птицами рядом с мешком угля, взялся за оглобли и покотил в город. А было уже поздно—долго провозился с курами.

Тащит бедняга свой кодолак.

Мешок с углем был худой. Кодолак по камушкам трясется, угольные крошки сыплются на клетку, вымазлся петушок и из белого стал черным.

Наступила темная ночь. Смотрит Ахмет-Ахай в клетку—нет петуха.

Когда же через разодранные тучи блеснула луна, он разглядел в клетке потемневшего петуха и очень рассердился.

— Ты,—говорит,—не хочешь честно службу нести? Куда спрятался?

Трудно тащить груз по каменистой дороге. Устал человек, глаза его сомкнулись, и он стоя задремал. Вдруг снится ему, что он на базаре. Остановился со своим кодолаком у таш-хана, возле Салгирной улицы,

напротив синей харчевни. Уголь у него быстро расхватили по кофейням. Вот подходит к нему и Джеби-Халын, Большой Карман, любитель кур.

— Го-го-го! Ахмет-Ахай озенбашский кур привез на базар! Славные, славные у тебя, друг, курочки! Настоящей крымской породы, из-под озенбашских ив. Сколько хочешь за них?

— За малые деньги не отдам. Если хочешь, купи.

— Сколько же?

— Сто тарелов, и ни одним меньше.

Мурза предлагает ему десять тарелов, потом пятнадцать, потом двадцать, и так до девяноста, а озенбашец требует сто.

Наконец Большой Карман предложил девяносто девять. Но Ахмет-Ахай требовал сто. В то мгновение, когда бедняк во сне все это видел, наступила полночь и белый петух по обыкновению громко закричал. Крик петуха разбудил человека. Тот открывает глаза и видит — это был лишь прекрасный сон. Тогда он поспешно закрывает глаза и, протянув руку Большому Карману, говорит:

— Ну ладно, аллах с тобою, давай девяносто девять, и пусть будет кончено.

Но увы, чудный сон не повторился.

Когда Ахмет-Ахай вторично открыл глаза, ночь кончалась. При чуть открывающемся рассвете он заметил, что ночью, не видя хорошо дороги, он попал на незнакомый путь, неправильно свернув на перекрестке.

Тогда озенбашец кричит на петуха:

— Ты, пезевек, не мог меня разбудить, когда я сворачивал на неправильную дорогу? Горе мне. Из-за твоей слепоты я теперь опоздаю на базар.

Немного успокоившись, Ахмет-Ахай сказал:

— Ну, хорошо, из-за тебя я заплутался, теперь выводил.

Он думал: если петух может знать время, почему бы ему не указывать и место.

С этими мыслями он выпустил петуха из клетки, привязал к нему веревочку, взял прутик и стал его подхлестывать:

— А ну, петушок, покажи правильную дорожку.

Бьется петух в воздухе, а с места не трогается.

Стал свистеть Ахмет-Ахай:

— Гей, хараман, гей, хараман. Хаш-ха. Орч. Р-р-р! Петух ни с места. Тогда Ахмет говорит:

— Я понимаю, конечно, трудно таскать кодолак. Давай перепрягу тебя в маленькую тележку. Тогда повезешь?

Петух молчит. Ахмет-Ахай думает — молчит, значит, согласен. И тут же спускает петуха на землю. Высыпает он уголь из рогожи и делает из нее подобие маленькой арбы. Запрягает петушка и говорит:

— Ну, вези, дорогой, и пусть мудрость головы твоей откроет нам спрятавшуюся дорогу.

Петушок ни с места, только кричит: «Ко-ко-ри-кок» — как будто зовет курочку.

Тогда хозяин говорит:

— А-а, я тебя понимаю! Тебе хочется со своей женой быть рядом.

Запряг рядом с черным от угля петушком курочку и стал обоим свистеть:

— Айда! Чуфт! Фьюю!

Петух и курочка ни с места. Он стал их погонять, громко, как волов:

— Гей, хараман! гей, хараман! Хаш-ха! Орч! Р-р-р!

Вкусны на софре петушок и курочка, но здесь ни с места. Тогда Ахмет-Ахай стал их обоих подхлестывать кнутом. Хороши крылья и петушка и курочки, но здесь ни с места.

— В чем же дело? Вы поссорились и не хотите стоять рядом? Как нехорошо.

Стал Ахмет-Ахай на колени перед птицами и умоляет:

— Ладно, ладно, довольно вам ссориться, давайте я вас помирю. Что, что? Не желаете? Тогда я вас на развод к мулле поведу.

Теперь уже совсем рассвело, и Ахмет-Ахай видит, как петушок рванул рогожную тележку в одну сторону дороги, курочка в другую. Петушка он едва схватил, а курочка вырвалась и скрылась в лесу.

Кричит фухаре-адам, бедный человек, на петуха:

— И ты хочешь удрать? Не убежишь! Ты полночь в темноте узнаешь, а дорогу при свете не можешь найти.

И, очень рассердившись на петуха, Ахмет-Ахай не поволок его на базар, куда тащат петухов, и не продал его на базаре, как продают петухов, и не был тот петух зарезан и съеден, как бывает зарезан и съеден петух. Разъяренный Ахмет-Ахай с такой силой ударил петуха, что сразу оглушил его, и петух упал мертвым на рассыпанный уголь.

И зарыдал Ахмет-Ахай:

— Где ты, мой белый петух, красноголовый, большеносый? Твой громкий голос был подобен трещетке, и он играл, как оркестр. Голова твоя похожа была на султанский тач, на домашнюю шапку султана. Живот твой подобен был бочке. Нос твой светил, как свечка, и его не могла затмить даже луна.

Вернувшись домой с пустой двухколеской, Ахмет-Ахай ни слова не сказал жене. Свой старый черный кольмек изервал на тонкие полоски и повесил на шею молодым петухам.

— Что делаешь?—спрашивает жена.

— Что делаю, не видишь разве? Я в трауре.

— Что за траур? По ком?—спросила она.

— От засохших роз остается прах,—сказал Ахмет-Ахай.—Его развеивает ветер.

— Что ты говоришь? Я не пойму тебя,—сказала жена.

— Печаль всегда черна,—сказал муж.—Эти трое стали круглыми сиротами. Прекрасный их отец, белый петух, скончался и почернел, как уголь. Прекрасная их мать убежала. Пусть же эти несчастные дети носят вечный траур по родителям.

И рассказал ей историю с петухом.

— А что стало с нашей курочкой? — спросила жена.

И Ахмет-Ахай рассказал:

— Когда курочка сошла с дороги и очутилась в лесу, какой-то жулик под видом лисы подвернулся хохлатке и сказал ей:

— Не пойдешь ли со мной поклониться Черному камню небесного нашего господина? Я иду туда и хорошо знаю дорогу. Ради святых Иссы и Муссы будь моей спутницей.

И курица сказала:

— Охотно я буду твоей спутницей, мудрый лис. Пойдем вместе, будем вести умные разговоры дорогой, авось и я поумнею.

Отправились.

Сколько времени они шли—неизвестно, и Тильки все рассказывал курочке разные истории.

Так они шли, пока Тильки не сказал:

— Подожди немного, дорогая спутница, я очень устал и нуждаюсь в отдыхе.

Где они сели отдыхать, проживал один имам—ведь без муллы не бывает ни одной сказки. С ним лис был хорошо знаком. На арабском языке, которого курочка не понимала, лис сказал имаму:

— Я могу сейчас поужинать курицей. А что вы будете кушать, дорогой мулла?

Имам говорит:

— Не знаю, что я буду кушать, но полагаю, если эту курицу ведешь ты к Черному камню—большой грех ее кушать.

И в подтверждение этого мулла прочитал лису несколько сур из корана.

Тильки сперва как будто согласился с имамом, а потом подумал и говорит ему все на том же арабском языке, чтобы курица не понимала:

— Если хождение мое к Каабе—богоугодное дело, мне нужно сделать себя сильным для этого хождения. Что я на двух ногах пойду, и петух пойдет рядом со мною на двух ногах, что я на четырех ногах пойду с петухом внутри,—властителю нашему, аллаху единственному и великому, не все ли равно то будет?

Мулла-эфенди был тоже хитрый, и где те весы, на которых можно было бы взвесить хитрость этих двух бестий—лисы и муллы? Тут он шепнул на ухо, по-татарски, курочке, о чем помышляет лис.

Услышав это, курочка наша с укоризной сказала Тильки:

— Разве бывает такой товарищ, чтобы друга своего он съел перед сном? Мне не нужна теперь ни Кааба твоя, ни дорога твоя, ни ты сам. Можешь дальше сам продолжать свой одинокий путь.

Говорит лис курочке:

— Пойми, я не для своего удовольствия должен тебя скушать. Мой труд—священный подвиг. На четырех ногах, с тобою внутри, не так уж легко будет мне добираться до святого места. Я понесу тебя к вратам вечного блаженства, о курица!

Услышав это, мулла сказал:

— Свидетельствую священной истиной небес, что в словах твоих грех.

— Об этом не сокрушайся, служитель бога,—сказала лиса,—и ты не будешь лишен своей части.

Бросились мулла и лис на курочку и даже перышка нам не оставили.

Так рассказывал Ахмет-Ахай своей жене о погибшей курице, и долго плакала бедная жена.

А Ахмет-Ахай все утешал ее и вспоминал эту сказку с начала и начинал эту сказку так:

— В мире много зла, и нет числа обидам. Но как ни бедна ты, жена моя, знай—найдутся женщины тебя победнее. Пусть много раз так не бывало, но случилось ведь однажды, что и муж твой погубил седого петуха. Что бы теперь стала делать его жена одна? Поэтому я и говорю: она погибла, когда должна была погибнуть, и печальный наш масал во-время закончился о ней.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ПОЙМАЛ В ЛЕСУ ШУБУ

И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

Пошел однажды бедняк Ахмет-Ахай в лес за дровами и нашел спящего зайца. Он открыл свой мешок и пугнул зайца так, что тот спросонья прыгнул прямо в него.

Принес Ахмет-Ахай мешок с зайцем домой и приказал жене не трогать. О содержимом мешка он ничего ей не сказал.

Потом удачливый охотник поднялся на крышу и голосом теляла объявил:

— Все сюда! Все ко мне! Я нашел в лесу удивительную шубу.

А жена Ахмет-Ахая, заинтересовавшись тем, что именно лежит в мешке, развязала его.

Заяц выскочил и тут же удрал в лес. Айшешерфе испугалась и на место зайца положила в мешок старое джушпе Ахмет-Ахая.

Когда у сакли бедняка собралось множество народа, он вошел в дом, взял мешок и вышел с ним на улицу. Потом велел тесно окружить его со всех сторон, а сам стал развязывать мешок.

Развязал, и что же? Нет чудесной живой шубы.

Ахмет-Ахай не растерялся. Вынимает из мешка свое старое джуппе и восклицает:

— Ну, посмотрите же, какой чудесный у меня мешок! Настоящий мешок бедняка. Он не любит, он презирает богатство. Я положил в него пушистую новую шубу, и вот вы теперь можете проверить—на ней ровно шестнадцать больших и ровно восемнадцать малых дыр.

Это рассмешило собравшихся, и Ахмет-Ахаю сказали:

— Известно ли тебе, дорогой наш весельчак, что такой-то мурза справляет сегодня свадьбу? Пойди к нему, и он угостит тебя чудесными кушаньями, а ты позабавишь его богатством своей новой дырявой шубы.

Ахмет-Ахай послушался доброго совета, тотчас же нарядился в свое рваное джуппе и вместе с другими гостями отправился к дому мурзы.

Слуги именитого хозяина усадили богатых гостей на почетные места и выставили перед ними пятнадцать—сорок восемь блюд. Ахмет-Ахая же, как бедного человека, усадили на последнем месте, у ворот, и поставили перед ним все то, что повару не удалось, что было плохо приготовлено.

И пришла Ахмет-Ахаю удачная мысль. Он отправился к слуге бога и говорит ему:

— Эфенди, дай мне на одну ночь свою праздничную шубу. Ты уже лег спать, до утра тебе ее не надевать. Да и праздник не скоро. За это я подарю тебе мешок айвы. А шубу к утру верну.

Мулла согласился.

Ахмет-Ахай оставил у него свое рваное джуппе, а сам, облачившись в шубу имама, вернулся на свадьбу.

Теперь уже перед Ахмет-Ахаем раскрылись все двери. Встретили его приветливо, посадили на самое почетное место и поставили перед ним лучшие блюда с наилучшими кушаньями.

А Ахмет-Ахай вытащил свои руки из рукавов шубы и стал кидать в эти рукава все, что было на столе.

Он кидает и приговаривает:

— Кушай, почтеннейшая, кушай, многоуважаемая, многочтимая, прекрасная!

— Что ты делаешь, гость?—удивился хозяин и все, кто были на свадьбе.

— Что делаю? Разве не видите? Я угощаю шубу. Ведь почет оказывают не мне, а ей. Так пусть же она и наедается досыта.

Не дожидаясь, пока будут расходиться гости, Ахмет-Ахай покинул свадьбу и пошел домой. Стучится-стучится, жена его открывает дверь, но не узнает Ахмет-Ахая в шубе муллы.

— Ты зачем стучишься ночью в дом чужой, мулла?—сказала женщина и захлопнула перед носом мужа дверь.

Всю ночь ходил Ахмет-Ахай на сильном морозе и думал о том, как попасть домой. Ничего не придумал. А когда рассвело, он пробрался в свой сад, набрал мешок айвы, отнес к мулле, отдал шубу и надел свое рваное джуппе. Теперь Айшешерфе, как только открыла дверь, сразу узнала Ахмет-Ахая и ласково приняла его.

Согревшись после морозной ночи, Ахмет-Ахай говорит жене:

— Дорогая моя, незаменимая! Хотя теперь уже в лучах твоей ласки и растаяла стужа, но мне необходимо, чтобы ты всегда меня узнавала. Почему и прошу тебя—не привесишь ли к моим бокам что-нибудь отличительное, чтобы всегда могла узнавать меня, и не превращалось бы тепло судьбы моей в мороз.

Жена, любившая Ахмет-Ахая, говорит:

— Правильное чувство подсказало тебе правильную мысль. Давай сейчас же найдем что-нибудь.

И после этих слов жена Ахмет-Ахая берет среднего размера тыкву, делает в ней отверстие, протягивает веревочку и вешает мужу через плечи. И теперь в таком виде наш друг ходит по Озенбашу.

Однажды Ахмет-Ахай отправился на озенбашский базар, и как же он удивился, когда заметил, что подобных отличий, как то, что на нем, на базаре продается многое множество.

Он испугался—теперь каждый может отметить себя,

подобно ему, и Айшешерфе может, чего доброго, каждого принять за него, Ахмет-Ахая.

Тогда он купил все продававшиеся на базаре тыквы. Девяносто девять штук он положил в подвал и запер большим замком. А с сотовой, висящей у него на боку, и с большим ключом в кармане отправился из Озенбаша по дороге, ведущей в Ак-Мечеть, уверенный, что теперь жена ни с кем его не спугает.

По дороге встречается ему одна арба. Ее везут два задумчивых вола. Единственным грузом этой мажары был какой-то гарби-назири. Положив рядом с собой военную одежду с доспехами, он сладко спал на арбе под синим куполом неба.

У Ахмет-Ахая глаза тоже смыкались. Следуя примеру гарби-назири, снял он с себя одежду с тыквой, положил ее рядом с одеждой аги и улегся спать на той же мажаре. И так они спали некоторое время—Ахмет-Ахай и гарби-назири.

А когда гарби-назири встал, он спросонья надел одежду Ахмет-Ахая, и тыква оказалась у него на боку. В этой одежде он и ушел. Ахмет-Ахаю же, когда он проснулся, осталось надеть военную одежду гарби-назири.

Когда Ахмет-Ахай пришел в Ак-Мечеть, каждый прохожий отдает ему воинский селям. Ахмет-Ахай почувствовал себя очень важным. Захотелось ему найти зеркало и посмотреть на себя.

Вложил руку в карман. Вот удача! В кармане зеркальце. Посмотрел на себя озенбашец и не узнает.

— А где же я?

И пошел себя искать. Ищет-ищет—нет Ахмет-Ахая. По улицам идет—нет. На базар пошел—и там нет. Чтобы скорей найти себя, пока еще не совсем потерялся, побежал Ахмет-Ахай из Ак-Мечети в свой Озенбаш.

Приходит в Озенбаш—здесь тоже ему все честь отдают. Никто не признал в нем Ахмет-Ахая. Все думали—это военный ага.

— И здесь меня нет,—волнуется потерявший себя.—

И в Озенбаше я себя не вижу. Где же я?

В последней надежде найти себя, побежал он домой. Стучится—его не впускают.

— Жена, открой, это я, Ахмет-Ахай, муж твой.

— Ты зачем стучишься в дом чужой? Уходи.

Несчастный смотрит в дверную щель. И что же он видит? Гарби-назири с тыквой на боку беседует с его женой.

Схватился за голову Ахмет-Ахай:

— Женской клятве разве можно верить? В огне сгорит, кто ей будет верить. В пекле пропадет, кто ей будет верить. В пепел превратится, кто ей будет верить. В море потонет тот, кто ей будет верить. Прахом станет тот, кто ей будет верить. Ветер развеет того, кто ей будет верить. Но хорошо, что ключ от подвала у меня в кармане, там у меня заперты еще девяносто девять тыкв.

И после этих горячих слов Ахмет-Ахай идет к подвалу, отпирает дверь и берет еще одну тыкву. Он продырявливает ее кинжалом гарби-назири, продергивает через нее веревочку и подвешивает себе на шею. Все остальные тыквы, девяносто восемь числом, он переносит на крышу своего дома и из всей груды тыкву за тыквой берет и бросает через дымоход оджаха к себе в дом. Испуганные этим страшным тыквенным градом, гарби-назири и Айшешерфе выбегают на улицу. Что такое? Что случилось? Откуда такой град? Смотрят в небо, смотрят на крышу. А Ахмет-Ахай тут спускается к ним в военном наряде, с тыквой на боку.

Жена удивляется: и у этого тыква! Кто же из них Ахмет-Ахай?

Но муж ее не удивляется, хватается гостя и кричит:

— Как ты сюда попал? А? И как, скажи мне, могли на тебе очутиться мое джуппе и моя тыква?

— А как,—скажи, ради великого аллаха,—на тебе очутилась моя военная одежда и почему на ней, скажи, такая же тыква, как на мне?

— Ты рассказывай, я буду слушать.

— Нет, ты рассказывай, я буду слушать.

— Рассказывайте оба,—сказала Айшешерфе.—Я буду слушать.

И стали они рассказывать, и долго длились их рассказы, и каждый рассказал все с начала.

И Ахмет-Ахай рассказал, как он поймал в лесу новое джуппе и как оно в его мешке стало старым, дырявым, как он на свадьбе угощал шубу муллы и как потом не впустила его жена, и как он мерз на улице целую ночь, и как наутро

вошел он в дом, и как советовался с женой, и какую примету она выбрала, чтобы не спутать его с другими, и как он с тыквой на боку очутился на большой дороге, и как увидел двух задумчивых волов, а за ними и мажару, на которой спал человек, и как он лег рядом с этим человеком, а проснувшись, уже не мог найти себя.

И гарби-назири рассказал:

— Когда глаза мои вновь раскрылись и, вернувшись, по милости аллаха, из мира сновидений, увидели этот мир, я быстро оделся, пошел и, только придя в Ак-Мечеть, заметил, что моя блестящая одежда превратилась в истлевшее от времени джуппе, что на плече моем вместо отлично начищенного ружья висит вот эта недоспелая тыква, и что я—не я. Эйвах! И побежал я искать себя. И прибежал на базар, и обступили меня со всех сторон с криками: «Ахмет-Ахай из Озенбаша пришел! Ахмет-Ахай из Озенбаша пришел!» И поспешил я в Озенбаш. И когда пробежал мимо этого дома, схватила меня эта женщина и ввела меня в дом, и не выпускала меня до тех пор, пока какой-то джин или джинджи не выгнал нас из него целым градом тыкв, чуть не убивших меня.

И сказал тогда Ахмет-Ахай:

— Их у меня в доме девяносто восемь. Девяносто девятая идет туда же.—Снял с плеча тыкву и бросил ее через открытую дверь в дом.—Теперь у меня девяносто девять тыкв на месте, и мне нужна сотая для полного счета. Она у тебя, гость, на боку. Получай свою блестящую одежду с двенадцатью ховалами и со всем набором твоих огнестрельных инструментов, а мне отдай мою сотую тыкву и джуппе мое, которое на тебе, со всеми восемнадцатью большими и шестнадцатью малыми дырками.

Они обменялись одеждой. И гарби-назири, сказав себе: «Шагом марш!», отправился.

А Ахмет-Ахай, приказав своей дорогой Айшешерфе перетащить в подвал девяносто восемь целых тыкв, сам взял те две, в которые были продеты веревочки, и пошел за женой.

Когда Айшешерфе закончила укладку девяноста восьми целых тыкв в подвале, отыскавший себя, наконец, бессмертный человек положил на грудку тыкв свои две и сказал:

— Ты, тыква,—глупость моя! А ты, тыква,—легковерие жены моей! Довольно глупости гулять по свету и легковерию нарушать покой очага! Покойтесь отныне в темноте и сырости, да не увидите больше солнечного сияния, пока не поставит вас Айшешерфе, жена моя, в оджах на огонь! Подвал заперт.

Сказка кончена.

КАК ССОРИЛСЯ АХМЕТ-АХАЙ С ЖЕНОЙ

акова сказка: пока не ищешь ее, много находишь, а не слушаешь. Слушать захотел, ищешь—сказка не находится.

Однажды Ахмет-Ахай остался без копейки и хотел не сказку слушать, а хотел кушать. Пришел он в кофейню и говорит:

— О, видевшие меня при жизни люди, слушайте! Я с голоду умер, и надо меня хоронить. Похороны мои должны стоить столько-то. Дайте же мне из этого десятую часть в задаток.

Ну, Ахмет-Ахаю дали покушать, и тогда он отложил еще на день свои похороны.

Назавтра у Ахмет-Ахая в животе опять бегали кошки.

А в кофейне озенбашской для тех, у кого в кармане деньги играют, жарился кебаб, варилась макарна, выпекалась баклава, и сто тысяч запахов, приятных и дразнящих, шли в нос к Ахмет-Ахаю.

Бедный деньгами Ахмет-Ахай умом всегда богат был. Вот что он придумал:

— Жена моя,—сказал он своей Айшешерфе,—я возьму хорошую палку и погонюсь за тобой, а ты кричи погромче, удирай от меня. Забеги прямо в кофейню и ищи спасения среди тех, кто там пирует. А что будет дальше, ты сама увидишь, когда сядешь за кофейную софру, которую кефеджи поставил для богатых.

Так и сделали. Ахмет-Ахай взял толстую кизилловую палку и погнался за женой по улицам Озенбаша, а она с криком «хара-хул» вбежала прямо в кофейню. За нею следом туда же разъяренный, как лев и тигр, муж ее Ахмет-Ахай.

— Ай-ай! Спасите! Спасите! Он убьет меня,—кричит Айшешерфе.

Услышав крик жены Ахмет-Ахая, богатый Хоншу-бей вскочил со своей трапезной софры и закричал:

— Ради аллаха небесного великого, что с вами?

Ахмет-Ахай, не отвечая бею, кричит на жену:

— Не будешь меня слушаться, так я сейчас тебя при всех...

И замахнулся на Айшешерфе кизилловой палкой через голову Хоншу-бея.

Испуганный богач, которого палка Ахмет-Ахая чуть было не огрела по голове, упавшим голосом Ахмет-Ахаю сказал:

— Вай, вай, алла! Как вы разгневаны. Умоляю вас, отдохните немного. Ноги, пожалуйста, подожмите и со мною садитесь к софре.

Ахмет-Ахай и его жена много просить себя не заставили и уселись за софру богача. Тут подали бею большое медное блюдо, из которого валил ароматный душистый пар кебаба, зажаренного с перцем, луком и петрушкой. При виде этого Ахмет-Ахай зарычал от голода.

Хоншу-бей спрашивает Ахмет-Ахая:

— Перед лицом аллаха сокровенного и Мухамеда единственного скажи мне, почему волнуешься так и все еще точишь зубы на сидящую напротив тебя женщину, которая является твоей женой?

Ахмет-Ахай не так внимательно слушает Хоншу-бея, как внимательно смотрит на медное блюдо, дымящееся горячим кебабом, и, не прекращая рычания, говорит женщине, против него сидящей:

— Если бы я тебя поймал по дороге сюда, схватил бы я тебя за волосы и по земле волок бы тебя вот так...

И, схватив обеими руками медное круглое блюдо с кебабом, протащил его Ахмет-Ахай через весь стол к себе.

— ...И поймав тебя за голову твою, тебя схватил бы я вот так... и покрутил бы тебя вот так...

И повернул к себе блюдо так, что самый жирный кусок пришелся против него.

Придя домой после сытного ужина, наш мудрец сказал своей жене:

— Не думаешь ли ты, дорогая Айшешерфе, что если бы все супружеские споры были похожи на этот супружеский спор, они бы все заканчивались хорошим ужином?

ЛУНА, КОФЕЙНЯ И

СЛИВОВОЕ ДЕРЕВО

Однажды в зимнюю полнолунную ночь Ахмет-Ахай скитался голодный по родному Озенбашу. Бедняку было не до любования небесной свечью. Заунывными стихами воспевал он мудрость дел господних, кои воздвигли в мире непроходимые преграды между счастьем и бедой.

Когда Ахмет-Ахай поравнялся с кофейней, до поздней его дошел запах бараньего жира. У бедняги слюна потекла. И он зашел в кофейню.

Видит, три озенбашских кесе играют в кости и на оджахе в большом казане жарится прекрасная каурма.

— Вот и Ахмет-Ахай пришел!—весело заметили игравшие в кости.—Сейчас мы тебя, дружок, и угостим прекрасным жиром на помидорном соку. Только один спор, по-старому сказать—эришмек, держать с тобой будем. Ты здесь в кофейне разденешься и совершенно голый один круг по всему Озенбашу сделаешь. Потом, когда круг этот бежать кончишь, подынешься на самый верх минарета и постоишь там сколько-то времени. Если так сделаешь, мы будем тебя кормить до утра. А если этого сделать не сумеешь, в этой кофейне ты нашим бесплатным поваром и бесплатным слугой будешь и нас кормить досыта будешь.

Ахмет-Ахай согласился держать такой спор с безборо-

дыми богачами, тут же в кофейне разделся и совершенно голый пустился по морозу бежать кругом Озенбаша. Закончив круг, Ахмет-Ахай поднялся на минарет и там простоял сколько-то времени и затем победителем вернулся в кофейню. Но безбородые сказали:

— То, что ты голый обежал вокруг Озенбаша, это верно. Что стоял сколько-то времени на минарете, тоже верно. Но верно ли, что ты ничем свое тело не согревал, пока делал круг, и в особенности, пока стоял на минарете?

— Конечно, верно;—говорит Ахмет-Ахай,—ведь огня при мне не было.

— Так ли это? Ночь сегодня лунная?

— Лунная.

— Ну, значит, когда бегал,—хотел, не хотел, а грелся от луны. И когда стоял на минарете, ты тем более от луны тепло получал, и, значит, спор ты проиграл.

Ничего Ахмет-Ахай на это не ответил и в тот же час приступил к обязанностям кофейного повара и слуги.

— Прекрасным эрикляэтом—мясом вареным со сливами—я вас угощу,—сказал Ахмет-Ахай,—и приготовлю его быстро, а вы пока поиграете в кости.

А было это в уразу, и то, что вкушали безбородые, было их темчитом—ночной пищей. Богачи, по законам дынь-исляма, весь день до появления звезд на небе ничего не ели и ждали кушанья. Они знали, что Ахмет-Ахай хороший повар, и у них играли зубы от нетерпения.

Что же сделал уважаемый наш Ахмет-Ахай? Он повесил казан, полный мяса, на ветку сливового дерева во дворе кофейни и, ничем себя не беспокоя, забрался высоко на дерево.

А безбородые все ждут и ждут его, играют в кости и курят. Сыграли уже сорок раз, накурили целый джеенем дыму, и стоит он в кофейне, как туман на яйле,—ждут, пока сварится этот кисловатый вкусный эрикляэ. А эрикляэта все нет и нет. Все нет и нет. Что за загадка?

Посмотрели внимательнее и видят—оджах с огнем в одном конце кофейного двора, а казан с мясом в другом конце—на дереве.

— Что ты делаешь, Ахмет-Ахай?

— Разве не видите? Варю для вас эрикляэ, мясо со сливами.

Богачи посмотрели—мясо в котле, сливы на дереве, а огонь далеко.

Они удивились:

— Разве на огне, столь отдаленном от котла, может свариться мясо, да еще со сливами, висящими так высоко на дереве?

— А разве от такого отдаленного огня, как луна, человек может согреться на морозе, когда от оджаха до этого котла сорока шагов и то не будет, а от земли до луны четыреста миллионов тысяч шагов считать, и то мало будет. И разве мог я согреться наверху вашей холодной мечети, когда горячий мой огонь находится в моем овечьем коше на высокой яйле?

Богачи признали себя побежденными. Теперь они знали, что Ахмет-Ахай не только шаир, но и звездочет.

Они кормили его до утра.

УБЕГАЮЩИЙ ДОЛГ

Ахмет-Ахай был должен озенбашскому лабазнику сколько-то денег, и лабазник уже стал бегать за своим должником. Однажды он увидел Ахмет-Ахая и погнался за ним. Должник вбежал в дом и закрыл за собой дверь. А на балкон вышла жена Ахмет-Ахая и говорит лабазнику:

— Хозяина дома нет—он поехал в лес.

— В тот раз он уезжал в лес, на этот раз он опять в лесу. Что он там делает?

— Рубит колья. Дом будет окружать густым заграждением. Большим стадом когда возле дома нашего соберутся заимодавцы, у изгороди тереться когда будут, часть шерсти с них останется у нас. Из этой шерсти я свяжу чулки, Ахмет их продаст и уплатит долг.

Лабазник все же поймал Ахмет-Ахая.

- Как тебе не стыдно, долг не отдаешь и еще убегаешь.
- Сколько я тебе должен?
- Сто золотых копеек.
- А если я тебе через два дня отдам девяносто девять с половиной, сколько я тебе буду должен?
- Полкопейки, один грош.
- Так из-за гроша ты поднимаешь такой шум,—сказал Ахмет-Ахай,—не стыдно ли тебе?

ГОЛОД И МЕШОК

Однажды Ахмет-Ахай из Озенбаша в Ахияр пришел. «Где бы раздобыть чего покушать?»—думает Ахмет-Ахай. Пошел по базару.

Сколько ни ходил, из своей деревни никого не нашел. Только в самый последний час, когда силы стали покидать его, он увидел на бурунчуке у моря знакомого из Озенбаша. Разложив на земле килим у мешка, полного печеных яиц, сидел его богатый сосед, белобородый святой мулла.

Ахмет-Ахай подошел к мулле, отдал ему селям и присел с ним рядом на коврике.

— Ты давно, Ахмет-Ахай, из Озенбаша?—спрашивает сосед и вкладывает в рот полайца.

— Совсем недавно,—отвечает Ахмет-Ахай и глотает слюну.

— А как поживает мой милый пес, ты видел?—спрашивает мулла и, доедая яичко, уже надбивает другое о круглый камень у ног.

— Он сторожит, имам, твое хозяйство хорошо,—ответил ему Ахмет-Ахай, а у самого в животе кишки сжимаются.

— А любезный сердцу моему верблюд как поживает?—спрашивает мулла-эфенди, натирая корку хлеба чесноком.

— О,—говорит Ахмет-Ахай,—он жует... я хотел сказать—живет очень, очень хорошо.

— А как поживают жены мои—Рабье, Хатыге и Хатыме?

— Не беспокойтесь, мулла, и курабье, и катыку, и катламе... нет, нет... я хотел сказать—и Рабье, и Хатыге, и Хатыме... жуют.. нет, нет.. живут очень хорошо.

— А сын мой Чора?—спрашивает дальше мулла и не подумает даже угостить Ахмет-Ахая хоть чем-нибудь из своего неистощимого мешка.

— Сын твой шорба... нет, нет... я хотел сказать—Чора... живет хорошо.

Скупой сосед, выслушав все эти добрые вести, поблагодарил бедного человека и, вознося аллаху послеобеденную «бисмилию», стал завязывать свой мешок, а подбежавшей собаке бросил корку хлеба. Затем он встал, мешок на левое плечо взял и уже направился куда ему было нужно.

Ахмет-Ахай видит, что все его любезные разговоры не дали ему даже чесночной шелухи.

— Постой, постой, добрый мой соседушка. Этот базарный пес напомнил мне... о бывшей твоей собаке...

Мулла-эфенди остановился.

— Ты говоришь—«бывшей» моей собаке? Разве ее у меня сейчас нет?

Ахмет-Ахай:

— Ну, конечно. Если рассказать вам, что случилось, так ведь случилось то, что случилось, и не иначе, как по воле аллаха случилось.

— Говори скорее, что произошло с моей собакой?

— Она, шорбаджи, объелась потрохами верблюда вашего и изволила аллаху душу вернуть...

— Что говоришь ты? А как она могла добраться до потрохов моего верблюда? Разве верблюда зарезали?

— Да, многомудрый служитель неба, иных не было средств для покрытия расходов по похоронам сына вашего Чоры!

— Как, мой сын Чора умер?—и голова муллы поникла.

— Да, он расстроился из-за гибели матери своей.

— Как, моя жена Хатыге погибла?

— Да, она подралась с Хатыме, и тут вмешалась Рабье, и они порезали друг друга.

— Что ты говоришь,—горестно воскликнул скупой мулла и схватился свободной рукою за голову,—что ты говоришь?

— Да, они погибли, когда с огнем бросались друг на друга и деревянные стены загорелись. Пламя уничтожило все.

Услышав такие печальные слова, богач мулла схватился за голову другой рукой, и мешок с едой упал на землю. Только теперь смог закусить на берегу морском голодный наш Ахмет-Ахай.

КАК АХМЕТ-АХАЙ ИСКАЛ СВОЮ БЕДУ

Однажды Ахмет-Ахай на свою жену очень рассердился, а причины для этого не было. Когда успокоился, он сказал себе:

— Без причины на свете ничего не бывает. На меня напал гнев, вот беда, а где ее источник? Надо найти его.

И пошел в кофейню.

— Не знает ли кто из вас, где моя беда?—спрашивает присутствующих.

Ему отвечают:

— Ой, жаль, ты немного опоздал, чуть бы пораньше пришел, здесь бы ее в кофейне увидел. Но вот уже сколько-то времени прошло, как она ушла.

— Ушла?—сказал Ахмет-Ахай.—А по какой дороге?

— Она пошла к морю, через вот эти горы.

Ахмет-Ахай тут же выскочил из кофейни и пошел по указанной дороге догонять свою беду.

Встречается ему путник.

— Куда идешь?—спрашивает шутник земли крымской.

— Как и все люди, я иду искать счастья. А ты куда?

— От чего убегаешь, я к тому иду. Причину гнева моего ищю. Несчастье я свое хочу найти,—сказал Ахмет-Ахай.

Ийти бы им в разные стороны, но сговорились пойти вместе и вышли к морю.

День был жаркий, море очень приятное.

— Давай,—говорит искатель бед,—купаться.

Разделись и бросились в воду.

Ахмет-Ахай поплыл далеко. А искатель счастья быстро вышел из воды, оделся, всю одежду Ахмет-Ахая забрал и убежал с ней.

Озенбашец вышел из воды, смотрит—одежды его нет, и он стоит под небом голый, словно только что рожденный.

— Вот она, беда моя,—сказал Ахмет-Ахай,—наконец-то и я нашел свое горе.

До самого вечера Ахмет-Ахай сидел в воде, а когда стемнело, он осторожно пробрался берегом, было темно, и его никто не видел.

Идет он голый в темноте, ищет места, куда бы спрятаться. Подходит к освещенному богатому дому. За окном слышен звон посуды—приготовление к пирушке идет в этом доме. Доносится запах жареного барашка и треск сала в казане, где наливаются жиром вкусные, как рай, чебуреки. Ахмет-Ахай видит—двери дома открыты, а хозяйка все выходит и высматривает—кого-то поджидает.

Не замеченный хозяйкой, выбрав удобную минуту, он проскочил в дом и кинулся прямо в судолаб.

Муж этой женщины был в городе, и чебуреки готовила его жена не для него.

Тайного друга дожидалась коварная, и когда любовник появился, она сказала так:

— Ах, как я заждаюсь! Где же ты пропадал так долго? Я уже опасалась—ты совсем не придешь. Я для тебя приготовила чудесные чебуреки. Сало из них так и течет.

И после этих слов женщина уселась рядом со своим гостем, и они стали весело проводить время.

Ахмет-Ахай через маленькое отверстие из судолаба смотрел, что эти двое делают, все видел и думал. Кто знает, о чем думал? Может быть, он в это время думал о том.

что и у него дома в Озенбаше происходит совершенно такая же история.

Не успели еще коварная женщина и ее друг взяться за чебуреки, как раздался стук в двери.

— Муж приехал! — закричала испуганная женщина. — Что делать будем?

Она открыла дверь судолаба и толкнула друга туда, где сидел голый Ахмет-Ахай.

Озенбашец было завизжал, но этот говорит ему:

— Не кричи, не шуми, а то и мне достанется и тебе. Когда выйдем отсюда, разберемся и решим, кому из нас посещать этот дом, кому бросать. — Он думает — Ахмет-Ахай тоже гость у этой женщины.

Когда хозяйка открыла двери и муж ее попал прямо на готовые чебуреки, он уселся пировать, не подозревая, что в его доме находятся двое посторонних. Этот хозяин очень уважал вино и потребовал, чтобы жена ему подала на стол небольшой бочонок.

Когда женщина подавала вино, она рюмочку через голову мужа протягивала своему тайному другу в приоткрытую дверь судолаба. А Ахмет-Ахай ловко подхватывал рюмочку и выливал вино на пол.

Потом Ахмет-Ахай говорит своему соседу:

— Ох, я уже пьян, сейчас буду петь чабанские песни.

— Ой, ой, не надо, — просит сосед, — услышит хозяин — и тебе будет плохо, и мне.

— Раз такое дело, дай мне свой халпах, и я не буду петь чабанские песни.

И опять подает хозяйка рюмочку вина своему любовнику, и опять захватывает ее Ахмет-Ахай, выливает на пол и говорит:

— Ох, я запою сейчас старинную песню «Бей-оглу», она у меня в горле сидит и душит меня.

— Ой-ой, не делай этого, возьми у меня хоть всю одежду мою, только не пей.

И снимает с себя шальвары, кольмек и кушак. Когда Ахмет-Ахай уже надел это все, новую рюмку получает, выливает ее и говорит:

— Ох-ох, мне «Кер-оглу» петь хочется... Мне «Чорабатыр» петь хочется...

...ничего не остается, как бежать...

— Подожди, подожди еще немножко... Я тебя вознагражу, только не пой...

Тайный друг женщины, отдавший сейчас всю свою одежду Ахмет-Ахаю, был не кто иной, как тот искатель счастья, который на берегу моря ограбил Ахмет-Ахая. И теперь искатель бед вместо старой своей рвани надел новый дорогой костюм искателя счастья.

Случилось так, что муж коварной женщины вздумал выйти на двор. Когда встал он и удалился, женщина открыла двери судолаба и шепчет любовнику, чтобы он поскорее бежал из дома. Ахмет-Ахай был одет и побежал, а искатель счастья остался голый в судолабе.

Теперь уже Ахмет-Ахай одет тепло и хорошо, но в животе пусто у него, сильно он проголодался, а на улице ночью что кушать будешь?

Он в этот же дом стучится. Хозяин открывает двери.

— Я знаменитый врач, Лукман-хеким, услышал, что твой дом заболел страшной болезнью, и явился для оказания помощи.

Хозяин ничего не понимает:

— У меня все здоровы,—говорит.

— Ты очень ошибаешься, уважаемый шорбаджи. В доме имеется джин.

— Ах, что вы говорите?—испуганно восклицает хозяин дома.

Лукман-хеким открывает ворота своего красноречья:

— Среди роскошных садов под крутыми горами, у берега моря расположено прекрасное жилище твое, хозяин. Но голый лукавый джин поселился в доме твоём. И вот послушай меня, хозяин,—если ты джина из дома не выгонишь, джин выгонит тебя. Так начнем сейчас же. Хозяйка возьмет лампу и будет мне светить, я возьму метлу и буду выметать углы, а ты возьми самый толстый кизилковый таях и стань возле двери. Когда увидишь джина, бей его.

Так и сделали. Хозяйка взяла лампу и стала светить Ахмету-Ахаю. Светит она ему, а у самой глаза из зеленых стали черными.

Хозяин стоит с палкой у выхода.

Тайному любовнику ничего не остается, как бежать из судолаба. Он пускается со всех ног к двери, а тут хозяин бьет его по спине толстой палкой.

Тут хозяин положил Ахмет-Ахаю под ноги мягкий ковер и угостил его всем, что было в доме.

На место несчастья попало счастье. На место счастья попало несчастье. Искавший горе и лечивший болезни получил звание Лукман-хекима, а гонявшийся за чужим счастьем был избит и изгнан.

КАК АХМЕТ-АХАЙ РАЗОБЛАЧАЛ БАХЧИСАРАЙСКОГО КАДИЯ

I

ем только не занимался Ахмет-Ахай? Как-то пахал он землю и нашел кувшин золота.

«Вот,—думает,—при помощи чего я проверю совесть знаменитого бахчисарайского кадия».

Завернул кувшин в кольмек и оседлал осла.

А жена Ахмет-Ахая знала, что хитрый бахчисарайский кадий обманет простодушного Ахмет-Ахая и отберет у него клад. Ничего ему не говоря, она завернула в мужник кольмек вместо кувшина с золотом такого же размера камень.

Когда приехал балагур в город садов—Бахчисарай, отправился он ко дворцу кадия. У ворот слез с осла, привязал его к коновязи, а сам с кольмеком в руках вошел к кадию.

— Селям-алейкум, кади-эфенди! Я хотел бы при вас ударить этой моей вещью о землю.

— Ну что ж? Посмотрим, чем и как ты будешь ударять,—сказал кадий.

Думал Ахмет-Ахай—как ударит он кувшином об пол, золото рассыпется и кадий кинется собирать его. Каково же было удивление озенбаша, когда из кольмека вместо кувшина с золотом выпал обыкновенный камень.

Но Ахмет-Ахай не растерялся.

— Вот этот камень,—сказал он,—лежал у нас в Озенбаше между двух переулков, но мне неясно, к какому переулку ближе. Вот я его и привез, чтобы ты разрешил мне это меселе.

Кадий подумал, что перед ним сумасшедший, и приказал своим слугам:

— Стащите этого безумца в зиндан и закройте его.

Ахмет-Ахая тут же схватили и поволокли в темницу.

Сидел искатель справедливости в подвале и раздумывал вслух о том, как могло золото на его плече превратиться в камень.

А кадий стал подслушивать, что будет говорить сумасшедший в зиндане. И когда услышал, что Ахмет-Ахай говорит про золотой клад, превратившийся в камень, позвал его из подвала и говорит ему:

— Расскажи, пожалуйста, что у тебя случилось и о чем именно ты раздумывал, сидя в темнице?

Ахмет-Ахай ответил ему:

— Я думал о том, что меня удивило. А удивило меня вот что. Когда я ехал к тебе из Озенбаша, моего места рождения, я думал, что ты, украшение садов, держатель справедливости, строен, как тополь, и вид твой величествен, как минарет, и весь ты сверкаешь, как золото, и источаешь справедливость, как солнце лучи. А что же я увидел? У тебя двойной живот, голова твоя в чалме, как огромный казан. И между этими двумя необтесанными камнями помещается твоя жалкая, чахлая грудь, в которой нет места для сердца. И вот я думаю, как смогла тебя мать родить в таком виде? И скажи мне—можно ли поверить, чтобы чистое золото превратилось в такой грубый булыжник?

Кадий решил, что человек совсем рехнулся, выгнал его, а осла приказал отвести в свой ослятник, где у него стояло еще сорок ослов.

II

Вышел бедный Ахмет-Ахай от кадия и думает: «Был у меня один кувшин золота—отобрал его аллах. Был у меня один-единственный осел—отобрал его кадий».

Думал бедняга, думал и одну хорошую мысль придумал. Из Бахчисарая вышел и пошел к скале «Ай, матушка», где сидели нищие. Обменялся он одеждой с одним из них, взял у него суму и палку, положил за пазуху камень и вышел на дорогу.

Видит—едет один человек с женой верхом на ослице. Когда они поравнялись с ним, он притворился слепым и стал просить их:

— Если можно, возьмите и меня, пожалуйста, с собою.

Хозяин был добрый человек, пожалел слепого. С ослицы слез и посадил его впереди своей жены.

По приезде в город хозяин-муж говорит сидящему на осле Ахмет-Ахаю:

— Мы уже приехали. Теперь можешь сойти на землю.

А притворяющийся слепым говорит:

— Почему я должен со своего осла слезать на землю?

— Что за вздор плетешь? Разве это твоя ослица? Ты еще скажешь, что и эта женщина—твоя жена?

— Конечно, если жена моя, я иначе и говорить не буду.

— Ты в своем уме? Как она может быть твоей женой, если она моя жена?

— С каких пор это ты мою жену стал звать своей? Ты пользуешься тем, что я слепой?

Начался спор. Собрался народ. Что такое? Что произошло?

Муж своей жены говорит людям:

— Слепому я пожалел и уступил ему свое место впереди жены. Теперь он говорит, что и ослица его и жена тоже его.

— Слушайте его поменьше,—закричал Ахмет-Ахай.— Он пользуется тем, что я слепой, хочет у меня отбить и жену, и осла. Люди добрые, заступитесь за меня!

Спорящих направили в шариат к кадию.

Кадий предложил Ахмет-Ахаю говорить первому, и притворщик начал:

— Света белого я не вижу и попросился на осла. Взяли меня наверх, но я, как слепой, этого не заметил.

А рукой хлопает себя по груди, где у него камень,—

это он дает кадию понять, что приготовил для него хороший подарок.

Тут кадий спрашивает хозяина ослицы:

— Ты утверждаешь, что животное, на котором ехал этот слепец, твое. Так ответь же мне: осел это или ослица?

Тот отвечает:

— Ослица.

— А ты, любезный тленджи, аллахом обиженный, что скажешь?—обращается кадий к Ахмет-Ахаю.

— Осел,—отвечает тот, кто притворился слепым.

— Вот мое решение,—говорит тогда кадий.—Тот, кто ехал с женщиной на осле, может взять ее. А осла я поставлю в мой ослятник, где он будет находиться до тех пор, пока не разродится осленком, и тогда ты, называющий себя хозяином ослицы, получишь ее. А если пройдет положенный срок, а осленка не будет, приходи за ним ты, называющий себя хозяином осла.

Человек, проигравший все, что имел, хватается себя за волосы и кричит:

— Что же я наделал, аллах небесный мой! Неужели я потерял разум мой?

И тут Ахмет-Ахай сказал:

— Не плачь, уважаемый хозяин. Жена твоя мне не нужна. И ослица как была твоя, так твоей и останется. Я не слепой с большой дороги, а, как и ты, зрячий. Но ведь и слепой может разглядеть, как бессовестно судит наш многоуважаемый кадий.

После этих слов Ахмет-Ахай вынимает свой камень и говорит кадию:

— Ты забрал моего осла! За что? Почему я должен босыми ногами пешком ходить по острым камням? Мой единственный Салпыхулах почему должен в твоём каменном ослятнике томиться? А эта ослица с осленком или без осленка, единственная у своего хозяина, почему должна в твоём ослятнике быть сорок первой к твоим сорока ослам? Вот этот каменный подарок я приготовил для твоей казаноподобной башки. И если не хочешь, чтобы стукнулся камень о камень и голова твоя осталась целой, выводи Салпыхулаха из ослятника. А если места у тебя в ослятнике так много и твое хозяйское сердце болит, что оно пустует,

стань туда сам на место наших ослов. Ты стоишь не-скольких.

Посадил хозяин свою жену на свою ослицу, сел Ахмет-Ахай на Салпыхулаха, и поехали каждый своей дорогой.

III

Въезжает Ахмет-Ахай на своем Салпыхулахе в Озен-баш, тенистой улицей под густыми деревьями он проезжает и видит—на крыше его сакли сидит озенбашский мулла и смотрит через дымоход в дом. Ахмет-Ахай не удивился. Он знал, что любопытный мулла частенько поглядывает за тем, что делается у него в доме. А теперь этот шельмец, оказывается, разузнал, что бедняга нашел клад в земле, и пожелал хитрец выманить клад у жены Ахмет-Ахая.

А наш мудрец, который думал, что золото его по воле всевышнего превратилось в камень, незаметно для муллы, тихонько подъехал к сакле, слез с осла и, не стукнув дверью, прошел в дом.

— Я сильно озяб,—сказал он своей жене.—Положи мне килим в оджах, чтобы я мог согреться. Зола еще, наверно, теплая.

Женщина положила килим в оджах. Сел Ахмет-Ахай на килим, поджав под себя ноги. Потер он руки над теплой золой и стал рассуждать вслух, обращаясь через открытый дымоход к небу:

— Если бы вдруг аллах или кто из его слуг вздумал мне кинуть сюда через дымоход очага девяносто девять золотых, я бы их швырнул ему обратно ввысь и сказал бы: «Нет, всевышний, если уж кидаешь, кидай ровное число. Кидай сто и ни одним меньше».

Услышал это на крыше сакли мулла озенбашский, очень богатый деньгами, а умом не очень, говорит себе:

— Тут же на месте я докажу, что он большой обманщик. Он говорит, что не возьмет девяноста девяти золотых, а я уверен, что он и девяносто девять возьмет.

И один за одним, девяносто девять золотых бросил мулла через дымоход в дом Ахмет-Ахая. А Ахмет-Ахай под сыплющиеся золотые свой халпах подставил и, пока они сыпались один за другим, считал. И посчитал:

— Девяносто девять. А где же сотая? Ну, ну, бросай, бросай, боже, с тебя приходится еще один! Чего не бросаешь? Ну, ладно, пока уберем эти, а сотая пускай уж будет за тобой. Посчитаю ее тебе за труд.

И положил в карманы своих шаровар девяносто девять золотых.

Стучат в дверь. В чем дело? Кто такой? Мулла-эфенди ломится в дом. Что ему угодно?

— Ахмет-Ахай, дорогой, я с тобой пошутил и тебе через дымоход бросил девяносто девять золотых. Я уверен был в том, что ты честный человек, их не возьмешь. А ты, оказывается, обманщик! Сказал—не возьмешь, а забрал. Почему сделал так, правоверный Ахмет-Ахай?

— Я сделал так потому, что тот, кто дал девяносто девять, и сотой не пожалеет. Но, может, у него больше не было сейчас?

— Ахмет-Ахай, верни мне эти деньги, ведь я с тобою пошутил. Хотел проверить твою мусульманскую честность.

— Ты мне бросал деньги? Что за вздор? Думаешь—я к тебе обращался с молитвой? Или, может, считаешь, что ты сам аллах? Ах-ах, ах! Ты себя считаешь за аллаха! Ха-ха!

— Ахмет-Ахай, куда-нибудь подальше свои шутки кинь, сейчас же мои деньги из кармана вынь. Отдай мне мои девяносто девять золотых. Заберу и в карман свой положу я их.

В конце концов мулла потащил Ахмет-Ахая к кадию. Сам надел теплую шубу, сел на осла, а бедный мудрец идет за ним пешком, дрожит от холода.

В середине дороги Ахмет-Ахай остановился и говорит:

— Дальше не пойду.

— Почему?

— Мне холодно.

Богач-мулла дает Ахмету-Ахаю шубу с плеч своих.

Еще немного продвинулись, он опять остановился.

— Дальше не пойду.

— Почему?

— Я очень устал.

Богач-мулла что будет делать? Ведь надо Ахмет-Ахая как-нибудь довести до кадия.

— Если устал, садись на осла, а я пешком пойду.

Этот поехал, тот пошел.

Пришли к кадию. Сели. Рассказали кадию свое дело.

— Этот безрассудный, — с негодованием сказал Ахмет-Ахай, — еще скажет, что не только золото в моих карманах, но и шуба на моих плечах его.

А мулла закричал вне себя:

— Как же сказать иначе? Конечно, моя! Разве я не снял шубы со своих плеч и не надел на тебя по дороге, когда ты сказал, что холодно тебе и ты к кадию не пойдешь?

Ахмет-Ахай говорит:

— Вот видите, кади-эфенди! Этот безумец еще, чего доброго, вздумает сказать, что и осел, на котором я приехал, тоже его?

Мулла-эфенди волнуется:

— Ну, а как же иначе? Разве я в дороге не слез с осла и не посадил тебя, когда пешком идти не захотел ты?

Ахмет-Ахай говорит:

— Ну, теперь, кади-эфенди, вы отлично видите нрав этого человека. Если он не безумец, то уж, конечно, большой подлец.

Кадий был человек жадный. Приняв Ахмет-Ахая по шубе за муллу и надеясь на щедрое вознаграждение, он решил спор в пользу Ахмет-Ахая. И тогда сильно рассердился на кадия настоящий мулла и, уходя, сказал:

— Ты жизнь мою испортил и с сегодняшнего дня прощай. Не говори мне никогда ни здравствуй, ни доброе утро!

И Ахмет-Ахай после этого справедливого решения вышел к ослу, кувшин подставил и наполнил его горячим ослиным навозом. С этим он пошел в лавку, купил немного меду, покрыл навоз медом толщиной в палец. Этот кувшин со всем, что в нем было, он принес кадию как подарок.

Кадий сейчас же отхлебнул из кувшина, и что же? Он проглотил навоз от осла муллы, которого присудил в пользу Ахмет-Ахая. Он закричал:

— Что ты мне, мулла, принес? Это же медом накрытый навоз.

Ахмет-Ахай сказал:

— А ты разве правосудие навозом не накрыл, когда чужие деньги мне присудил?

Кадий сказал:

— Ты разум мой оголил и глупостью накрыл!

Ахмет-Ахай сказал:

— А ты разве одетого не оголил, когда чужую одежду мне присудил?

Кадий сказал:

— Но ты не только разум мой оголил, но и навозом меня накормил. Кто ты такой, скажи? Уйди и никогда мне не говори ни здравствуй, ни доброе утро!

Отдав кадию прощальный селям, Ахмет-Ахай, в шубе муллы, на осле муллы, с золотом муллы в кармане, приехал в Озенбаш. Он поднялся на минарет, созвал людей и разбросал перед ними по одному, по одному все девятисто девять золотых.

— Вот вам ваш ишюр! Вот вам ваша оплама! Вот вам деньги, которые, как хищный беркут, вырвал у вас мулла! Получайте обратно! Вот вам! Вот вам!

Потом снял с себя Ахмет-Ахай шубу муллы, надел ее на алем минарета и говорит:

— Пусть эта прекрасная теплая шуба греет наш высокий холодный полумесяц. Он всегда на большом ветру и, конечно, сильно зябнет. И если его надо согреть, то чем, как не этой шубой? И потом, пусть знает каждый бедняк: кто имеет нужду идти к кадию, а карман его тощ, может надеть на себя эту святую пышную одежду. Он может быть спокоен: кадий, увидев такое богатство на плечах и надеясь еще на кое-что, обязательно решит спор в пользу того, на ком окажется эта чудодейственная шуба.

Так сказал Ахмет-Ахай и сошел с минарета.

А осла муллы в тот же день отправил в медресе обучать его законам шарията.

IV

Определив осла в медресе в Бахчисарае изучать законы шарията, Ахмет-Ахай вышел на базар и увидел груды помидоров. Один помидор он купил и стал есть, но так как он не резал его ножом, а кусал, то залил себе зубы помидорным соком. Это увидел один базарный бездельник, к озенбашу подошел и спрашивает:

— Ты чем залил свои уста?

Ахмет-Ахай в шутку сказал:

— Кровью.

— Разве это кровь?—сказал басавка.—Вот я тебе сейчас покажу кровь.

И дал Ахмет-Ахаю по лицу с такой силой, что нижняя губа сразу обагрилась кровью.

Обиженный ухватил жулика за рукав и потащил его к кадию. По дороге басавка сказал:

— Я не отказываюсь идти с тобою в суд, только ты слишком медленно плетешься. Я побегу быстрее и буду тебя там ждать.—И пустился со всех ног к помещению, где орудовал кадий.

Прибыв в махкеме к представителю шариата намного раньше, чем Ахмет-Ахай, басавка подарил кадию столько-то денег и рассказал ему, как он ударил Ахмет-Ахая.

— Теперь меня привлекают к шариату,—говорит.— Прошу я вас, судите меня полегче, а если можно, смажьте это дело, чтобы его совсем не было.

Отвечает кадий:

— Раз ни за что и без предупреждения ударил ты его, я непременно должен подвергнуть тебя штрафу в его пользу. От этого освободить я тебя не могу. Но сделать этот штраф очень маленьким и даже совсем не взять с тебя штрафа я могу.

— Как же ты это сделаешь?

— А вот как. Штрафовать тебя я буду двумя копейками. А ты скажешь: «У меня денег с собой нет». И тогда я сердито прикажу тебе: «Иди домой и сейчас же принеси». Ты уйдешь и не вернешься. Обиженный тобою будет ждать, и когда его терпение иссякнет, он тоже уйдет. Ты обойдешься без штрафа, а про меня скажут, что я законно судил.

Когда кадий кончил этот свой разговор с басавкой, в махкеме вошел и Ахмет-Ахай.

Кадий спросил его:

— Зачем явился ты сюда?

Обиженный рассказал, как он купил помидоры, как жулик ни за что ударил его. Ответчик это подтвердил.

Выслушав их обоих, кадий разгневался, открыл священную книгу, посмотрел в нее и громко крикнул базарному бездельнику:

— Раз ни за что, ни про что ты его ударил, плати две копейки штрафа в пользу пострадавшего! Копейку за то, что избил, другую за то, что беспричинно избил. Будешь впредь знать—можно избивать без причины людей или нет.

Тогда приговоренный к уплате штрафа стал рыться в своих карманах и, ничего не найдя в них, говорит:

— При себе денег нет.

— Поди сейчас же домой и принеси!—закричал кадий.

Басавка ушел, а кадий, закрыв судебную книгу, разлегся с удобствами на мягком сидении, закурил кальян, пропускающий дым через воду, и стал пить кофе. А Ахмет-Ахай, избитый и обиженный, все стоит и ждет.

Проходит час, другой, третий, и уже надоело голодному Ахмет-Ахаю ждать и смотреть в потолок. Он видит— пять веков будет ждать—не дождется.

Подошел он к кадию и как даст ему по морде.

— Ты что делаешь?

— Сидите спокойно, кади-эфенди. Удар этот по вашей расценке стоит две копейки. У меня тоже при себе денег нет. Но когда басавка придет, вы то, что вам следует от меня, возьмете с него, подлеца, от которого следует мне. Разве мы не будем квиты?

V

Возвращался как-то Ахмет-Ахай из Бахчисарая в Озенбаш и вышел к большому Слюйренскому дубу. А под этим дубом спал какой-то человек.

Когда Ахмет-Ахай совсем близко подошел к нему, видит—на мягкой траве под деревом развалился знаменитый бахчисарайский кадий.

Ахмет-Ахай уже имел с ним счета и даже в подвале у него когда-то побывал, и даже навозом его как-то накормил, и даже пощечиной как-то угостил. Хочет Ахмет-Ахай еще добавить угощения кадию. Почему бы нет? Для такого почтенного и любезного человека ничего не жаль.

А тот развалился на земле, и головной его убор—красный турецкий далфес, обмотанный голубым сарыком,—с головы скатился. Эту ценность Ахмет-Ахай с земли поднял и надел на свою голову.

Пришел в Озенбаш и объявил себя кадием. Его здесь и раньше уважали, а теперь, когда голова его, украшенная кадиевским далфесом, приняла вид почтеннейший,—тем более стали уважать и пошли к нему многие разбирать свои споры и раздоры.

И он судил, рядил, сказки слушал и сказки рассказывал и развезжал на осле своем. Самозванец кадий!

Тем временем, далеко от Озенбаша, на южном берегу, в Кикинеизе, вот что случилось.

Пристал там к берегу корабль, и вышли из него судоводители и сели на берегу обедать. Пообедав, стали перебрасываться морскими камушками. У берега гуляли сельские куры, и камень одного из корабельщиков попал в одну из кур и убил ее.

Хозяин курицы подал на корабельщиков жалобу в шариат, требуя взыскать с них один миллион рублей на том основании, что эта убитая курица могла бы снести сто яиц, из ста яиц могло бы вылупиться сто кур, каждая из этих кур могла бы снести по сто яиц. В конце концов из этого получилось бы миллион кур, что составило бы миллион рублей.

Чтобы не страдать от горячих солнечных лучей, предстатели южнобережного шариата построили на берегу крытое судилище и заседали в нем тридцать часов подряд.

Тридцать часов шариат копался в этом деле и никак не мог его кончить. Замучились корабельщики. Им нельзя с места сниматься, пока не будет решения. А судьи заперлись в своем прибрежном судилище, жарят кебаб, кушают и думают, думают и кушают. Затомились корабельщики.

Случилось так, что в это время проезжал на своем осле через Кикинеиз знаменитый Ахмет-Ахай из Озенбаша. На голове его красовался далфес с сарыком, и видно было, что это едет кадий. Корабельщики заметили его и говорят сельским людям:

— Если те не могут рассудить, обратимся к этому человеку. На нем кадиевский далфес с сарыком, пусть и рассудит нас.

Сельские люди согласились и попросили Ахмет-Ахая спуститься с верхней дороги к морю.

— Почтенный путник, судебную загадку нам, пожалуйста, тут разгадай. Судьей нашим, пожалуйста, будь.

— В чем у вас тут дело?

— Так и так, такое дело. Эти богоотступники убили нашу одну курицу, из которой мог бы получиться миллион кур, и мы по законам шариата требуем с них миллион рублей—стоимость миллиона кур. Подтверди, уважаемый носитель сарыка, перед этими пожирателями свиного мяса справедливость наших требований и рассуди, правильны ли они.

— Хорошо,—говорит Ахмет-Ахай,—я разберу этот спорный ваш вопрос и разгадаю эту неразгаданную вашу загадку. Освободите мне шариатское помещение, разведите огонь в его очаге и дайте мне ведро овса, вы, кикинеизские жители. А вы, моряки, дайте мне ведро пшеницы.

Это все было сделано. Тот шариат вышел из прибрежного судилища, а Ахмет-Ахай вошел туда и заперся в этой махкеме и стал варить овес. Покуривает Ахмет-Ахай свой табак, а овес варится долго. Он тут отдохнул, выпался, и осел его повалялся властью на пороге судилища.

Те, которые ждут его решения, уже затомились. Стучатся к нему в махкеме:

— Ты взялся, мудрейший человек, нас рассудить быстро, так рассуди же. Вот уже три часа, как мы ждем твоего решения, а ты, как и тот шариат, батманами измеряешь наше время. Что же делаешь тут?

— Я варю,—говорит,—овес.

— Неужели ты не мог бы его сварить после судебного разбора?

— У меня в вареном овсе большая,—говорит,—нужда.

— Какая?

— Вот вынесу вам судебное решение, тогда и увидите.

Взял Ахмет-Ахай ведро с пшеницей, которое дали ему моряки, и вышел из судилища. Рассыпал пшеницу по земле и стал сзывать кур. Прибежала тысяча кикинеизских кур и в один миг склевала всю рассыпанную пшеницу моряков.

— Что ты делаешь?—спрашивают Ахмет-Ахая кикинеизские жители.

— Не понимаете? Так слушайте. Моряки убили вашу курицу, кикинеизцы! Но ваши куры поклевали пшеницу этих моряков! Сколько стоит живая курица? Бир кумуш—

один рубль! Из одной курицы, говорите вы мне, может получиться тысяча тысяч кур. Миллион кур! Из одного ведра пшеницы, говорю я вам, может получиться тысяча тысяч ведер пшеницы. Миллион ведер пшеницы! Так вот мое решение. Когда вы, кикинеизцы, уплатите корабельщикам за тысячу тысяч ведер невыросшей пшеницы, тогда вы, моряки, уплатите им за тысячу тысяч неродившихся кур. Чего у вас нет, того нет. А что есть, этим пользуйтесь. Я, кадий, сказал, и этим суд закончил. Иншаллах! Во имя бога милостивого и единственного! Но у аллаха есть пророк. А у меня есть осел. Желает и он покушать. Чем его будем кормить? Вареным овсом его будем кормить. Почему вареным? А что мне делать, если мой Салпыхулах любит только вареное? Теперь вы понимаете, почему я так долго сидел в судилище!

И отдал своему ослу ведро вареного овса.

VI

Тем временем бахчисарайский кадий, уже давно проснувшийся под Сюйренским дубом, обнаружил, что он стал гологоловым. Власть ему принадлежала большая, и он разослал по всему Крыму людей найти похитителя его кадийства и, как найдут его, приказал немедленно задержать и представить к нему, связанного по рукам и по ногам, как тягчайшего государственного преступника.

По всему Крыму разыскивали, в каждой деревне смотрели, нет ли самозванного кадия.

Дошла очередь и до Озенбаша. Заходят посланцы кадия в эту большую деревню и узнают, что у них кадий имеется, и это Ахмет-Ахай. Он назвался кадием и мудро решает судебные дела.

Посланцы кадия нашли Ахмет-Ахая, схватили его, заковали в цепи и отвезли в Бахчисарай.

Кадий сразу же узнал Ахмет-Ахая. Он решил подвергнуть его самому строгому наказанию и объявил открытый разбор его дела.

Собралось в бахчисарайском махкеме много людей. Ахмет-Ахая с далфесом и сарыком на голове, закованного в цепи, ввели в судилище.

— Хорош гусь,—закричал кадий с голой головой

на самозванца Ахмет-Ахая озенбашского,—видана ли такая дерзость! Ты преступил, лиходей, все пороги зла и вывел себя на тягчайшую дорогу злодеяний. С головы кадийской, единственно принадлежащей мне, стащил далфес, обмотанный сарыком. Скажи, преступник, чем ты можешь оправдаться? Скажи же, похититель, где ты взял почтеннейший головной убор, что украшает твою нечестивую башку?

Ахмет-Ахай на то и был Ахмет-Ахаем, чтобы из затруднительного положения легко и быстро выходить на ровную и высокую дорогу почета. И он сказал так:

— О, властитель моей печени. Если бы я знал, что тот пьяница и развратник, который под огромным деревом Сюйренским валялся в объятиях блудницы с винным бочонком у самого рта,—это ты, уважаемый кадий, то я, конечно, не стянул бы с его головы этот священный далфес. Разве это был ты? Если это так, бери свой далфес с сарыком.

Тогда пристыженный кадий сказал так:

— Я пошутил. Конечно, это был не я. И думаю—не стоит нам на больших дорогах разыскивать бродяг. Поезжай домой и побудь еще немножко кадием.

И Ахмет-Ахай еще сколько-то времени, говорят, оставался кадием.

СЕРАЛЬ И КОШ

Однажды Менгли-Гирей, властитель Крыма, переделся в простую одежду и в сообществе своего визиря поехал на высокую яйлу охотиться на перепелок.

На безводной яйле могущественный хан захотел пить и спросил визиря:

— Как бы здесь достать воды? Аллах высушил мое горло.

— На вершинах яйлы,—сказал визирь,—воды нет, но здесь встречаются чабанские коши, в них найдется вода.

— Поищем кош,—сказал хан.

Мало ли, много ли искали, нашли стадо овец. Возле стада кош. В коше чабан на войлоке лежит, дует в ховал.

Хан и его спутник в кош вошли, с чабаном поздоровались. Чабан их встретил хорошо.

— Попить у вас воды, архадаш, братец чабан, нельзя ли?

— Пожалуйста,—говорит чабан.— Но зачем вам пить простую воду? Я наменяю кислое молоко водой. Язьма лучше утолит вашу жажду.

Они выпили по айману холодной, кислой язьмы, утолили жажду, поблагодарили архадаша-чабана. А архадаш-чабан софру чабанскую поставил перед ними, стал резать хлеб— хочет угостить их.

Нарезал чабан (это был Ахмет-Ахай) пять кусков хлеба и хочет резать еще. Хан удивился:

— Чего столько хлеба нарезаешь? Нам всего только трое.

За это чабан Ахмет приложился ладонью к щеке Менгли-Гирея.

— Ваше ли это,—говорит,—дело? Я режу свой хлеб.

Хан и его визирь покушали, сколько хотели, попросились, и Менгли-Гирей предложил Ахмет-Ахаю:

— Когда в Бахчисарае будешь, придешь ко мне тоже в гости. Я—хан Менгли-Гирей.

— Хорошо,—говорит Ахмет-Ахай,—когда барашки спустятся в долину, я к тебе зайду.

Осенью, когда баранта спустилась в долину, Ахмет-Ахай оказался вблизи ханской столицы и в один прекрасный день, надев на плечи тулум чабанский, направился во дворец. А Менгли-Гирей уже предупредил своих слуг:

— Если такой-то придет, сразу проводите его ко мне. Могучий Менгли-Гирей имел желание вернуть Ахмет-Ахаю удар по щеке. Пощечину чабана нежное лицо властителя как может снести?

Усадил Менгли-Гирей Ахмет-Ахая на почетное место и приказал своим слугам:

— Когда я буду с чабаном обедать, двое из вас пусть беспрестанно приносят хлеб, а двое пусть его все время режут.

Хан думал—чабан спросит: «Зачем так много хлеба?» И тогда уж Менгли-Гирей вернет Ахмет-Ахаю долг, и сколько кусков хлеба на софре, столько ударов он даст

ему по щекам. Повеление хана слуги выполнили. Менгли-Гирей и чабан обедают, а хлеб режут и режут и кладут на софру. Целую гору наложили.

Уже обед к концу подходит, а Ахмет-Ахай кушает и молчит. Менгли-Гирей не выдержал:

— Братец чабан, тут беспрестанно режут хлеб, а ты ничего не спрашиваешь. Мы же вдвоем обедаем. Разве столько хлеба можем скушать?

Чабан Ахмет-Ахай отвечает:

— Зачем спрашивать? Может, у моего сотрапезника Менгли-Гирея во дворе есть тысяча собак, а тут еще только нарезано восемьсот кусков хлеба.

Видит Менгли-Гирей—не вернуть ему долг Ахмет-Ахаю. Когда домой собрался уходить чабан, спросил он крымского властелина:

— Эту постройку ты сам строил или она тебе досталась от отца?

— Конечно, от родителя,—отвечает хан Менгли-Гирей чабану Ахмет-Ахаю.

— Я и вижу, что от отца досталась. Сам бы ты и коша не построил.

Так отвечал чабан Ахмет-Ахай знаменитому хану Менгли-Гирею. И остался хан Менгли-Гирей в вечном долгу перед чабаном Ахмет-Ахаем.

О ТОМ, КАК РАССЫПАЛОСЬ СОЛНЦЕ

Говорят, что на белом свете есть одно дерево— корень на небе, ветки на земле. Это что? Солнце. С неба всю землю освещает оно своим блестящим пламенем.

Так начинается сказки загадочник, а ты начни ее так. Гостил однажды у Ахмет-Ахая некий Лемли-оглу из Стамбула. В Крыму гость никогда не был и на все смотрел с удивлением.

Однажды увидел он из дома Ахмет-Ахая, как солнце золотым шаром вышло из горы. Был этот человек очень жаден до золота и подумал: «Вот как бы этот большой круг золота иметь, другого богатства и искать не надо».

Говорит гость Ахмет-Ахаю:

— У-ля! Ведь какие у вас тут сокровища! Вот это монета так монета! Только как ее добыть?

Говорит Ахмет-Ахай гостю:

— Разве на свете существует невозможное? Только здесь, внизу, ее не достать.

— А где же?

— Надо взять садовый иргах и мешок, подняться на яйлу и утром, как начнет показываться золотая монета, зацепить ее иргахом и в мешок.

— А не поможешь ли ты мне в этом? Я заплачу, сколько скажешь.

Ахмет-Ахай согласился. Приготовил длинную палку с крючком и большой мешок, в который по лесам дикие груши собирал, и поздно ночью, лишь только пропел первый петух, разбудил гостя, и они отправились на яйлу ловить солнце. Поднялись они на вершину Хаплу-хая, как раз над самым Озенбашем, и поспели к восходу. Взобрались на макушку горы и приготовились—Лемли-оглу иргах протянул, Ахмет-Ахай мешок в руках держит.

Вдруг огромным золотым шаром как из-под земли поднялось солнце и разом осветило и горы и степи до самого моря. Челеби из Стамбула кричит:

— Ахмет-Ахай, Ахмет-Ахай, как оно низко, держи мешок ближе, сейчас его схвачу... Ча-пык!.. Ча-пык!..

Тянулся-тянулся челеби и чуть в пропасть не упал. Едва, едва шутник земли крымской успел схватить его.

— Что такое?—спрашивает Лемли-оглу.—Почему я не поймал?

Дает ему ответ Ахмет-Ахай:

— Не огорчайся, шорбаджи. Сегодня у тебя не было ловкости. Придется дожидаться нового утра. Не будем спускаться в Озенбаш. Денек по горам погуляем, поспим, а утром, как только золотая монета покажется, поймем ее с какой-нибудь из этих высоких вершин.

День они гуляли по заоблачной яйле, к южным обрывам подходили, к северным, на море смотрели, на степь

— Сейчас его схвачу! Ча-пык!

смотрели, а к вечеру зашли в чей-то кош, поели там горячего катыка с хлебом и легли у огня под теплым войлоком.

Еще не начинало светать, Ахмет-Ахай разбудил гостя: — Вставай, Лемли-оглу, пора ловить золото.

Поднялись они на вершину Джанбек-буруна, стоят, ждут. Снова солнце как из-под земли выходит.

Опять протянул Лемли-оглу руку с иргахом, а Ахмет-Ахай держит мешок. Только хотел стамбулец зацепить солнце, как оно поднялось, и челеби опять чуть не упал в бездну. Ахмет-Ахай предлагает гостю ждать следующего восхода. Челеби соглашается. Опять гуляют день по яйле, к южным обрывам подходят, любят морем, к северным обрывам подходят—любуются степью. К вечеру зашли в один кош, горячего катыка с хлебом поели. На ночь легли спать у огня под теплым войлоком.

Настало утро. Чуть свет поднялись они на вершину Кемал-Эгерек. Думал Лемли-оглу—может, эта вершина выше прежних и отсюда легче достать золотую монету.

И на этой вершине стамбулец с иргахом метался туда-сюда, а Ахмет-Ахай держал перед ним раскрытый мешок обеими руками, и опять ничего не вышло. Над Кемал-Эгереком на этот раз стояли тучи, и солнце даже не показалось. А над Роман-кошем, над самой высокой горой, в это время какой-то пастух-чабан выливал на землю чапчак негодного катыка, и катык этот, разлившись по вершине, вдруг заблестел на лучах сверкнувшего солнца.

Смотрит Лемли-оглу с вершины Кемал-Эгерек и видит—на Роман-коше блестит белый круг. Он подумал, не монета ли туда упала, и спрашивает Ахмет-Ахая:

— Почему она упала туда?

— А ты разве не видел,—говорит шутник,—как роман-кошский чабан-ахай бросал кверху свой халпах? Он и сбил твою монету. Она там и валяется на земле.

— Неужели?—сказал турецкий гость.—Надо скорее бежать туда и взять ее.

Побежали к Роман-кошу, Ахмет-Ахай с мешком, Лемли-оглу с иргахом.

Пока бежали, из роман-кошского коша выскочила собака, подбежала к вылитому катыку и стала его слизывать. Бегут, а собака уже долизывает остатки.

— Лемли-оглу,—кричит Ахмет,—беги скорей.

Добежали—едва дышат. Видят—от вылитого катыка и следа нет. Все слизала собака.

Заплакал гость. Ахмет-Ахай утешает его:

— Не плачь. Я знаю эту собаку. Пойдем к ней.

Пошли прямо к чабан-ахаю в кош.

Пошли и видят—чабан-ахай лежит больной. У него живот болит—наелся прокисшего катыка. И собака у его ног лежит, еле дышит, тоже объелась.

Бросился Лемли-оглу на собаку:

— Отдай, что съела.

И длинным садовым иргахом—раз ее по бокам.

На яйле нельзя трогать собак. Чабану она дорога. Нет собаки—пропадает стадо.

Очнулся чабан-ахай от собачьего воя, схватил иргах с закорючкой, чем ловят овец, и как ударит Лемли-оглу по голове. Тот упал, как спелый инжир с высокого дерева.

— Ты чего нагнулся,—спросил Ахмет-Ахай,—не нашел ли свою золотую монету?

— О да,—отвечает Лемли-оглу,—я нашел солнце, и оно во мне рассыпалось тысячей звезд.

Ахмет-Ахай—это такой человек, про которого ходят легенды на двух ногах, на четырех, карабкаются по деревьям и летают в воздухе. Шутками своими Ахмет-Ахай расплавляет железо, разбивает замки богачей и богатство их раздает бедным.

ОБ ОДНОГОЛОВОМ АХМЕТ-АХАЕ

И СЕМИГОЛОВОМ ДЭВЕ

Однажды Ахмет-Ахай испугался мыши. Жена поругала его за трусость.

— Зато я не боюсь мух,—сказал Ахмет-Ахай.—Видишь—сколько их на этом куске мяса? Смотри, как я с ними разделаюсь!—Шлепнул ладонью по мухам, стал считать, насчитал убитых—сорок.

— Разве я не убил сорок душ?—говорит.—Джина увижу и то не испугаюсь.

Прошло сколько-то времени, отправился Ахмет-Ахай искать работу.

Идет полдня, идет целый день, идет полтора дня. Поднимается в горы. Восходит на заоблачные вершины и доходит до Пяти корыт у зеленого пастбища. Видит кош, а у коша три чабана—один плачет, другой смеется, третий танцует.

— Чего слезы льешь, дорогой?—спрашивает Ахмет-Ахай того, кто плачет.

— Сейчас придет семиголовый зеленый Дэв с козлиными ногами, с лошадиным хвостом. Он будет со мной, чабаном, бороться, и я паду в этой борьбе, и великан меня скушает, как уже съел четырех товарищей моих. Поэтому я и плачу.

— А почему ты смеешься?—спрашивает Ахмет-Ахай того, кто весел.

— Почему не смеяться? Разве я не успею вылить слезы мои завтра, когда Дэв примется за мое мясо и кости?

А третий, что танцевал, объяснил Ахмет-Ахаю:

— Меня Дэв разжует и проглотит на третий день. Чего беспокоиться мне сегодня и завтра?

— Ты зачем сюда пришел?—спрашивает плачущий чабан Ахмет-Ахая.—Семиголовый великан и тебя съест и даже спасибо не скажет твоей матушке.

— Но,—говорит Ахмет-Ахай,—меня если вздумает есть, зубы сломает. Я убил одной рукой сорок чудовищ восьминогих, черных, с желтыми головами, крылатых. Я могучий богатырь Аю, сын Бьюк-бугая, что держит землю на роге своем. Я хочу спасти вас, братья.

Подходит Ахмет-Ахай к баранте чабанской, хватает иргахом за ногу старого барана, закалывает его, сдирает шкуру, отрезает голову и ноги. Голову с большой бородой он закапывает в одном месте, мохнатые ноги—в другом, шкуру же наполняет катыком и закапывает в третьем месте.

Только успел это сделать, как появился большой-большой человек из породы семиголовых дэвов.

Рванулось чудовище к чабану, который пролил целую миску слез, и хотело уже запустить в него зубы. Но Ахмет-

Ахай вышел к Еды-башлы-дэву навстречу и громко расхохотался.

— А-а,—сказал семью ртами Дэв,—еще один пришел! Хорошо. Сегодня закушу двумя.

Одноголовый Ахмет-Ахай не показал себя трусом.

— Я одной рукой убил сорок подобных тебе чудовищ,—сказал он семиголовоному.—Чем сражаться со мною, лучше походи домой и выспись.

— Позволь, позволь,—говорит Дэв,—ты кто?

— Я знаменитый Аю-батыр Чучельский! Отец мой Бюк-бугай держит землю на медном роге своем!

— А-а, знаменитый Аю-батыр Чучельский! Здравствуй и давай мерить силы. Тебя хвалят, посмотрим, почему.

— Посмотрим. Кто сильнее, тот и поработает зубами,—сказал Ахмет-Ахай озенбашский.—Вот с чего начнем. Стукнем по земле, чтобы из земли пошел катык.

Дэв бил, бил по земле своими огромными копытами. Образовалась яма, но катыка нет как нет.

А как ударил ногой Ахмет-Ахай, из-под земли брызнул катык и облил семь страшных лиц Дэва. И Дэв тряхнул семью головами и четырнадцатью гневными глазами посмотрел на Ахмет-Ахая, а тот рассмеялся над ним, как победитель.

— Что ж, может, еще разок поиспытаем силы, эфенди?—сказал наш батыр.—Не можете ли вы, могущественный носитель семи халпахов, так ударить по земле, чтобы из нее выскочили чьи-либо ноги?

Дэв как ударит копытами, две дыры в земле пробил, пыль к самому небу поднялась, но как были на этом месте четыре ноги—две Ахмет-Ахая, две Дэва—столько и есть. А маленький Аю-батыр как ударил—четыре бараньих ноги из-под земли тут как тут.

И в третий раз говорит Ахмет-Ахай великану:

— Не можете ли, многоуважаемый носитель копыт, ударить по земле, так, чтобы из нее выскочила борода?

Дэв бьет землю ногами и руками. Земля—дыбом, грохочет, трясется, но бороды—нет как нет. Тогда наш ловкач ударяет ногой, и борода барана выходит вместе с головой.

— Как вы думаете, господин Дэв, это ли не борода?

... четыре бараньих ноги тут как тут!

Семиголовому стыдно, он побежден. В гости к себе приглашает он Аю-батыра, и отправляются они вдвоем к дому Дэва.

Идут дремучим лесом.

— Где ты живешь?—спрашивает Ахмет-Ахай Дэва.

— Я живу,—говорит Дэв,—на горе Сандык.

— О-о,—говорит Ахмет,—высоко живешь, пешком я дальше не пойду. Если повезешь меня верхом на себе, тогда продолжим путь.

— Ну что ж, садись!

— Нагнись, тогда я сяду. Только вези без скрипу и, смотри, не оброни,—сказал Ахмет-Ахай семиголовому великану.

Великан опустился на четвереньки и стал подобен ослу. Ахмет-Ахай схватился за его длинные, коснувшиеся земли, усы нижней головы, взобрался по ним вверх и оседлал его шею.

Через минуту Дэв был уже с Ахметом на плечах на самом верху Сандыка, где стоял серый дворец из больших неотесанных каменных глыб.

У входа в этот дворец великан опустил Ахмет-Ахая на землю и сказал ему:

— Подожди здесь, пока я принесу сюда мои пушки. Тогда посмотрим, из чьих рук каменное ядро выше полетит, чье заденет тучи.

И Дэв, свистя, как сто диких птиц, вбежал в свой дом. Быстро сделал он оборот-поворот и выкатил из дворца две громадные деревянные пушки и сколько-то каменных ядер. И говорит господин Дэв Ахмет-Ахаю:

— Давайте, знаменитый Аю-батыр, сын быка-землетряса, начинать!

Из огромной пушки выстрелил Дэв, и каменные ядра пробили тучи и с грохотом разбились на горе Ялпахе.

— Теперь очередь ваша,—говорит Дэв.—Посмотрим, кому из нас работать зубами.

— Пожалуйста, пожалуйста. Это верно, что очередь моя. Ох, очередь действительно моя. Да, да, это верно,—говорит Ахмет-Ахай,—что очередь моя.

Поплевал на руку, потрогал пушку.

— Нет,—говорит Ахмет-Ахай,—если кидать, так уж ядра вместе с пушкой. Пушка останется наверху, а семь

ядер падут обратно на Сандык. Но как бы они вам по головам не попали и не пробили бы их!

— Чем такую дорогую пушку терять, вы, братец Аю, совсем ее не кидайте,—сказал Дэв и побежал во дворец.

Была у него умная матушка. Обратился сынок к ней за советом.

— Встретил я очень храброго и дерзкого человека. Мы с ним пытаем наши силы, и он побеждает меня. Боюсь я его. Он у наших дверей. Вот-вот войдет к нам. Как бы от него спастись, матушка?

Старуха посоветовала:

— От твоего отца, четырнадцатого Дэва, остался железный табурет. Он весит двести пятьдесят пудов. Его никто, кроме твоего отца, не мог сдвинуть с места. Вот и вели ему поднять этот табурет. А не поднимет—смерть ему.

Семиголовый Дэв выходит к Ахмет-Ахаю, ведет его в комнату своего покойного отца и предлагает ему вынести из дворца табурет и поставить его на край горы.

Ахмет-Ахай смотрит на этот табурет, достойный того, чтобы на нем восседал сам бык-землетряс, смеется и говорит:

— Зачем на край горы ставить? Лучше закинуть эту старую рухлядь подальше. Но куда? На луну или на солнце?

— Подожди,—говорит Дэв,—не бросай. Я сейчас приду.

Бежит к матери.

— Так и так, такое дело. Этот маленький человек спрашивает, куда забросить отцовский табурет—на солнце или на месяц. Сидеть я буду тогда на чем?

Чудовище-мать говорит семиголовому сыну:

— Попроси не бросать. Что на месяц, что на солнце—и то и другое померкнут.

Семиголовый дурень возвращается к Ахмет-Ахаю.

— Слушай, Аю! У нас только одно солнце и только одна луна,—говорит.—Солнце нужно нам для дня, а луна необходима ночью. Пожалуйста, не уничтожай их.

Ахмет-Ахай дал себя уговорить.

Сообразил Дэв, что надо гостя накормить.

В огромном казане приготовил каурму, в громадном кофейнике заварил кофе.

Начал Ахмет-Ахай угощаться. Съел кусок мяса, выпил кружку кофе, и ему довольно.

— Я вроде устал с дороги и больше кушать не хочу,—говорит Ахмет-Ахай.—Холодной воды выпил бы.

— На тебе ведерко,—говорит Дэв,—зачерпни воды в бассейне, сам попьешь и мне принесешь.

Ведро Дэва было в сорокаведерную бочку. Ахмет-Ахаю даже не поднять его.

— Зачем с этой посудинкой канителиться, когда я могу сразу весь колодец принести?

Ахмет-Ахай берет свой маленький пчак и колодец кругом начинает окапывать.

Дэв испугался.

— Не трогай, не трогай, пожалуйста, а то у нас на весь Дэв-кой один колодец. Ты выльешь всю воду, что я буду пить?

Затем глупый Дэв снова обращается к своей умной матери:

— Матушка, он очень страшный человек. Он грозит выкопать колодец и весь Дэв-кой оставить без воды.

Тогда мать семиголового дурня говорит своему сыну:

— Я устала подавать тебе советы, бедный мой сынок. Видно, мало тебе семи голов, что сам ничего придумать не можешь. Твой отец, который четырнадцатью головами думал, моих советов не спрашивал.

— Что ж делать, матушка? Таким уродился. Где раздобудешь еще семь голов? Уж посоветуй мне, как избавиться от этого бычьего сына.

— Выпроводи его. Пусть уходит. Дай, что спросит.

Идет Дэв к Ахмет-Ахаю и говорит ему:

— Друг Аю, по своему дому не соскучился ли? Детей не хочешь ли повидать?

— Хочу, конечно. Только пустой не пойду.

— Почему?

— С пустым мешком жена и на порог не пустит.

— Есть у меня богатый старинный дэвский клад. Могу тебе дать из него суму золота.

— Для чего мне она?—спрашивает Ахмет-Ахай.

Дэв думает—Ахмет-Ахай сказал «одна», и говорит:

— Две даю.

Ахмет-Ахай молчит и думает, сможет ли он столько золота и донести.

Дэв думает—Ахмет-Ахай недоволен, и говорит:

— Три даю.

— Хорошо, пусть будет три,—отвечает Ахмет-Ахай.

Дэв думает—Ахмет-Ахай сказал «ты».

— Хорошо,—говорит,—я тебе их снесу. Доставлю я тебя домой на трех мешках золота.

— Только знай, семиголовый, что я, Аю-батыр, сын быка землетряса, живу не на хвосте земли в дремучих лесах медвежьих, а под Бойка-хыром, в Озенбаше дом мой, и кличут меня люди Ахмет-Ахай.

— Ну что ж,—отвечает глупый великан многомудрому Ахмет-Ахаю.—На плечи подыму тебя и через Ялпах-кая, через Адимтюрский темный лес, через синюю Седам-кая и через прекрасный Бойка-хыр тебя в Озенбаш спущу и у порога дома поставлю.

Грузил на себя семиголовый Дэв три мешка старинного дэвского золота, поверх трех мешков сажал на плечи к себе Ахмет-Ахая одноголового, и Дэв побежал по горам.

По дороге Дэв удивляется:

— Ты такой сильный! Почему ж такой легкий? Где же твой вес?

Ахмет-Ахай ему с плеч говорит:

— Я силу свою держу над собою в воздухе. Делаю я это, чтобы не утомить вас, дорогой и уважаемый хозяин.

— А ну-ка,—говорит Дэв,—сколько сможешь, дави на меня.

Ахмет-Ахай достает из кармана шило и изо всех сил колет Дэва.

— Тяни, тяни свою силу в воздух,—кричит семиголовый дурень,—больно!

Подходит семиголовый с тремя мешками золота и Ахмет-Ахаем на спине к Озенбашу.

И велит ему Ахмет-Ахай остановиться у озенбашской речки, где вода большим потоком выливается из-под земли. Озенбашец слезает с плеч Дэва и говорит ему:

— Подожди, эфенди, здесь. Я сбегая домой, привяжу детей своих, а то, если они увидят тебя, а ты, конечно, им понравишься, съедят они тебя с потрохами;

Дэв стоит у источника, дальше не идет, а Ахмет-Ахай идет домой, трех милых сыновей своих он привязывает гнилой веревкой—одного к очагу, другого к венику, а третьего к щипцам, которыми поправляют огонь в очаге.

— Когда я буду подходить сюда со своим страшным спутником,—говорит Ахмет-Ахай своим детям,—вы кричите все: «Съем, съем, съем». И ты, дорогая жена, тоже приготовься. Когда я с ним войду и спрошу тебя, что будем кушать, ты скажи: «Пообедаем, муженек, этим Дэвом».

Пошел Ахмет-Ахай за Дэвом с тремя мешками золота на плечах и привел его к своему дому.

— Ну, Дэв-эфенди,—говорит Ахмет-Ахай,—входите.

Дэв согнулся, вполз в дом, положил три мешка золота и учтиво сказал:

— Вам, дорогой наследник дэвов, этот дар звенящий с высот Сандык-кая с приветом моим приношу.

Спрашивает Ахмет-Ахай свою жену:

— Что будем кушать?

— А вот этого самого—жирного, огромного, вкусного!—сказала жена.

— Дэва будем кушать! Дэва будем кушать! Папа, режь его на пять частей!—закричали дети.

Взял Ахмет-Ахай нож и точило, стал точить.

Дети как рванутся,—веревка перервалась, и в Дэва полетели веник, щипцы и зола из очага.

Испугался Дэв, как выскочит и бежать.

Встречается ему лисица.

— От кого вы так убегаете?—спрашивает.

— Да вот связался я с Аю-батыром, прозвище его Ахмет-Ахай. Насилу жизнь свою спас. Я отдал ему три мешка золота, что хранились у меня в подвале. Долго я их берег. А теперь потерял. Но слава аллаху—чуть-чуть было меня не съел он.

Тильки-лиса говорит:

— Вот чудак—кого испугался! Он ведь боится мыши, живущей у него во дворе! А ты его боишься! Такой огромный! Такой бессмертный! Пойдем, вернемся к нему. Заберем сокровища обратно.

Когда Ахмет-Ахай увидел, что великан Дэв возвращается к нему с лисой, он громко закричал:

— А, голубушка, вот когда ты мне попалась!

Увидел Еды-башлы-дэв, что Ахмет-Ахай вовсе не испугался лисицы, а напротив, обрадовался ее приходу, и рассердился.

Как схватит лисицу за хвост!

— Ты зачем меня, Тильки, обманывал? Смерть тебе на месте!

Вбил ее в землю, а сам бежит в лес, и только дым идет от его шагов.

А Ахмет ему кричит вслед:

— Прямо к матери своей беги и учись уму у нее. У родной матушки своей учись, а не у лисы!

Прибежал Дэв домой на Сандык-кая.

— Шукур-алла! Слава богу,—говорит,—что я отправил его домой. Теперь душа моя спокойна.

А Ахмет-Ахай пошел к тому месту, где Дэв вбил лисицу в землю, выкопал ее, содрал с нее шкуру и сделал своей жене прекрасное джупше.

Случилось это тогда, когда сказка была сказкой, когда озенбашский минарет наклонялся к Бельбеку пить воду, когда змея в раю была секретарем, и не знал Адам, что она обманет его, когда осел мой был блохой, а я собирал каменные ядра из деревянных пушек на высотах крымских гор, на Бойке и на Сандыке. Кто умеет, если даже и соврет—все равно, правда получается.

КАК ПОГИБЛО ЧУДОВИЩЕ

Ахмет-Ахай как-то забрел в темный лес и увидел дворец. У ворот дворца стоял привратником страшный див.

Схватил этот див-привратник Ахмет-Ахая и понес его к падишаху дивов. Познакомился одноглазый хан-див с веселым человеком и рассказал ему такой печальный масал:

— Несколько дней тому назад из большой татарской деревни Искут выкрали для меня, падишаха дивов, молодую красивую татарку, с марамой на лице, по имени Эльмаз-ханым, и теперь я, страшный падишах дивов, собираюсь эту девушку взять за себя замуж. Ты угодил на мою свадьбу и будешь теперь веселить меня, невесту и гостей.

После этого рассказа падишах страшных дивов повелел своему сераль-агасы:

— Поведи пленника в комнату, где находится украденная девушка. Пусть он развеселит ее так, чтобы к моему приходу на двух ее щеках играли бы солнце и луна. Посмотрим, сумеет ли развеселить этот шутейный человек печальную нашу Эльмаз-ханым.

Страшный див-караул повел Ахмет-Ахая в комнату, где находилась пленница Эльмаз-ханым. Видит Ахмет-Ахай—сидит девушка, с глазами, как маслины, с бровями, как фиалки, с косами, как шелк, а лицо ее, как молодая луна с вершины Чатырдага.

— Прелестная девушка,—обратился к ней Ахмет-Ахай,—расскажи мне, как ты сюда попала.

Эльмаз-ханым:—У моего отца в Искуте был хороший фруктовый сад. Однажды пошла я в этот сад одна. Вдруг налетела огромная туча. Я пустилась бежать домой. А туча страшным дивом обернулась, слетела, как орел, схватила меня и доставила сюда. Теперь не знаю, что со мною будет. Каждый день похваляется див своей силой и говорит: меня никто не сможет убить.

Ахмет-Ахай:—Когда это страшилище придет расхваливать свою силу, ты разумной секрет его силы. Тогда-то с ним и справимся.

И не успели еще удалить Ахмет-Ахая, как послышались тяжелые шаги чудовища и к Эльмаз-ханым вошел див-падишах. Сел он возле Эльмаз-ханым и, как всегда, стал хвалить свою силу:

— Никто не сможет меня ни убить, ни зарезать. Я бессмертный мудрый див, и я люблю тебя.

Эльмаз-ханым:—Скажите мне, что вас делает таким, и я буду знать, что вы действительно любите меня.

Страшный див:—Тяжелый вопрос задаешь ты мне, прекрасная Эльмаз-ханым, но я люблю тебя и объясню:

кто хочет убить меня, должен найти мою душу. Но где она—кто знает?

И после этих слов страшный падишах бросился к ногам Эльмаз-ханым. Но девушка спустила искутскую мараму и сказала падишаху дивов:

— Если любишь—говори, где душа.

Страшный див рассердился, глаза его налились кровью.

А она стала плакать.

Страшный див увидел—слезами портит девушка лицо. Он смягчил свое сердце, рукою взял плечо Эльмаз-ханым и нежно, нежно ей сказал:

— Не плачь, дорогая, не плачь. Я тебе расскажу все, только не плачь на свадьбе. Ведь помимо джинов будет у нас один веселый человек. Он повеселит нас озенбашскими анекдотами. Расскажет сто штук. В это время нельзя плакать. Понимаешь, Эльмаз-ханым? Если на свадьбе заплачешь, вся наша жизнь с тобою будет плаксивая.

Девушка Эльмаз-ханым сказала:

— Если ты сейчас же расскажешь мне, как твоя душа прячется от смерти, я печалиться не буду, а смеяться изю всех моих сил.

Див-падишах стал рассказывать. Эльмаз-ханым узнала, что душа чудовища находится в пузырьке, а пузырек в горшке, а горшок в жестянке, а жестянка в стеклянке, а стеклянка в железном сундуке, а железный сундук на дне Черного моря. Достать сундук, разломать его, разбить стеклянку, разломать жестянку, разбить горшок, достать пузырек, найти в пузырьке муху, убить ее, и сразу зло из мира исчезнет.

Попрощался падишах страшных дивов со своей будущей женой и ушел на три дня.

Страшный див-падишах ушел, а девушка Эльмаз-ханым повелела дежурному диву представить озенбашского весельчака, и дежурный див привел Ахмет-Ахая.

Поломали железный сундук—достали стеклянку. Разбили стеклянку—достали жестянку. Поломали жестянку—достали горшок. Разбили горшок—достали пузырек. Разбили пузырек—достали маленькую муху. По этой мухе большим камнем ударили и этот камень бросили в море.

Ахмет-Ахай и Эльмаз-ханым ожидали падишаха дивов три дня и три ночи, но его не было.

Что будет дальше, посмотрим. Еще рассказывал мне дед мой Каракоз об Ахмет-Ахаве озенбашском много очень смешных сказочек. Но эта вот сказка была не так смешна, как интересна. Правда, интерес ее был спрятан на дне морском, но был добыт оттуда Ахмет-Ахавом для дорогой Эльмаз-ханым. Много трудился шутливый человек, но потом из-за своих шуток, говорят, плакал. Жена его оказалась еще более шутливой. Вот почему и плакал бедный Ахмет-Ахай.

АХМЕТ-АХАЙ И ХАНСКИЙ ПЕС

Как-то могучий хан Бахчисарая повелел озенбашцам переселиться от ханского дворца к морю подальше, верст на сорок. А почему?

Когда лают озенбашские собаки, ханские кобылицы в дворцовых конюшнях цепи рвут, а ханские жены в гареме беснуются. Поэтому, если озенбашцы переселятся на сорок верст к морю, в столице не будет слышно лая их собак.

Ничего не оставалось делать беднякам Озенбаша, как отправить Ахмет-Ахая послем к хану Бахчисарая, чтобы как-нибудь упросить его снять этот жестокий фирман с деревни, ибо переселиться туда, куда указывал хан, значило поселиться в море.

Ахмет-Ахай в это время пас коз озенбашских где-то на кручах в горах. Когда ему сказали, что он должен ехать послем во дворец, он выбрал самого старого козла, который первым идет в стаде, сел на него верхом, ухватился руками за рога и поехал в Бахчисарай.

Верхом на козле Ахмет-Ахай подъехал к ханскому розовому саду. Он не искал дорогу через великолепную

железную дверь в ханскую приемную, а потребовал подвести его к конурке, где живет ханский пес. Она также, как и дворец, помещалась в розовом саду властелина.

Когда хан узнал, что один посол прибыл во дворец и пошел разговаривать не с ним, а с собакой, повелитель людей очень разгневался и потребовал к себе этого посла. Гонца представили, и хан закричал:

— Ты кто такой?

— Я озенбашский посол, из подвластной тебе деревни Озенбаш, которая находится от тебя на расстоянии сорока верст и которую ты велишь продвинуть еще на сорок верст к морю, о хан,—сказал Ахмет-Ахай.

— Ты почему такой молодой, без бороды, сюда приехал? Почему старшего не прислали? Где твоя борода?

Ахмет-Ахай озенбашский хану бахчисарайскому спокойно отвечает:

— Не извольте, хан, беспокоиться, борода есть.

— Где же она?

Ахмет-Ахай тогда показывает на своего козла:

— Вот она.

— Это кто такой?

— Это мой советник, на котором я приехал к тебе. У него борода не короче, чем у твоих мудрюсов и советников. Бороду советника моего, о властелин, я назвал бы Чатыр-дагом, а капли пота моего—горным дождем над ним.

Тогда хан с возмущением спрашивает:

— Но почему ты, посол, пошел не ко мне, а к моему псу? Тебе что, пес мой больше по душе?

— Твой пес мне вовсе не по душе,—отвечал Ахмет-Ахай,—сквернейшая собака.

— Как?—закричал хан.—Ты смеешь, негодяй, сквернить моего любимого пса?

Тут Ахмет-Ахай отвечает:

— Я—сирота, без отца, без матери, и наблюдаю козлят всего джемаата моего. Джемаат—мой отец, а баранта—мать. Когда козлятки спят в жаркое время, я ищу у себя вшей—отца нет и матери нет, и за мной некому ухаживать. А в это время начинает брехать, о хан, ваша собака ханская, и в сорока верстах от вас я слышу в Озенбаше лай этого пса, и козлята мои пугаются и бегут к своим маткам,

и вши разбегаются, и я не могу их поймать. Я и решил поэтому, о хан, просить твою собаку, чтобы она удалилась от нас на сорок верст подальше. А если ты не хочешь, чтобы я договаривался с нею, тогда и тебя я попрошу сделать нашему джемаату одолжение, хан, и удалиться вместе с собакой своей из этих мест, на сорок верст к морю, чтобы не слышен был у нас в Озенбаше ее неистовый лай, чтобы спокойно паслись в горах наши тихие козы, и не убегала бы вошь, которую я должен поймать.

Тогда хан закричал:

— Как может быть слышен лай моей собаки в Озенбаше за сорок верст? И как ты смеешь хотеть переселить меня отсюда за сорок верст, когда через тридцать верст—море?

— А как может быть слышен лай наших собак у тебя за те же сорок верст?—спросил Ахмет-Ахай.—И как ты можешь велеть нам переселиться за сорок верст, когда через двадцать верст от нас—море?

ГОРСТЬ ОБМАНОВ

I

одошел однажды к озенбашскому джемаату один прохожий человек и говорит:

— Все вы считаете, что Ахмет-Ахай первый на свете хитрец и нет в мире человека, которого он не смог бы обмануть. А я вот говорю, что меня Ахмет-Ахай никогда не проведет.

Джемаат тотчас же вызвал Ахмет-Ахая.

— Этот прохожий говорит, что ты его не сможешь обмануть. Ответь ему что-нибудь, Ахмет-Ахай.

Тогда Ахмет-Ахай обратился к незнакомцу:

— Ну, что скажешь?

— Я слышал, у тебя такой ум, что ты им обманываешь не только людей, но и зверей, и даже растения плачут от твоих обманов. Я хочу это проверить и прошу тебя— обмани меня, и я посмотрю, какой ты есть обманщик.

Ахмет-Ахай ему говорит:

— Конечно, сразу и на этом месте я тебя обмануть не сумею. А почему? Я оставил дома свои инструменты. Сбегаю за ними, а ты пока подожди меня вот здесь, у этой каменной стены. И чтобы она не рухнула на тебя, поддержи ее плечами. Вот так. А я мигом вернусь.

И ушел.

Ахмет-Ахай ушел, а этот уперся плечами в стену и ждет. Проходит час, другой—он все ждет, а Ахмет-Ахая все нет и нет.

Люди из джемаата не вытерпели, подошли к прохожему человеку.

— Долго ли здесь будешь стоять? Чего ждешь?

— Ахмет-Ахая, как вы знаете,—отвечает тот, а стену все держит плечами.—С просьбой обмануть меня я к нему обратился—в его обманы не верю. И что же мне знаменитый Ахмет-Ахай сказал? «Я дома,—говорит,—оставил инструменты для обмана, а без них обманывать не могу». И побежал за своими инструментами домой, а меня попросил поддержать эту стенку. Вот я и жду его.

— Так он ведь тебя, глупая голова, уже три раза обманул,—сказали ему озенбашцы.—Во-первых, инструменты не могут обманывать, а обманывает человек. Во-вторых, эта каменная стена очень крепкая, и нечего тебе подпирать ее плечами. А в-третьих—Ахмет-Ахай сказал, что скоро придет к тебе. Времени прошло много, а видишь ты его перед собою? Скажи нам. Видишь?

II

Был Ахмет-Ахай озенбашский способен перехитрить каждого хитреца, обмануть каждого обманщика. Но некий Рахмет-челеби из Стамбула первым хитрецом и первым обманщиком Востока считал себя. Когда этот стамбульский яланджи в Фериман-шегере на базаре кофе пил

и услышал, что говорят об Ахмет-Ахае озенбашском, он встал и обратился к беседующим:

— Вы, почтенные мурзы и беи, утверждаете, что у вас в прекрасном горном Озенбаше живет тот человек, чьи ум, ловкость, хитрость и лукавство неизмеримы, и что он может обмануть всех обманщиков, перехитрить всех хитрецов, пересмешить всех насмешников и превзойти во вранье всех вралей? Но что вы дадите мне, если я его обману так ловко, что он даже не будет знать, я ли его обманул или не я, обманут он или не обманут?

— Звание джигита по вранью мы тебе дадим,—сказали фериманшегерские мурзы и беи,—по одному из всех животных, на которых ездят, дадим и по одной штуке от всего, что движется на колесах, мы тебе дадим.

И Рахмет-челеби, желавший быть мировым обманщиком и испытывавший нужду в средствах передвижения, в сопровождении фериманшегерских мурз и беев отправился через горы в Озенбаш.

По прибытии в Озенбаш, мурзы и беи спрятались за стенами сакли Ахмет-Ахая, а Рахмет-челеби, захватив с собою, как ему казалось, весь груз своих обманов, поднялся в дом к Ахмет-Ахаю и постучался. Он был впуцен, отдал селям и получил обратно то же. Заняв наиболее удобное для разговора положение, он предложил Ахмет-Ахаю здесь же, в Крыму, в Озенбаше, устроить состязание на первенство по обманам.

Это предложение Ахмет-Ахай принял.

Когда они поговорили, сколько им это было нужно, и друг другу успели сообщить тут же выдуманные истории своих жизней, Рахмет-челеби из Стамбула начал рассказывать так:

— В какое-то время из времен, когда луна была не больше мухи, а солнце проживало в лесу, находился я в окрестностях Стамбула. Было у меня триста корзин пчел, и всякое утро я выпускал их, а по вечерам кликал каждую по имени и зывал домой.

В один вечер из вечеров принимал я пчел и, проверяя, обнаружил, что хромой пчелы Топал-ханым недостает. Я тут же оседлал петуха, сел на него верхом и выехал на розыски моей пропавшей пчелки.

Когда я нашел эту пчелу, между нами завязался ужас-

ный бой. Я в нее стрелял из ружья, а она ударяла в меня каменными ядрами из деревянной пушки. Когда бой достиг наибольшей остроты, я обнаружил тяжелую рану на левом плече петуха. Я тут же прекратил сражение и отправился его лечить. После долгих поисков я нашел мудрого врача, и он указал мне единственное лекарство, годное для исцеления раны—сок индостанского ореха.

Не откладывая в железный сундук лечения болезни, я тут же отправился в Индостан и купил один целебный орех. Я раскусил его, скорлупу выплюнул, а ядро сжал, выжал из него масло, и этим маслом я помазал рану петуха, а сам лег спать.

Утром я проснулся и вижу—у петуха на плече одно большое дерево выросло, и дерево это полно орехов. И когда я взгляделся, увидел—мальчики сбивают с дерева орехи палками. Когда еще лучше посмотрел, вижу—палки, что мальчики бросают вверх, обратно вниз не падают, а остаются на ветвях. Тогда я, опасаясь, чтобы эти палки потом не свалились вниз и не угодили бы мне в голову, взобрался на самый верх дерева. Вижу—на одном листочке большая степь. В этой степи арбузный баштан. Из этих арбузов я выбрал наибольший и хотел его попробовать. Достал из кармана ножик, вырезал из арбуза кусок и стал есть. Потом я захотел поймать ножом еще кусочек арбузной мякоти, но уронил ножик в арбуз. Стал искать его и не мог найти. Этот нож был мне очень дорог, и я, не желая его терять, влез в арбуз и стал его там разыскивать.

Вижу, внутри арбуза едет верхом на верблюде один человек. Я пошел к нему навстречу и сказал селям. Всадник с верблюда ответил мне и спросил: «Что делаешь здесь?» Я сказал, что ищу свой ножик, потерянный во время еды. Тогда сидевший на верблюде расхохотался: «Вот уже три дня, как я потерял здесь трех слонов, ищу их, ищу и не найду, а ты хочешь отыскать свой маленький карманный ножик? Разве не безумец ты?»

После этого вылез я из арбуза и шел день, два, а на третий день к вечеру подошел я к берегу моря. Сел на розового дельфина и по кипящим водам отправился на север. Благополучно переехал море и вышел на крымский берег и превратил своего дельфина в коня и, нагрузив на него весь вьюк своих обманов, сам поверх обманов уселся

и мягко, как на подушках, поехал великолепным южным берегом.

Через час езды попал я в какой-то из винных подвалов. Одну бочку размером в мечеть выкатили мне. Но я, конечно, не стал пить, выполняя волю создавшего меня аллаха. А конь мой, который не исповедует ислама, со всех ног бросился к бочке и выпил все, что в ней было. Конечно, скакун мой тут же опьянел—от такого количества вина иначе и не могло быть. От пьяного бежит даже сумасшедший в сторону. И я должен был отбежать от него. Глядя, а моя лошадь кинулась к мешку и стала пожирать, как траву, весь запас моих хитростей. Я почувствовал, как сильный гнев опалил мне лицо. Я выхватил из ножен саблю, кинулся на пьяную лошадь, разрезал под животом ее шкуру, ободрал ее и кожу взял с собою, а тушу оставил на съедение орлам. Это было на вершине яйлы, между морем и Озенбашем. На эту шкуру, освобожденную от лошадиного туловища и облегченную от мешка моих хитростей, я сел и еще быстрее поспекал стремительно вниз. И был я в это время похож на молнию, которая срывается в пропасть. Но тут я вспомнил, что ведь еду я тебя, Ахмет-Ахай, обманывать, а груз моих обманов с тушей лошадиной остался в горах. Тут я на себя очень разозлился, пустую кожу лошадиную обратно повернул и поехал разыскивать свою потерю. Вскоре я снова был на высокой яйле, но вместо туши лошадиной я там нашел стаю слетевшихся орлов. Они уже успели сожрать моего коня. Недолго думая, я открыл врата в шкуру моей погибшей лошади и орлов, как стадо баранов, вогнал в ее недра. После этого лошадь моя сделалась быстрая, как ветер, ибо сто пятнадцать орлов (за точность числа отвечаю всем моим лукавством) образовали недра ее. На этой лошади я и слетел, Ахмет-Ахай, с яйлы сюда, к дому твоему. Как же ты теперь считаешь,—не лучшая ли из лошадей мира привязана к твоему забору сейчас? А если даже то, что внутри этой лошади,—обман, то не лучший ли я из всех обманщиков мира?

Ахмет-Ахай, когда выслушал этот подробный рассказ, обманщику Рахмету-челеби так сказал:

— Ничего чудесного в твоей лошади я не вижу и не вижу обмана в обмане твоём. Ты рассказываешь, что пустая

лошадь бежала хорошо. Но что же тут удивительного? Если лошадь, груженная мясом, костями и кишками, бежит хорошо, то освобожденная от этого груза, она должна, конечно, бежать еще быстрее. Ты говоришь—наполнил пустую внутренность лошади орлами и затем быстро полетел на них. Но разве на орлах можно лететь медленно? Поэтому состязаться в обманах мне придется теперь не с тобою, а с орлами Крыма, которые, видно, съели всю твою хитрость, челеби.

А тебе я расскажу сейчас одну прохладную сказочку, а чтобы ты не замерз, пока я буду рассказывать, залезай в этот теплый мешок.

И, посадив гостя в мешок, стал Ахмет-Ахай рассказывать сказку:

— В те времена, когда верблюд работал глашатаем, а осел был банщиком, а бык—купцом, а медведь—властителем, на фериманшегерском базаре небольшой шатер стоял. В этом шатре матушка моя в колыбели качалась, отец под низенькой софрой бегал, а я уже бородатым, отважным мужем по базару хаживал, персики, виноград и инжир поедал безвозмездно, безденежно. Мольбам моего желудка внимал базар, кормил, поил меня базар, и я локал все, что текло мне в рот. И было так до тех пор, пока сердце доброе мое базыргяны жестокие не разрезали. И доброты и щедроты свой базар от меня убрал. Судьбу мою хорошую он порвал, в клочья мои надежды изорвал, меня нищетой прибил, а меня—ах!—не погубил. Бездомным бродягой я скитался по базару, нищий, как дервиш, мудрый, как Лукман, терпеливый, как осел. От земли я оторваться мечтал, в небо я подниматься мечтал. Но не удавалось это мне до тех пор, пока сильный ветер обмана базарного, поднимающий вверх предметы, которым бы лежать внизу, не захватил и меня. Я не стал, конечно, бороться с этой непреодолимой силой и вместе с ветром начал я подниматься и подниматься вверх.

И вот я, наконец, поднялся—выше чего уже подниматься нельзя.

Вижу—голубая небесная земля тоже гориста. Смотрю—кош. Это яйла! Небесная!

Но над небесной яйлой разыгралась буря, и я сидел в этом чабанском коше битых четыре дня, а между тем

ни одной минуты не проходило. Надоел мне горячий катык, эта однообразная горно-небесная пища, и стал я сильно скучать, и очень захотелось мне поскорее вернуться домой, в Озенбаш, мою родину. Я обратился к небесному чабану Хавалджи с просьбой помочь мне вернуться домой. Но чабан Хавалджи и слушать меня не хочет, повернулся на другой бок и заснул под мягким войлоком. А я мерзну, как пес, в золе. Вот тебе и небесный кош! Околевал я и мучился, но с места не поднимался до тех пор, пока мне сильно не захотелось на двор. И выскочил я из коша, гляжу—небо от туч совершенно очистилось, и внизу блестит наша любезная земля. Стал я вглядываться, и вижу тебя, выбегающего из фериманшегерской кофейни меня обманывать. На этот твой обман, братец Рахмет, я очень поспешил. Я тихо вернулся в кош, сколько мог схватил обеими руками золы, выбежал из коша и стал из золы вить веревку. Длинную веревку из золы я сплел и крепко привязал ее к уголькам, тлевшим в коше. И убедившись в том, что веревка держится хорошо, я наспех, прощаясь с небесными местами, крепко схватил другой конец веревки и бросился вниз. От быстрого падения я раскачался и долго болтался над Черным морем между Турцией и Крымом. Но ты находился не в Турции у себя, а у меня в Крыму, и я знал, куда взять направление. Я раскачивался все медленнее и медленнее и, наконец, совсем остановился. И тогда я увидел, что вишу, как железный ящик, высоко над Озенбашем, но что от меня до родины моей еще очень далеко.

Что мне было делать? Я достал из кармана нож, рванулся кверху, отрезал большой кусок веревки, рванулся обратно вниз, привязал к концу веревки этот кусок и стал спускаться все ниже и ниже. Когда до нового конца веревки дошел, вижу—опять нехватает, и я продолжаю висеть, как железный ящик, высоко над Озенбашем.

Тогда я плюнул изо всех моих сил и, вцепившись ногами и руками в свой плевок, рванулся к родине моей, пока не достиг этой впадины глубокой меж зеленых гор. Среди всех очагов я быстро отыскал свой. Я так часто по этим местам рассыпал горсти больших и малых обманов, что они пробили в воздухе дорогу прямо к моему дымоходу.

И только я спустился в дом через дымоход очага, слышу—стучат в дверь. Открыл, гляжу—это ты пришел. А мешок моих обманов на месте. Раскрыл я его и приветливо впустил тебя в мешок.

— Твой обман оказался правдой. Я действительно сижу в мешке,—сказал стамбульский обманщик Рахмет озенбашскому мудрецу Ахмет-Ахаю.

III

В Стамбуле жил один искусный обманщик. Услыхал он, что за Черным морем в Крыму проживает лукавый муж Ахмет-Ахай, которого хан лишил должности шута за его слишком смелые шутки.

«Ужели я этого человека не сумею обмануть?—подумал Рахмет стамбульский.—Это бурное море, которое лежит между мною и Ахмет-Ахаем, я переплыву и Ахмет-Ахая так обману, что слава этого обманщика померкнет, как луна на ущербе».

Сел Рахмет стамбульский на торговую фелюгу и поплыл в Крым. Странствующим дервишем оделся и к Ахмет-Ахаю пришел.

— Алла-мисафира — божьего странника прими, — говорит.

Гостя Ахмет-Ахай к себе в дом впускает, дает ему вымыть ноги и руки из кумана.

Сняв обувь, гость ступает по коврам на приготовленное для него почетное место.

Усевшись на тахте, Рахмет стамбульский говорит Ахмет-Ахаю:

— У нас возле Стамбула недавно нашли очень большое яйцо. Из его желтка приготовили обед. Четыреста человек обедали, но не сумели съесть этот желток. Тебе не кажется такое яйцо удивительным?

— Ничуть,—спокойно отвечает Ахмет-Ахай.—Лет десять тому назад, когда мой отец был в Стамбуле, он видел там птицу, одна нога которой доставала до Болгарии, а когти другой ее ноги царапали стены турецкой крепости над большими скалами Босфора...

Рахмет стамбульский не вытерпел и прервал Ахмет-Ахая озенбашского:

— Про Крым когда будешь врать, я перебивать тебя не стану, а про Турцию мою—как смеешь врать и не краснеешь?

— Где ты видишь вранье, дорогой гость?

— Разве такие птицы, как та, которую ты сейчас расписал, бывают? Даже Азретанха-птица, и та не может покрыть один пролив Дарданельский. Врать—ври, но знай, что мера—и для вруна—закон.

— Братец гость,—ответил ему Ахмет-Ахай,—если бы этой птицы не было, яйцо твоего рассказа кто бы снес? Уж не сам ли ты?

IV

Стал Рахмет-челеби рассказывать Ахмет-Ахаю:

— Я сегодня в лесу видел лисицу. Шесть метров длины был ее хвост. Клянусь мудрым Кораном!

Ахмет-Ахай его поправляет:

— Разве у лисиц бывают шестиметровые хвосты? Дальше рассказывать как будешь, за каждый совранный метр я тебя буду один раз палкой по ноге ударять.

— Ладно,—говорит Рахмет,—я, правда, немного преувеличил. Не шесть, а четыре метра. В этом я могу поклясться мудрым Кораном и мудрым Тавретом!

— Люди не видели таких длинных хвостов. Вот тебе по ногам два удара, так и быть, только два удара: один за Коран, другой за Таврет.

— Правильно. Не четыре, но уж два метра, наверняка. Клянусь мудрым Кораном, мудрым Тавретом и мудрым Зюгуром!

— Тоже слишком много. Получай по ногам.

— Два метра, конечно, многовато, но два вершка, клянусь всеми четырьмя мудрыми книгами—Кораном, Тавретом, Зюгуром и Евангелием, в нем было!

Ахмет-Ахай снова ударил по ногам Рахмета.

— Ох, ты, шайтан, зачем бьешь? Думаешь, лисица была вовсе без хвоста?

— Двухвершковых хвостов у лисиц тоже не бывает, и я бил тебя, чтобы ты прибавил вершков.

— В какую же сторону мне, охотнику, врать, чтобы угодить тебе?

— Ври в ту сторону, где лежит правда. Умей врать так, чтобы выдуманная тобою лисица разродилась живым лисенком. Но пусть ножки его не запутаются в шестиметровом хвосте его матери, как запутался язык твой, нескладный выдумщик, в четырехкратном твоём вранье.

О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ ШУТИЛ С МОРЕМ

I

Ахмет-Ахай однажды сказал, посмотрев на море:

— Что за прелестная степь! До чего хорошо бы здесь выпаслась наша баранта!

В это время на море разыгрался шторм, и на воде показались барашки.

— Смотри,—говорит Ахмет-Ахай своей жене,—на этих белоголовых овечек—как они яростно пасутся на этой неистовой земле.

II

Ахмет-Ахай был способный человек. Но вначале, как и творец вселенной, был очень неопытный. Даже моря не видел.

Однажды он прибыл из Озенбаша, где моря нет, в Парте-нит. Видит—очень много воды. И Медведь-гора легла в воду, жадно пьет. Захотел и Ахмет-Ахай пить. Он думал—вода в море такая же сладкая, как в озенбашской речке. Но когда взял в рот этой воды, плюнул и сказал:

— Большая, а глупая. Воды много, но она порченная. Не убрать ли ее отсюда?

Целый день он таскал чапчухом воду из моря и выливал ее. Сколько ни выливал—вода возвращалась обратно в море. Видит Ахмет-Ахай—воды сколько было, столько и есть, опять плюнул.

— Что я затеял? Вода эта—неизмерима, а глупость ее несправима,—говорит.

III

Один человек спросил Ахмет-Ахая:

— Скажи, пожалуйста, почему в море вода пересоленая?

Ахмет-Ахай не любил вопрос оставить без ответа. Он сказал:

— В старое время, в давно прошедшие годы, когда на небе вертелись мельницы и сыпалась на землю манна, когда на земле не чеканилась монета и золото черпали из речек ковшами, крымским френкам надо было засолить пятнадцать тысяч битых свиней. Везли они сюда морем соль. В это время поднялась буря и потопила четыре корабля.

С тех пор вода морская и стала соленая.

— Что ты говоришь? Четырьмя кораблями соли столько воды пересолить разве можно?

— А ты, когда варишь себе пищу, разве не боишься на окка шорбы положить четыре ложки соли? Конечно, если бы один корабль соли пошел ко дну, вода морская была бы в меру соленая, а вот четырьмя кораблями френки и пересолили море.

I

Один человек спросил Ахмет-Ахая:

— Я был у моря. Видно, оно очень большое. Интересно, сколько же в нем воды?

— Ой-ля!—говорит Ахмет-Ахай.—Не много, не мало—всего лишь одно ведро.

— Что ты говоришь? Я взял из моря одно ведро воды, и еще сколько осталось!

— Маленьким ведром черпал—мало взял воды. Ведро большое если у тебя будет—воды и в море нехватит для тебя.

V

Поспорили как-то в Озенбаше—сколько в море воды. Один говорит:

— Сто чапчахов будет!

Другой:

— Ну, что ты? Никак не больше сорока!

Один по чапчаху убавляет, другой по чапчаху прибавляет:

— Девяносто девять!

— Сорок один!

— Девяносто восемь!

— Сорок два!

Спорили долго и решили обратиться к Ахмет-Ахаю. Спрашивают:

— Ты, Ахмет-Ахай, все знаешь. Скажи же нам, мудрый советник, наберется ли в море семьдесят бочек воды или не больше шестидесяти будет?

Ахмет-Ахай:

— Смотря, какие бочки. Моей и одной не наберется.

Удивились озенбашцы:

— Как же так? Мы знаем, ты, Ахмет-Ахай, неправды не скажешь, но, не разгневайся, поверить тебе трудно.

Советник озенбашский и на этот раз убедил озенбашцев.

Что же оказывается?

Бочка его была без дна. Сколько в нее воды ни лей, она не наполнится.

VI

Их было в Озенбаше три добрых товарища: Ахмет-Ахай, Рахмет-Ахай и Махмет-Ахай. Однажды они вышли на обрыв горы Кокчи и увидели глубоко внизу море. Удивились—что такое?

Была у них длинная веревка. Привязали они ее к кушаку Ахмет-Ахая и спустили его с обрыва.

Когда обратно подняли, спрашивают:

— Ну, что там внизу?

Ахмет-Ахай объяснил честно:

— Вода!

— Сколько же ее там?— спрашивают.

— Вы смеяться, может, будете, но я полагаю, что, ежели я рассержусь, всю эту воду выпью одним глотком.

Когда Ахмет-Ахай так сказал, Рахмет с Махметом заинтересовались.

— Посмотрим! Если воду всю эту выпьешь—правду сказал, если не выпьешь—набрехал.

Снова спустили вниз Ахмет-Ахая, а сами, вцепившись в деревцо, смотрят с обрыва, как будет он осушать море.

Ахмет-Ахай рот свой уже раскрыл, но не затем, чтобы воду глотать.

Он товарищам снизу кричит:

— Мне здесь мешают острые камни! Надо переправиться на другую сторону!

Сбросили ему товарищи доску. В ней была дырка. Через дырку Рахмет с Махметом веревку протянули. Лег Ахмет-Ахай на доску и пустился в широкий морской простор.

Лежит Ахмет-Ахай на доске, а волна его уносит все дальше и дальше. Ему, конечно, приятно, и думает он—стоит ли одним глотком уничтожить такое большое удовольствие?

Как плывет наш Ахмет-Ахай, встречается ему вдруг среди воды какая-то чудовищная рыба. Испугался выдумщик и кричит товарищам на берег:

— Назад, назад меня тяните!

Вытянули Рахмет с Махметом назад смельчака на обрыв Кокчи и спрашивают:

— Ну, почему море не глотал?

— Эге, братец мой! Шутишь! Я ведь море брался глотать, а не джанавара!

— Какой джанавар? Где джанавар?

— А вот слушайте. Собрался это я море глотать, вижу—осилю. Рот открыл, глаза закрыл. Вдруг лезет мне в рот чья-то морда. А от нее смрад, яд и огонь. Раскрыл глаза, вижу—из воды высунулась живая гора с головою рыбы, с хвостом змеи, с ногами буйвола. Думаю—осилю его или нет? Ведь у нас в Озенбаше, когда входит в сарай осел и мы ворота ему открываем, нам кажутся эти ворота великими, ибо вслед за ослом верблюды в них проходят свободно. Так вот у джанавара, которого видел в море, рот в три раза больше наших ворот. Поэтому я не дал работы своей глотке, ибо не знал, кому глотать надо, мне или ему.

— Разговор у тебя какой-нибудь с этим морским медведем был?

— Был.

— О чем ты его спрашивал?

— Сколько воды.

— Что он сказал?

— Воды, говорит, немного. К одной капле, говорит, добавляй по одной до конца мира—столько воды всего и будет.

Теперь уже озенбашцы знают—много захочешь проглотить, найдется, кто еще больше тебя сумеет. И с этим знанием возвращаются домой три добрых товарища: Ахмет-Ахай, Рахмет-Ахай и Махмет-Ахай, веревку свою длинную обратно в Озенбаш тащат.

Пришли они домой, когда с минарета призывали на ранний утренний намаз.

Вошли в мечеть. Слышат—мулла кричит: «Алла экбер... бог велик».

Озенбашцы, науку счета усвоившие, думают, что мулла мерит морскую воду каплями и считает: эки—две, бир—одна¹.

«Что ж,—думает Ахмет-Ахай,—и это правильно: если и из одной капли получается две, то почему бы из двух не получиться одной?»

Послушали дальше три товарища, как мулла молится. Наклонив голову, он поет:

¹ Игра слов. Э к-б е р—великий (по-арабски). Э к и—два, б и р—один (по-татарски).

— Эсалям алей-ким...

Озенбашцы думают—мулла спрашивает: «Ким?—кто? Кто, дескать, эту математику открыл?»

Через всю мечеть Ахмет-Ахай ему громко отвечает:

— То аллах морских раздоров! Чудовище бурное, у которого рот—трое ворот.

VII

Вышел Ахмет-Ахай к морю и увидел рыбака на ялике. Когда рыбак приблизился к берегу, Ахмет-Ахай его спросил:

— Ты всегда так передвигаешься?

— Да, всегда.

— Твой отец тоже таким делом занимался?

— Да,—отвечает рыбак.

— А умер он где?

— Умер на море на этом же ялике.

— А дедушка тоже таким делом занимался?

— Да,—отвечает рыбак.

— А где он умер?

— Также, говорят, на ялике.

Ахмет-Ахай вздохнул:

— И ты не бросаешь это опасное дело?

Тогда рыбак обратился с вопросом к Ахмет-Ахаю:

— А ты чем занимаешься?

— Я занимаюсь шутством и сочинительством. Смеюсь и пою,—сказал Ахмет-Ахай.

— А где ты живешь?

— А живу я на всей земле.

— А спишь ты где?

— А сплю я на яйле, в коше своем, на золе.

— А отец твой на чем спал?

— На том, что и я.

— А умер он на чем?

— На той же золе.

— А дедушка?

— Также, говорят, на золе.

— Как же ты после этого, веселый человек, не боишься спать там, где умер твой отец, дедушка и где, вероятно, умрешь и ты, хотя пока весело плаваешь среди своих шупток, как я среди этих волн?

О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ БЫЛ ГАДАЛЬЩИКОМ

Нищим и бездомным человеком приехал Ахмет-Ахай в Стамбул. Одну фал-кетаби—гадательную книгу—взял и сел возле хамама.

Сидит Ахмет-Ахай возле хамама и рассуждает:

— Чего эта книга моя мудрая знает? Чего эта книга моя мудрая не знает? Дождь ли будет, ветер ли будет—она не знает. Богат ли буду, беден ли буду—она не знает. Когда умру, когда опять родиться сумею—она не знает. Как звали меня, как зовут, как будут звать—она не знает. И всего остального тоже не знает. Но была бы умна моя голова, ей и глупая книга всякую мудрость подскажет.

Дочь стамбульского падишаха с сорока девушками шла в хамам. С ее руки богатое кольцо украли, а кто—она не знала. Увидела гадальщика и сказала:

— Прекрасное кольцо у меня было, и нет его. Не скажет ли твоя гадательная книга, кто взял его?

Ахмет-Ахай, ничего не понимавший в гадательстве, говорит дочери падишаха:

— Конечно, моя фал-кетаби все видит, и тебя видит, и меня видит, и кольцо.

Та из сорока девушек, что кольцо взяла, испугалась, покраснела и тут же призналась, что украла кольцо.

Ханым своему отцу-султану сказала:

— Новый гадальщик появился, ловок он в находжении пропаж.

Султан потребовал Ахмет-Ахая к себе.

В этот день, гуляя, падишах уронил кольцо и не мог его найти. А кольцо проглотила курица.

Падишах говорит Ахмет-Ахаю:

— Одну круглую вещь я имел и потерял. Если ты хороший фалджи, угадай, что я потерял, и найди это. Не угадешь—голову твою снимет мой джеллят.

Ахмет-Ахай думает—уже пришел его последний час.

«Перед смертью я хочу одну курицу скушать»,—подумал он и попросил об этом султана.

Одну курицу ему падишах дал. И это была та самая курица, что проглотила кольцо.

Когда зарезал Ахмет-Ахай курицу, нашел кольцо. Принес падишаху. За это падишах подарил ему кесет золота.

Но Ахмет-Ахай боится:

— Один раз удача, другой раз, если не будет, голова с плеч.

Сумасшедшим тогда притворился. В нижнем белье он сел на осла лицом к хвосту. Поехал мимо хамама.

А султан в это время в хамаме был. Ему служители и говорят:

— Смотри, султан, твой фалджи сумасшедший. Как он едет!

Когда султан выбежал посмотреть, свалился в бане потолок.

«А-а,—подумал падишах,—он дома гадал по своей книге и увидел—потолок упадет. Хотел меня спасти, не успел одеться, поспешил, сел даже лицом к хвосту осла, он спас меня».

За это дал ему мешок золота.

Ахмет-Ахай сказал себе:

— Я хотел притвориться дураком, а глупость моя обернулась умом. Второе испытание я выдержал, но в третий раз могу погибнуть.

Ахмет-Ахай боится султану показаться на глаза, даже присниться ему боится. Он прячется в саду.

А султан гулял среди деревьев, и стрекоза села ему на ладонь. Он закрыл ее и велел позвать Ахмет-Ахая.

Служители султана нашли гадальщика. Султан сказал: — Угадай, что в руке у меня, иначе голову потеряешь. Ахмет-Ахай испугался и уже хочет признаться, что два раза обманул он султана.

Помолчал и так сказал:

— Один раз пролетел, другой раз пролетел, в третий раз попался.

Тогда султан Стамбула раскрывает ладонь и говорит:

— И в третий раз ты угадал. Теперь будешь моим постоянным гадальщиком.

Тридцати девяти своим старым фалджи султан отрубил голову, а Ахмет-Ахаю подарил бочку золота.

Ахмет-Ахай сказал:

— Ложь моя и в третий раз оказалась правдой, но у меня только одна голова.

Он нанял фелюгу, бочку золота погрузил и отплыл из Стамбула.

Но случилась на море буря, и фелюгу разбило. Бочка с золотом утонула. Ахмет-Ахай добрался до берега и вышел на крымскую землю таким же нищим, каким отсюда ушел.

АХМЕТ-АХАЙ — УБОРЩИК

ХАНСКОЙ ГРУСТИ

1. О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ ПООБЕЩАЛ ХАНУ МЕШОК СМЕХА ЗА БОЧКУ СЛЕЗ

какие-то времена далекие, прошедшие, было это или не было, когда верблюд был банщиком, а кошка святым паломником, когда осел был глашатаем, а бык сочинителем, когда минареты танцевали под дудку пастуха, а башни изрыгали напевы, шел Ахмет-Ахай лесом, и повстречался ему бахчисарайский хан, любитель охоты, верхом на добром коне с дорожным шатром-балаганом. Вот слез повелитель людей с лошади, расставил балаган, поручил своему псу Чапыку гоняться за зайцами, а сам выбрал приятное местечко под одичавшим грушевым деревом, развел костер, поставил на огонь свой кофейник.

Увидя это, Ахмет-Ахай озенбашский забрался на дерево и стал сверху наблюдать, что под ним происходит.

Пока пес Чапык возился с таушаном, хан холодил веером свое разгоряченное лицо, а дядюшка Ахмет сверху смотрел,—что за жизнь у этого сына Адама!

До его ноздрей стал доходить пар кипящего кофе. Ему захотелось пить, и он, сорвав несколько спелых диких груш, стал их высасывать.

В это время пес Чапык подошел к самому дереву серого таушана. Хан уже собирался схватить ружье, но закипело кофе, и он кинулся к кофейнику. Пока хан обернулся, заяц убежал, а кофе выкипело. Разъярился властелин. В это время заметил он на дереве Ахмет-Ахай и грозно закричал:

— Я лишился пищи и питья! Теперь твою голову срежет мой джеддят.

— Шах-ин-шах,—сказал Ахмет-Ахай,—по вашим словам я понимаю, что вы падишах. Но уж если вам так хочется рубить головы, рубите себе, ибо ваша, видно, управлять не умеет. У вас есть два глаза. Если бы у вас была действительно падишахская голова, то одним глазом вы могли бы смотреть на кофейник, другим—на таушана. У вас, шах-ин-шах, две руки. Если бы они действительно были падишахские, то вы могли бы одной рукой стрелять в таушана, а другой взяться за кофейник и снять его с огня. Но, видно, плохо работает у вас то, чего имеется больше, чем по одному. Хорошо работает только нос, который чует запах жареного, когда заяц еще не пойман, и запах вареного, когда кофе еще не готово.

Падишаха возмутили эти дерзкие слова, и он закричал:

— Как ты смел войти в этот лес? Ведь в нем охочусь я, султан людей и домов!

Ахмет-Ахай не испугался и говорит:

— Вот охотишься ты здесь, султан людей и домов, и у тебя ничего не выходит, а вот поохочусь я, султан зверей и деревьев, и поймаю то, что захочу.

Подумав, что перед ним знаменитый охотник, хан решил иметь с ним диван насчет охоты. Но Ахмет-Ахай сказал:

— Я не родился на диване и не хочу на диване помирать.

— Сынок, голова твоя будет цела. Я угощу тебя.

— Хан ханов! За жаркое, еще не побывавшее у вас во рту, за дичь, еще не бывшую у вас в руках, вы хотели

мне снять голову, которая нам лишь однажды дается. Чем мне пить твое опасное кофе, лучше я нарден из кислых груш себе выжму и выпью за счастливый исход твоего путешествия, о хан, в эти дикие леса.

— Ты знаменитый охотник?

— При мне, падишах, полное охотничье снаряжение. Что захотите—все застрелю.

— Неужели так метко стреляешь?

— Да, падишах, в этом ты можешь убедиться сейчас же.

Падишах надел оружие и сел на своего рысака, а Ахмет-Ахай отошел в сторону, достал из дупла дерева шкуру осли, надул ее, взял ее между ног, захватил свою палку и отправился как бы верхом на осле.

Выехали они на высокий бугор, стали осматриваться. Тут с моря показалась черная грозовая туча.

Падишах увидел—испугался, а Ахмет-Ахай на тучу и внимания не обращает.

Туча подошла ближе и разразилась дождем. Хан повернул рысака—удирать. Подскакал к одному лесному балагану и забрался на балкончик.

Ахмет-Ахай пережидает дождь. А чтобы рубашка не промокла, снял ее и спрятал в дупло.

Когда дождь кончился, он достал из дупла шкуру зайца, набил ее кислыми грушами и пошел к ханскому балагану.

И видит хан—Ахмет-Ахай едет, на плече у него—один убитый заяц.

Ахмет-Ахай, совсем сухой, полез на балкон и подает хану зайца.

Падишах спрашивает:

— Как ты, Ахмет-Ахай, не промок под таким сильным дождем?

Ахмет-Ахай отвечает:

— Падишах, скакун, которого я имею, не простой скакун. Мой скакун в образе осли—летучий. Как только показалась туча и гром загредел в дождях, мой ослоликий возница поднял меня к самому солнцу, и дождь меня не касался. Ведь я сидел на тучах выше дождя.

Затем Ахмет-Ахай так сказал падишаху:

— Дождь кончился, теперь, падишах, вы сядьте на моего рысака летучего, а я сяду на вашего.

Падишах согласился.

Сел Ахмет-Ахай на рысака ханского, а хан сел на надутую шкуру осла.

Выехал Ахмет-Ахай на Кая-баш-гору, смотрит, с северной стороны идет сильная хмара. Повернул ханского рысака, прискакал к ханской стоянке. Полез на балкон и смотрит. А падишах изо всех сил гонит Ахмет-ахаева рысака под облака и не может убежать от дождя.

Хан измок, лица не видно, похож на шайтана. Ахмет-Ахай с балкона смеется:

— Эх, ты, шайтан-обезьян, ведь от дождя, который падает с такой высоты, уходить надо в землю. Вот видишь, не тебе, а мне бы падишахом быть.

Падишах думает—Ахмет-Ахай смеется, и говорит:

— Ты хорошо шутишь, будь падишахом моего смеха.

— Я сумею, конечно,—сказал Ахмет-Ахай,—быть падишахом твоего смеха, а ты, конечно, сумеешь, властелин, быть падишахом моих слез.

Тут же отправились они в ханский сераль, и повелел властелин преобразить Ахмет-Ахая. Кинулись ханские служители к Ахмет-Ахаю, надели ему на голову шутовской каук, подарили ему широкие шаровары и джупше, сшитое из материй разных цветов—снизу черное, сверху белое, а посередине красное. И сказали Ахмет-Ахаю:

— По фирману его ханского яносяния вам придется нашему повелителю каждый день веселые слова говорить. Много слуг у падишаха, но нехватает ему среди них забавника. Нехватает ему такого человека, который мог бы грусть его убрать веселым рассказом, скорбь судьбы его вымести умным словом, мусор печали из сердца его удалить, как пыль с дороги удаляют густолиственным венником.

Так сказали ханские служители. Ахмет-Ахай подумал-подумал—и потом:

— Эх,—говорит,—пришлось и мне, умному, попасть в дураки. Ну, ладно. Мы уж с ним договорились. За каждый мой смешок мне от него полагается слезинка. Я ему насмею мешок смеха, а он мою бездонную бочку наполнит моими же слезами.

Поселился Ахмет-Ахай рядом с дворцом в маленькой собачьей конурке, и поставили ему условием, чтобы он был

уборщиком ханской грусти и не переставал бы говорить смешные слова и делать смешные дела, хотя бы во вред себе, но на пользу властелину.

Так волей или неволей сделался Ахмет-Ахай шутком ханским.

2. О ТОМ, КАК МАСКАРА ПРИСТЫДИЛ ПАДИШАХА

тал Ахмет-Ахай у крымского хана шутком. До того смешит падишаха, что хана в воздух от смеха поднимает.

— Рассмею его,—сказал Ахмет-Ахай—так, что он улетит из крымского ханства. Из бездонной моей бочки я этого смеха могу набрать хоть целое море.

Но крымский хан, этот любитель посмеяться, был ужасный скупец. Мясом Ахмет-Ахая не кормил, а заставлял его в лесу охотиться, и что поймает, пусть и кушает.

Для охоты Ахмет-Ахаю нужна была охотничья собака, но хан ему не дал.

Несколько времени прошло, падишах приглашает визирей и пашей к себе на эйлик. Ахмет-Ахая он тоже пригласил, но предупредил, что угощать его ничем не будет. Сказал—пусть если что имеет съедобного, с этим и приходит на ханский эйлик.

Ахмет-Ахай поймал одну чабанскую лохматую собаку, многошерстную, как овца, с глазами, заросшими шерстью, и пошел к падишаху на эйлик. Пса своего привязал к столбику на дворе.

Когда сошлись визири и паши во дворце, они покушали, попили и стали голодного Ахмет-Ахая просить, чтобы он рассказал им что-нибудь смешное.

Все они были охотники. Ахмет-Ахай охотничий разговор и начал:

— Падишах-эфенди, господин мой,—сказал он, обращаясь к падишаху,—ты охотник, и я тебе одну собаку привел для охоты. Могу подарить. Посмотри ее, могущественный.

— Где она?—спросил хан.

— На твоём дворе. Подождите, я ее введу во дворец.

— Не надо,—говорит падишах,—зачем мне собака во дворце? Мы пойдем во двор, посмотрим ее.

Все визири и паши поднимаются и, фонарем освещая путь-дорогу, выходят во двор, посмотреть, что за пса привел шут. Посмотрели — оказывается, это чабанский ворах, лохматый, грубый, глаза закрытые. Для охоты такой не годится.

— Эта собака разве охотничья?—спрашивает падишах.—У охотников разве такие бывают?

— А какие же бывают?

— Нос длинный, ноги длинные, брюхо тонкое, хвост крючком, тоже длинный.

— О-о,—говорит Ахмет-Ахай,—разве это недостаток? Как станет ваша скупая рука подавать пищу этой овцеподобной собаке, она станет так худа, что вы еле будете ее видеть. Ведь кормите ее вы, конечно, будете, как меня кормите. Побудет у вас небольшое время этот толстый пес и станет тонкобрюхой собакой.

Устыдил маскара падишаха, но не рассердился падишах на своего шута.

3. О ТОМ, КАК ХАНСКИЙ ШУТ СТАЛ К ТОМУ ЖЕ И СЧЕТОВОДОМ

Однажды хан наказал Ахмет-Ахаю купить ему на базаре одну жареную курицу. Эту курицу Ахмет-Ахай принес, и хан попросил его разделить ее по справедливости. А были у хана две дочери, два сына и жена.

Ахмет-Ахай взял нож, отрезал голову курицы и отдал падишаху:

— Как глава семьи, получай голову.

Хвост он отдал жене падишаха:

— Жена,—говорит,—хвост мужа, получай куриный хвост.

Крылья он отрезал и отдал ханским дочерям:

— Скоро будете улетать из дома ханского, берите крылья.

Потом отрезал Ахмет-Ахай куриные ножки и отдал их двум сыновьям хана:

— Вы будете уходить в дальние дороги, возьмите ноги.

А себе взял всю середину:

— Я сижу посредине,—говорит,—мне ли приближаться к краям?

За это падишах Бахчисарая дал ему мешок пшеницы.

А муфтий ханский увидел у Ахмет-Ахая на плечах мешок пшеницы и заинтересовался:

— Как тебе удалось это получить?

— У меня была,—говорит Ахмет-Ахай,—курица. Отнес я ее хану, и дал он мне за нее мешок пшеницы.

Муфтий тут же пошел на базар, купил пять огромных кур и пять больших порожних мешков для пшеницы и отнес их бахчисарайскому хану. Хан принял подарок и предлагает муфтию:

— Вы принесли мне пять кур, разделите их между шестью душами моей семьи.

Сколько муфтий ни хитрил, не мог придумать, как разделить пять кур между шестью душами.

Пришлось хану опять позвать Ахмет-Ахая. И просит он его:

— Раздели между нами шестью пять кур.

Ахмет-Ахай взялся за дележ и говорит:

— Падишах и его жена—пара, вместе с одной курицей их будет три. Две дочери падишаха и одна курица—тоже три. Два сына падишаха и одна курица—опять три. Один я и две курицы—опять три. Что касается муфтия, то я подсчитал, что муфтий, коран и мечеть—тоже составляют тройку.

Падишах, полный восторга, воскликнул:

— О, Ахмет, как хорошо ты знаешь правила деления и правила сложения!

И назначил его своим счетоводом.

4. О ТОМ, КАК ИСПУГ РОЖДАЕТ ЧУДО

Однажды Ахмет-Ахай купил для хана на базаре жареного гуся, но по дороге не выдержал искушения, оторвал одну ножку и съел. К счастью для хана, базар был от дворца близок, и в дороге пострадала только одна гусиная ножка.

Когда он принес покупку и отдал ее хозяину, тот заметил, что одной гусиной ноги как не бывало.

— Что же случилось с гусем,—спрашивает он Ахмет-Ахая,—куда девалась его вторая нога?

— Хан-эфенди,—говорит, ничуть не смущаясь, Ахмет-Ахай,—с сегодняшнего дня, оказывается, все гуси Бахчисарая сделали одноногими. Если не верите, пойдемте к вашему слезному фонтану и посмотрим.

Была зима.

От холода ханские гуси поджали по одной ножке к животу и стояли каждый на одной ноге.

Тогда хан приказал принести даул и велел ударить по нему колотушкой.

Испугавшись шума, ханские гуси стали на обе ноги и побежали.

— Ну, что,—говорит хан,—попался? Сознаться, где вторая гусиная нога?

— Падишах,—говорит Ахмет-Ахай,—испуг рождает чудо. Ты испугал гусей и обогатил их ногами. Но если этой колотушкой испугать тебя и ударить ею по твоей голове, ты не то что на двух, а на четырех ногах убежишь отсюда.

Хан посмеялся находчивости Ахмет-Ахая и дал ему за это щепотку табаку.

5. О ТОМ, КАК ШУТ ЧУТЬ БЫЛО НЕ РАЗМЕНИЛ ВСЮ ХАНСКУЮ КАЗНУ НА ЧЕБУРЕКИ

Однажды Ахмет-Ахай на себя шкуру ишака надел и стал по-ослиному реветь перед ханом.

— Ты чего реवेश по-ослиному?—спрашивает хан.

— Это я забавляю тебя,—сказал Ахмет-Ахай.

— Почему ослиным ревом?—гневно спросил хан.

— Потому, что верблюжьего ты бы не выдержал, хан.

Назавтра Ахмет-Ахай сделал из этой ослиной шкуры большой даул.

— Теперь я буду тебе,—сказал шут хану,—отбивать дробь. За каждый удар по барабану плати один жирный чебурек.

Хан согласился. В первый же день Ахмет-Ахай набарабанил три казана чебуреков, а скушать их сам не сумел. Пришлось отдать чебуреки ханскому псу.

Рассердился хан на Ахмет-Ахая и закричал:

— Ах, ты,—говорит,—собачий хвост! Ты что, хочешь пробарабанить всю мою казну? Или хочешь, чтобы мой пес съел меня?

Ахмет-Ахай смиренно ему ответил:

— Не понимаю тебя, повелитель. Рев живого осла тяжел тебе. Звук, издаваемый шкурой мертвого осла, тяжел тебе. Ты боишься, что я пробарабаню всю твою казну? Отдам ее на съедение собаке? Так успокойся, властелин. Дабы казна твоя вернулась к тебе обратно,—что набарабаню, все тебе отдам. Съедай свои чебуреки сам!

6. ШУТКИ ОДЖАХА

Однажды хан Бахчисарая задумал перехитрить Ахмет-Ахая и, обратившись к нему, сказал:

— Я задам тебе одну задачу, если выполнишь, награжу, а не выполнишь—сниму голову.

— Твое дело—сказать, мое—сделать.

И сказал хан:

— Из дворца моего выйди и обратно войди, но никого по дороге не задевай, ни к чему не прикасайся. Если кого заденешь—чем заденешь, того я тебя лишу.

Как вышел Ахмет-Ахай из дворца, хан поставил сто караульчиков. Загородили дорогу— не проползет вошь, не пролетит мошка.

Как же шахаджи проник во дворец к хану? А вот как.

Лестницу он к крыше подставил, по лестнице взобрался на крышу, через дыру крыши пробрался и очутился в оджахе, и вот он у хана.

Властелин уже спал, думал—Ахмет-Ахай его не будет беспокоить. Спустился шут, раскатисто захохотал и говорит:

— Плачь, хан, старость, побелив тебе волосы, притупила твой ум. Разве мне, мудрецу озенбашскому, такие дурацкие задачи решать? Но радуйся! Ты узрел чудо. Вот оджах, в нем свирепый огонь, рождающий страшных конджолосов. А сейчас дух пламени обернулся шутом. Так чего же ты не радуешься, о хан? Я не сжигаю тебя, не испекаю тебя. Так смейся же моей разумной шутке, не то я посмеюсь над неразумным гневом твоим.

7. О ТОМ, КАК ПРИВЫКАЛ АХМЕТ-АХАЙ К ХАНСКОМУ ГНЕВУ

Однажды падишах сказал Ахмет-Ахаю: — Сделай, мой шахаджи, проступок. Провинись, чтобы я на тебя очень рассердился. Когда же начну тебя ругать, ты не пугайся, а ствешь мне, чтобы я еще больше разгневался. Так ты будешь к моему гневу привыкать и не станешь бояться смешить меня.

— Хорошо, — сказал уборщик ханской грусти и тут же скрылся с глаз властелина. Он спрятался под лестницей и стал ждать, когда по ней пойдет хан.

Поднимается хан в гарем.

Выскочил Ахмет-Ахай из-под лестницы и схватил хана в объятия.

— Что ты делаешь со мной? — закричал падишах.

— Извините меня, шах-ин-шах. Я думал — это ваша ханым идет.

Падишах хотел было прикрикнуть на шута, но Ахмет-Ахай поймал снизу ханское джуше и приколотил его гвоздем к лестнице.

— Что ты делаешь там внизу? — закричал падишах, еще больше рассердившись.

— Извините меня, шах-ин-шах. Я думаю — вам высоко подниматься приятно, и желаю вас прикрепить к этому восхождению. Подождите меня здесь. Я сейчас вернусь.

Выбежал Ахмет-Ахай во двор, надел на себя бочку без дна и вернулся к ханской лестнице. Видит — хан оторвал свое джуше и поднимается вверх по ступенькам.

... ковыляет за ним бочка!

Ахмет-Ахай побежал вслед за ханом.

Обернулся властелин, с гневом спрашивает:

— Ты куда, сын Иблиса?

— Я несу, о хан, в этой деревянной моей одежде бочку в твой гарем,—загудел Ахмет-Ахай в ответ.

— Зачем?

— Может быть, ты вздумашь какую-нибудь из неверных гурий твоих примерно наказать. И тогда нужна тебе будет моя посудина, чтобы, посадив неверную внутрь, засмолить ее и бросить в море.

— Почему же она у тебя бездонная?

— Потому что всех жен твоих побросать туда надо. Все они неверные...

— Что говоришь?

— И не только жен, но и гнев твой, шах-ин-шах, можно будет вместе с ними бросить в море. В бочке моей для всего найдется место. Чего не смеешься, падишах? Ты видишь, я разжег твой гнев, как ты велел мне, и так привык к нему, что даже приготовил место, куда его упрятать.

Посмотрел падишах и видит—ковыляет вслед за ним бочка на босых Ахмет-ахаевых пятках. Рассмеялся падишах и согнал шута с гаремной лестницы.

8. О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ ПРИНЕС ХАНУ ДВА ПЛАТКА ЗЕМЛИ С БЕЛОЙ ГОРЫ

ассердился хан на Ахмет-Ахая и захотел выгнать его из дворца и говорит ему:
— Чтобы больше твои ноги не ступали по моей земле. Если ослушаешься, я вырежу из тебя ту часть твоего тела, которая производит смех. Короче—снесу голову.

Что было Ахмет-Ахаю делать?

Отправился он на Белую гору, накопал там два платка белой земли, обмотал свои ноги под чарыками этими платками, полными земли, и в таком виде ходит перед дворцом среди ханских тополей.

Увидел его падишах с крыши дворца и грозно закричал:

— Я же тебе, ничтожный червь, указывал, чтобы ты не ходил по моей земле. Где мой палач? Он отрубил твою несчастную башку, ослушник.

Ахмет-Ахай так отвечал падишаху:

— Мои ноги, ваше падишахское могущество, и не думают ходить по вашей земле. Да им и не к чему это.

— Как?—вскричал разъяренный падишах.—Ты смеешь нагло отрицать то, что видят мои глаза? Или, думаешь, я ослеп?

— А если ты не ослеп, то посмотри, могучий падишах. В моих чарыках земля с Белой горы, с Тепе-Кермена. Я взбирался вчера на ее кручи и наломал себе два окка белых твердых камней. Истолок я камушки те в порошок, и это есть земля, и я по ней ступаю. Смотри, падишах.

Грозный хан посмотрел на два платка с белой землей в чарыках шута и расхохотался так, что чуть не лопнул.

9. О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ БРИЛ СВОЕГО ПОВЕЛИТЕЛЯ

Однажды падишах сказал Ахмет-Ахаю: — Сегодня ты будешь брить мои щеки, но с места если двинешься или меня сдвинешь— не видать тебе больше ни утреннего солнца, ни луны ночной.

Ахмет-Ахай усадил падишаха и стал его брить.

Одну щеку побрил, но, чтобы побрить вторую, ему надо было или перейти на другую сторону или повернуть хана к себе.

Как быть Ахмет-Ахаю? Если так сделает, ему завтра смерть. Долго думать он не имел времени. Как ударит по лицу падишаха! Хан, тут же повернув к Ахмет-Ахаю щеку, которую требовалось брить, закричал «вай!»

Ахмет-Ахай молча добрил падишаха и сказал:

— Хотя я и занозил свою ладонь о твою щетину, я испытываю радость, падишах! Я остался жив, и глаза мои наслаждаются сиянием твоих отлично выбритых щек, одна из которых горит, как утреннее солнце, а другая льет бледный свет ночной луны.

— А, ты хотел бы, чтобы и эта горела, как солнце? — закричал рассерженный хан, сбросил пешкир и быстро вышел.

10. О ЧЕМ РАССКАЗАЛ ЛЮДЯМ И ХАНУ КОЛОДЕЦ ИЗ СКАЗКИ АХМЕТ-АХАЯ

Видел хан бахчисарайский, что Ахмет-Ахай становится все умнее и слава о его мудрости распространяется в народе. И подумал властелин, что может она вознестись выше Чатыр-дага и превзойти его ханскую славу, и тогда окажется, что ничтожный раб—червь, ползущий у его ног, стал большим соблазном для народа.

И вздумал повелитель упрятать славу шута и запретил говорить о мудрости Ахмет-Ахая.

Но говорить стали еще больше. Этим запретом хан, как кузнец горн, раздул славу шута.

Встревожился хан Бахчисарая и стал печален. И опять пришлось ему обратиться к Ахмет-Ахаю, чтобы грусть его он убрал каким-нибудь веселым рассказом.

И Ахмет-Ахай начал так:

— От чего бы это ни случилось, но рассказывают, что у одного из больших падишахов земли вырос как-то на лбу рог, и тяготился падишах этим, и закутывал голову сарыком, и прятал от взоров людей повор своего чела. И никто не знал об этом несчастье головы падишаха и не узнал бы, если бы у падишаха не росла борода, которую необходимо было часто брить. Так как без брадобрее падишах обходиться не мог, то поставил он у дверей дворцовой цырюльни евнуха, и, когда приходил новый брадобрее, евнух тихим голосом оповещал его, что если, брее повелителя правоверных, он скажет ему: «Падишах, что у тебя на лбу?»—то сразу умрет жестокой смертью. Если же смолчит при падишахе, а уйдя, разгласит, карающий меч властелина все равно достигнет его и жизни лишит.

Через год брадобрее в государстве вывелись, и некому стало брить рогатого падишаха. Тогда падишах объявил: «Кто побреет меня, получит кесет золотых монет».

А жил в том государстве один бедняк-дровосек со старушкой-матерью. Когда о золотозвонном фирмане дровосек услышал, захотелось ему облегчить страдания своей старушки-матери, и он сказал ей, что уходит брить падишаха.

— Сынок,—говорит бедная старушка юному своему сыну,—ты избрал опасную дорогу. Кто этого падишаха брил, живым не возвращался.

Но настойчив был сын. Не переставали сверкать перед ним золотые монеты. И уговорил он мать.

Подоила старуха свою грудь и замесила на этом молоке немного теста, испекла лепешку, дала сыну и говорит:

— Как войдешь к падишаху, сейчас же разломи лепешку пополам, половину сам съешь, а другую половину дай съесть падишаху.

Сделал дровосек, как велела ему старая мать. Вошел он к падишаху, сейчас же достал лепешку, разломил ее пополам, сам поел и дал падишаху.

Стал он брить падишаха, увидел рог на его лбу и очень удивился. А падишах ему говорит:

— Теперь, когда ты уже побрил меня и лицо твое исказилось от удивления и ты готов спросить о том, чего спрашивать не должен, мне по обычаю моему следовало бы тебя убить. Но я ел лепешку, замешанную на молоке твоей матери. Мы молочные братья, и губить тебя я не могу. Поклянись же никому не сказать о том, что видел на лбу своего властелина.

Дровосек дал падишаху эту клятву, вышел из дворца живым.

Все бы хорошо. Золото—в кармане. Но вот беда. По выходе из дворца дровосек заметил у себя на шее опухоль. Идет он, идет, а шишка все больше становится.

Сколько к врачам разбогатевший бедняк ни обращался, исцеления не получал. Дошел он и до Лукман-хекима, мудрейшего и знаменитейшего из врачей. Выслушал его премудрый и сказал:

— Есть у тебя тайна—никому не можешь ты ее открыть. А желание говорить—бурлит в тебе, как горный источник. От молчания, сдерживаемого силой, растет у тебя шишкан, и будет эта опухоль расти, пока ты не выскажешься.

В глубокий колодец спустишь, и там, на дне, скажи свой секрет. Никто не услышит его, а ты вылечишься.

И бедный дровосек сделал, как указал мудрый врач. Самый глубокий колодец нашел, спустился и тихим шопотом воде сказал, что у падишаха на лбу рог. И когда поднялся из колодца, видит—Лукман-хеким помог: шишкана как не бывало.

Кончились мучения брадобрея, но не кончился этот масал.

Через какое-то время на дне колодца выросло из воды два камыша. А вблизи чабан пас овец. Поил он как-то свою баранту и заметил на дне колодца камыши. Он срезал один из них и приделал к своей тулун-зурне. И потом, как начал играть, такие звуки-слова получились: «У падишаха на лбу рог». Других песен не играла тулун-зурна.

Так и разгласил чабан секрет падишаха, что бросил в колодец дровосек-цырюльник.

— Знай же и ты, повелитель города садов,—что ни говори, где ни говори, кому ни говори,—секрет твой рас-свистят по всему миру.

Понял хан, зачем Ахмет-Ахай рассказал эту сказку—где ни прячь, как ни прячь, от кого ни прячь—славу мудреца не скроешь от народа.

11. О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ ПОТЕРЯЛ ДВЕ РЕДЬКИ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

днажды падишах крымский велел прокричать глашатаю:

— Именем яносящего! Провозглашается его воля! И в тех выражениях, которые он определил! Пусть каждый, кто любит меня, приносит в сераль свой подарок! Я определю по его подарку, как сильно он любит меня!

Жители столицы—кто чувствует любовь к хану и кто не чувствует ее—несут в хан-сарай золотые миски, дорогие камни, ценных животных,—кто что имеет.

Шахаджи ханский, Ахмет-Ахай, подумал, что и его

доля в этом должна быть и от него должен попасть к хану подарок, отвечающий его чувствам к властелину.

После недолгого раздумья шут отправился на ханский баштан, выкопал две огромные редьки, положил в большую таловую чашу с водой и отправился во дворец.

У входа в сераль Ахмет-Ахай споткнулся и упал. Вода из чаши выплеснулась, а редьки куда-то закатились.

Искал-искал—не нашел. «С пустой чашей,—думает,—итти неудобно». Пошел опять на баштан и сорвал два огурчика.

Эти огурчики Ахмет-Ахай положил перед властелином на софру с драгоценностями.

Падишах, как увидел такой ничтожный подарок, схватил огурцы и закричал:

— А-а! Так вот, как ты меня любишь?—и вбил эти огурцы Ахмет-Ахаю в рот.

Прожевал Ахмет-Ахай свой подарок, сел на землю перед падишахом и громко рассмеялся.

— Чего смеешься, ничтожество?—спросил падишах.

— О хан! Да прольется сладость иных плодов в твой благословенный желудок!—воскликнул Ахмет-Ахай.—Уважение мое к тебе, конечно, больше этих двух маленьких огурчиков. Я его измерял двумя огромными редьками и нес их к тебе в деревянной чаше с водой, чтобы мое уважение преподнести тебе хоть и горьким, но чистым, без примеси земли и червей. И вот я смеюсь. Думаю—если бы на этой почтенной софре лежали мои огромные крепкие редьки, вырытые на твоём баштане и потерянные на пути к тебе, что было бы теперь с моим несчастным ртом?

— Сто чертей твоей бабушке в зубы!—вскричал разгневанный хан.—Ты насмехаешься над своим повелителем! Горе тебе! Ты приговорен к смерти! Род казни выбирай сам. Что хочешь? Сгореть на огне, потонуть в воде или потерять голову? Думай мало, быстро выбирай.

Ахмет-Ахай медлил с выбором. Хан рассвирепел:

— Твоей жизни конец. Говори последнее желание.

— Падишах,—ответил ему Ахмет-Ахай,—если ты уверен, что мне так необходимо сейчас же умереть,

то перед смертью печальной моей одну веселую просьбу к тебе имею.

— Какую?

— Ответь мне на мой глупый вопрос.

— На какой?

— А вот на какой: ты будешь когда-нибудь умирать на этом свете или, не умирая, уйдешь на тот?

Падишах:

— Я ведь не растущий на этом свете дуб, из которого, когда он еще жив, сколачивают гроб для другого мира. Конечно, и я когда-нибудь умру.

— Когда ты будешь умирать, смерть для тебя кто выберет? Не знаешь? Тогда позволь тебе рассказать сказку.

Однажды падишах зверей объявил через верблюда-глашатая, что завтра состоится эйлик по случаю его свадьбы, и все звери его бейлика обязаны на этой свадьбе быть, и каждый должен принести подарок. А кто к назначенному времени не придет и подарка не принесет, того растерзает хан зверей.

Звери пришли в назначенный час ко льву, и каждый притащил долгогривому своему падишаху подарок из того, что имел.

А длинноухий осел встал с утра пораньше, сделал все, что ему полагалось сделать, и, собрав в копыта весь запас своей глупости, захотел подарить падишаху зверей содержимое одного из своих четырех копыт. Чтобы не опоздать, осел вышел из дому рано и шел быстро, но времени еще оставалось много и спешить было незачем. Осел решил покружить—погулять, чтобы пустить на ветер время.

Шел-шел, и вдруг перед ним гирло—ни перепрыгнуть, ни переплыть, ни перелететь, разве только обойти кругом. Но если он пойдет кругом, то опоздает. Если вернется назад—опоздает. Неминуема смерть. Что бы ты, падишах, стал делать на его месте?

— Не придумаю, что бы я стал делать,—сказал после долгого раздумья хан.

— Если так, о сельсебиль неиссякаемой справедливости, о бездна неизмеримой мудрости, как же ты хочешь, чтобы я в один миг так легко перескочил через океан

моей великой любви к один раз бывающей жизни, когда даже ты, хан, как и тот осел, не смог преодолеть маленькое дорожное затруднение и перебраться через узенький морской залив?

И падишах отменил Ахмет-Ахаю казнь.

12. О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ ПЕРЕСЕЛ С КОЗЛА В ЯЛИК

днажды рано утром хан дает знать Ахмет-Ахаю:

— Пешком не иди, лошадыю не пользуйся, дорогами чтоб не шел и без дорог не прошел бы.

Прибудь ко мне, шахаджи, ногами земли не касаясь.

Думал Ахмет-Ахай от восхода до заката, но желтое солнце не помогло ему так, как богачу помогает золото. А когда пришла ночь, помогла луна. Указала она ему на козла, выходявшего из лесу. Лег на него Ахмет-Ахай, руками взялся за его рога, ногами сжал его хвост и так, плотно охватив козла, ночью прибыл к хан-сараяу и, не слезая с животного, въехал в приемную дворца.

Увидя это, властелин расхохотался и говорит:

— Слезай с козла и расскажи мне какой-нибудь рассказ, чтобы в нем содержалась всей моей жизни мудрость. Если такой рассказ расскажешь, я тебя из дворца выпущу, а если нет—в зиндан спущу.

— Я расскажу,—сказал Ахмет-Ахай,—но поймешь ли ты?

— Ты расскажи,—сказал хан,—мне прямо в уши. Я постараюсь головой рассказ поймать, а если убежит он от меня, тебя пошлю за ним.

Ахмет-Ахай говорит:

— Ну, вот, слушай. Я видел десять коз, которые играют в яру, и двадцать жеребцов, которые восходят по горной дороге, и тридцать лошадей, бегущих по ровному пути, и сорок львов, кричащих в пустыне, и пятьдесят тигров яростных в лесу, и шестьдесят седых лошадей, спускающихся с крутого косогора, и семьдесят стреноженных коней, не желающих спускаться вниз, и восемьдесят безногих лошадей, валяющихся у пройденной дороги,

и девяносто воробьев, не имеющих желания летать, и сто яиц, прокатившихся по разным дорогам. Этим, шах-иншах, я кончил рассказ. Но понятен ли он тебе, властитель?

Хан сказал:

— Смотри, Ахмет-Ахай, если в твоём рассказе смысла не окажется, я уничтожу тебя.

И Ахмет-Ахаю для спасения своей жизни приходится растолковать смысл рассказа. И так говорит Ахмет-Ахай:

— Десять коз моего рассказа означают, что до десяти лет ты, хан, мальчиком, как коза, прыгал над черной бездной. Двадцать жеребцов моих означают, что, когда тебе было двадцать лет, ты силу имел, подобно жеребцу, который мчится стремительно, как жизнь. Тридцать лошадей моего рассказа означают, что когда тебе было тридцать лет, ты, как лошадь, прямо и уверенно таскал свою ношу. Когда тебе было сорок лет, ты был силен, как лев. В пятьдесят—ты был яростен, как тигр. В шестьдесят ты будешь сед. В семьдесят лет ты, старик, будешь уже на трех ногах—с палкой. В восемьдесят лет твои ноги не будут действовать. А когда девяносто лет станет, бессилён ты будешь, как воробей. А когда сто лет тебе исполнится, как яичко, ты укачишься из мира.

Хан говорит:

— Ты сказал обо мне, теперь о себе скажи.

Ахмет-Ахай сказал:

— Из бури горной я родился, с горы высокой вниз скатился, во дворце я очутился. С шуткой к хану обратился, гнев твой смехом раскатился. О хан! Как-то спал я в своем шалаше на горе Бойке, и приснился мне прекрасный сон. Семь ночей подряд кушал я один гранат, тысячу зернышек из него выбрал, каждое зернышко сосал тысячу дней. Что этот сон означает? Скажи.

— Что этот сон означает? Не знаю,—сказал хан.

— Что этот сон означает, не знаешь? Ну, тогда слушай, властелин. Сам свой сон объяснять буду. Гранатовая кожура—гранатовым зернышкам дом. Гранат на бочонок похож, зернышко на червонец похоже. Бочка золота у меня во сне была. Если бы граната не трогал, большое богатство я бы имел. Но я скушал свое богатство во сне. Тысячу лет кушал, не заметил, как время прошло. Тысячу дней шутить буду, не замечу, как жизнь пройдет. Но под

черной землей лежать не буду. Когда исчезну, заплачет обо мне единственном мой козел единственный.

И надумал хан Ахмет-Ахая проверить—действительно ли ему такой сон снился или он это только говорит?

В то место, где Ахмет-Ахаю это снилось, послал хан своих людей.

Копали они землю долго-долго.

Много ли копали, мало ли копали, один большой куп выкопали.

Но куп этот оказался полон козьего навоза.

Узнав об этом, хан сильно разгневался на Ахмет-Ахая. Сейчас же велел его посадить в бочку, до мамашайского берега довести и пустить по морю.

В бочке Ахмет-Ахай поплыл и сказал:

— Бурное море гонит ялик. Жестокий хан посадил меня в ялик. Смех пусть уничтожит тебя, падишах, за этот слезный ялик.

13. О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ СОБИРАЛСЯ ПОПОЛНИТЬ ХАНСКУЮ КАЗНУ

Провинившемуся как-то Ахмет-Ахаю хан сказал: — Ты достоин, негодяй, казни, но, может быть, ты знаешь что-нибудь полезное для моей казны? Если скажешь, я тебя помилюю.

Провинившийся Ахмет-Ахай сказал:

— Я умею уголь превращать в золото. Полезно ли это для твоей казны? Ты говоришь—полезно? Тогда дай мне посуду с водой и уголек. Для пробы мы сейчас сделаем кусочек золота стоимостью в весь твой дворец.

Ханские слуги, по повелению властелина, принесли, что требовалось Ахмет-Ахаю.

— Сейчас я сделаю заклинание и брошу уголь в воду. Шипя и кипя, он превратится в золото, но только при условии, если тот, кто будет держать посуду, не набитый дурак. В противном случае, держащий воду сам превратится в уголь.

Хан морщит лицо и предлагает казнадару подержать

сосуд с водой. Но казнадар, не слишком уверенный в своем разуме, спешит предложить:

— Хан, я думаю, это с достоинством сделает ваш одабаш.

Одабаш в свою очередь делает кислое лицо и спешит заявить, что это выполнит лучше других визирь.

Лицо визиря нагружается страхом, как верблюд ношей. Он касается обеими руками земли и говорит почти-точно властелину:

— Могу ли я, о хан, своими недостойными руками держать вместилище чистейшего и могущественнейшего из всего того, что породила земля. Только твои царственные руки, о властитель людей, могут касаться царя металлов!

Тогда Ахмет-Ахай говорит:

— О, шах-султан, смотри, они все разбежались. Давай не оттягивать дела. Держи сосуд сам.

Хан отвечает:

— Иди ты к шайтану! Я тебя помиловал.

14. О ТОМ, КАК АХМЕТ-АХАЙ ЗАСТАВИЛ ЗВЕНЕТЬ ХАНСКУЮ ГОЛОВУ

Когда умер старый крымский хан, на его место вступил сын его и приказал визирь-азаму сделать памятник, который будет напоминать о его отце. Из гипса сделали фигуру, точь-в-точь похожую на умершего, и поставили ее в ханском саду.

После этого позвал юный хан всех своих визирей, мудрюсов, советников, казнадаров, кадиев, аг, караулов и мулл и всем сказал:

— Вот я вас позвал и спрашиваю, точно ли воспроизводит камень умершего? Находите вы в нем недостатки или считаете, что правильно сделана фигура моего отца, поставленная на вечные времена в этом розовом саду?

Все смотрели и в один голос сказали:

— О, падишах, мы все находим, что точь-в-точь выполнен великого отца вашего облик. Драгоценного его лица в этом мире никто уж теперь не забудет.

Только один Ахмет-Ахай, ханский шахаджи, ответа своего не дал. Он стоял в сторонке и молча рассматривал памятник.

Тогда молодой хан обращается к нему с вопросом: — Ну, а твое мнение, шахаджи?

Ахмет-Ахай, не говоря ни слова, подошел к памятнику и стукнул его по голове. Увидев это, молодой хан рассердился:

— Ты зачем, старый насмешник, бьешь по голове каменную тень моего отца?

— Я сравниваю,—сказал Ахмет-Ахай,—тень твоего отца с тем отцом, который был когда-то у тебя.

— Ну, и что же ты находишь?

— Я нахожу,—отвечает Ахмет-Ахай,—что от щелчка пальцем получается у него внутри звон. Так звучит пустота. Поэтому и я считаю, что визир-азаму удалась его работа.

КАК АХМЕТ-АХАЙ НАШЕЛ

СВОЮ ЮНОСТЬ

алтай-болтай... Турусы на колесах распи-
сывать кто не умеет? Ум имеешь, иметь его
будешь. Ума не имеешь, голова твоя—без-
донный котел. Не шайтан ли у тебя ум за-
брал? И остался шайтан и с хвостом, и с умом, а ты и без
хвоста, и без ума.

Раньше-раньше, матушка моя говорила, шайтан у нас
жил. Бороду большую имел. На базар пошел, бороду
свою продал, молодым красавцем сделался. Шайтана
никто узнать не может. А ведь стар как! Шайтана оставь,
об Ахмет-Ахает слушай.

Уже глубоким стариком прожилвал он со своей ста-
рухой на Ай-петринской яйле, на высокой горе, над темной
впадиной, где рос старый лес с очень толстыми деревьями.
Каждый день спускался Ахмет-Ахай в этот лес, нарезал
ветки и делал веники. Эти веники он таскал на южный
берег продавать на ялтинском базаре.

Старуху его звали Сальгэ. Носила она мараму с бордовым фесом, надевала темносинее платье, перевязанное поясом-платком. Любимым ее занятием было сидеть перед оджахом и варить в маленькой кружечке горькое кофе для своего бедного старика.

Но сколько ни трудился Ахмет-Ахай, зарабатывал жалкие гроши. Так и звали его—фухаре-Ахмет—бедняк Ахметка, грошевый, бедный человек.

Своего единственного маленького барашка с белой звездочкой на черной голове, и то пришлось зарезать Ахмету. Почему? К байраму потребовал у него одну овечью шкуру мулла. Что было делать бедняку? Съел Ахмет-Ахай мясо ягненка—дальше кушать нечего. Много думал, мало думал, решил: люди идут в город, пойду и я, может, чего-нибудь раздобуду.

Чтобы купить, надо сперва продать. Смотрит—продать ему нечего. Ни с чем пошел на базар. Нищий!

Ближе к городу подошел, стал почесывать свою бороду. Что же будет делать с пустыми руками? А борода у него большая. Подумал: «Разве у меня ничего нет? А это что? Неужели не продам?» И тут же отрезал свою бороду, завернул ее в листочек и положил в карман.

Приходит на городской базар. Вот он ходит, ходит по базару, видит—народ продает помидоры, рыбу, фрукты. Достал Ахмет-Ахай из кармана бороду, завернутую в листочек, подошел к самому бородатому старику и показывает ему свою продажную вещь.

— Купи, эфенди.

— Что продаешь?

— А вот эту бороду.

— Полно, милый человек, да разве за это деньги дают?

— Неужели двадцать копеек не стоит?

— Конечно, не стоит,—отвечает бородатый.

— А десять копеек тоже не стоит?

— Конечно, нет.

— Зачем же ты таскаешь с собой эту длинную безделицу?—сказал Ахмет-Ахай и ухватил его за бороду. Старик закричал.

— Жалеешь?—сказал Ахмет-Ахай.—Значит, она что-то стоит? А зачем сказал—ничего не стоит? Ну, ну, властелин базара, покушай мою бороду или отдавай свою.

Тот старик рассмеялся, бороду у Ахмет-Ахая не взял, а двадцать копеек из кармана вынул.

Купил Ахмет-Ахай хлеба и пошел домой.

По дороге он вспомнил, что старуха Сальгэ просила его на обратном пути с базара набрать шишек и дала для этого мешок. Ахмет-Ахай отошел от тропинки в лес и стал собирать шишки.

Приближался вечер. Ахмет-Ахай подумал, что домой засветло не доберется. Вдруг он увидел незнакомую пещеру. Утомленный, зашел он в нее, подложил под голову мешок с шишками и уснул.

Ночь проспал хорошо.

Проснулся рано утром, и захотелось ему пить. Слышит—журчит подземный ручеек в пещере. Подошел к воде, нагнулся и выпил несколько глотков.

Старуха, жена Ахмет-Ахая, долго ждала мужа и была очень испугана, что его все нет и нет. Ночь она проспала, проснулась утром, а его опять нет.

«Что случилось?—думает.—Не заблудился ли?»

Пошла его искать и спустилась с горы в лес.

Идет одна. Густые деревья, тьма. Старуха плачет.

Попадается ей навстречу красивый юноша. Он подпрыгивает и смеется. Старуха останавливает его:

— Не видал ли ты в этом лесу моего старика?

Незнакомый юноша в ответ называет старуху по имени:

— Неужели ты, Сальгэ, не узнаешь своего Ахмет-Ахая? Разве не я тот старик, о котором ты спрашиваешь?

Она не поверила. А когда разглядела на юноше одежду своего старика, испугалась:

— Ты, злодей, погубил моего старика? Как я теперь буду жить одна?

— Да ведь я—Ахмет-Ахай. Почему не узнаешь? Я помолодел. Так слушай. Возвращался я вчера с базара и торопился домой. Подошел к этим местам и вспомнил—ты велела собрать мешок сосновых шишек. Стемнело, а я очень устал. Тут я увидел пещеру, забрался в нее и уснул. Утром захотел пить. Слышу—в пещере журчит вода. Напились я и стал, каким ты меня сейчас видишь.

Присмотрелась старуха, вспомнила Ахмет-Ахая молодого и узнала его.

— Куда же ты теперь меня денешь?—спрашивает Сальгэ молодого и веселого Ахмет-Ахая, а сама плачет.

— Не горюй, дорогая,—говорит ей муж.—Я тебе объясню, где находится пещера, в которой я сумел подновить свои старые кости и сбросить с плеч полсотни лет.

Старуха Сальгэ бросилась со всех ног к пещере.

Нашла пещеру. Увидела холодный ключ. Кинулась жадно пить и выпила много. Тут же свалилась и уснула.

Молодой Ахмет-Ахай долго ждал ее возвращения. Час прошел, другой—жены все нет. Он прождал ее всю ночь, она не возвращается. Пошел ее искать.

Подходя к пещере, Ахмет-Ахай услышал младенческий плач. Вошел. Видит, у ключа—одежда старухи, а на одежде лежит и плачет маленькая девочка месяцев шести.

Рассмотрев ребенка, Ахмет-Ахай узнал в нем свою жену Сальгэ. Пожадничала старая. Еще бы немного глотнула, и совсем бы ее не было.

Надел Ахмет-Ахай красные шаровары, красную феску и чарыки он выкрасил красной краской и ходит среди людей. Пойдет к берегу, на скалу взойдет, свесит в море ноги, смотрит на свое отражение в воде и любит свою вечную юность. От берега отойдет Ахмет-Ахай, опять в родную деревню придет. Терджуманом стал, приезжим людям переводит на их языки наши старинные татарские сказки.

СЛОВАРЬ

- А б д е с т—религиозное омовение перед молитвой.
 А г а—господин, барин, начальник.
 А д ж е м и с т а н—Иран.
 А д ж и, х а д ж и—мусульманский паломник, совершивший паломничество в Мекку. Аджи-баба—отец паломник.
 А ж д а г а—мифическое чудовище, дракон.
 А з и з—святой.
 А з р а и л—ангел смерти.
 А з р е т а л и—святой Али, зять пророка Мухамеда.
 А з р е т а н х а—гигантская мифическая птица, феникс.
 А й д а! Ч у ф т! Ф ю!—слова, которыми погоняют волов.
 А й м а н—деревянная кружка.
 А к - м е ч е т ь—старое название города Симферополя.
 А к - Я р, А х и я р, А к и е р—старое название города Севастополя.
 А л е м—полумесец на мечети.
 А л л а х э к б е р—велик бог.
 А н а—мать, матушка, мама.
 А р а б а д ж и—возчик.
 А р а д а б у л—ара да бул—ищи и найдешь. Так Ахмет-Ахай называет порой свою родную деревню Озенбаш.
 А р а ф—полка.
 А р м а н—гумно, ток.
 А р х а д а ш—товарищ. А р х а д а ш л а р—товарищи.
 А ф и е т о л с у н—приятного аппетита.
 А х и з—эй, девушка.
 Б а з ы р г я н—купец.
 Б а й р а м—религиозный праздник.
 Б а к л а в а—восточная сладость, род пирожного с медом и миндалем.
 Б а с а в к а́—босьяк, бродяга.
 Б а т м а н—старая восточная мера веса, различна в разных странах. В Крыму—25 фунтов.
 Б е й—то же, что и бай (старая форма: бек), князь.
 Б е й л и к—княжество.
 Б е й н а м а з—безбожник.
 Б е к м е з—вываренный до густоты меда фруктовый сок.

Б е с м е л е, б и с м и л л а х — «во имя аллаха милостивого, милосердного» — религиозная формула, произносимая мусульманами перед началом всякого дела.
 Б о г а з — тропа в горах между вершинами.
 Б ь ю к - б у г а — большой бык. Мифическое животное, которое держит на рогах землю. Когда устаёт держать, получается землетрясение.
 Б о з д о р г а н — род груш.
 Б у р у н ч у к — мысочек.
 В а й - в а й - а н а! — ай, ай, маменька!
 В а к у ф — земля или другое имущество, переданное кем-либо религиозному учреждению: мечети, медресе и т. д.
 В е з и р, в и з и р ь — высший государственный чиновник.
 В е з и р - а з а м — великий визирь.
 В е к и л ь — уполномоченный, доверенный.
 В о р а х — овчарка.
 Г а р б и - н а з и р и — военный министр.
 Г е з л е в — старое название города Евпатории.
 Д а л ф е с — феска.
 Д а у л — большой барабан. Даулджи — барабанщик.
 Д е л и - х а я — сумасшедшая скала.
 Д е р в и ш — бродячий, нищенствующий монах.
 Д ж а н а в а р — дикий хищный зверь.
 Д ж е б р а и л — архангел Гавриил.
 Д ж е е н е м — ад.
 Д ж е л л я т — палац.
 Д ж е н а б е т — поганный, гнусный.
 Д ж е н н е т — рай.
 Д ж и н, д ж и н и — дух, бес.
 Д ж и н д ж и — волшебник.
 Д ж у и н — горно-крымский танец.
 Д ж у п п е — длинная широкая верхняя одежда, род халата.
 Д и в а н — государственный совет крымских ханов.
 Д э в, д и в — сказочное существо, гигант. Е д ы - б а ш л ы - д э в — семиголовый дэв. Д э в - к о й — поселение дэвов.
 Д ы н ь с и з — безверный, неверующий.
 Д ы н ь - с л я м — мусульманская вера.
 З и н д а н — подвал, темница, подземная тюрьма.
 И б л и с — мусульманский дьявол.
 И м а м — духовное лицо у мусульман, заведующий мечетью; во время молитвы имам стоит впереди молящихся, которые повторяют его действия и движения.
 И н ш а л л а х — если богу будет угодно.
 И р г а т — батрак.
 И р г а х — 1) чабанская длинная палка с закорючкой для ловли овец, 2) садовая длинная палка с крючком для среза веток.
 И с с а и М у с с а — Иисус и Моисей.
 И ф р и т — демон, злой дух.
 И ф т а р — разговение, вечерняя еда в ночь рамазана.
 И ш а к — осел.
 И ш ю р — десятина, род отчисления мулле.

К а а б а, К е а б е — мусульманское святилище в Мекке, где находится «Черный камень» — главная святыня мусульман. В Мекку совершали паломничество (хадж), после чего получали звание хаджи.
 К а д и, к а д и й — духовное лицо у мусульман, несущее обязанности судьи.
 К а з а н — котел для варки пищи. К а з а н ч и к — маленький казан.
 К а з н а д а р — казначей.
 К а й м а к — сгущенные топлёные сливки.
 К а к а ч — вяленое сушеное мясо.
 К а т л а м а — род лепешки.
 К а т ф р и т — очевидно, то же, что и «ифрит».
 К а т ы к — кислое овечьё молоко.
 К а у к — старинный головной убор.
 К а у р м а — род жаркого. Одно из любимых блюд крымских татар.
 К е б а б — жаркое, шашлык.
 К е р а т а — рога носец, сводник, скотина.
 К е ф е д ж и — хозяин кофейни.
 К и з и л ч и х л ы к — кизиловая роца.
 К и л и м — коврик.
 К о д о л а к — двухколеска.
 К о к и я — обрывистая к морю гора в Крыму, вблизи Балаклавы.
 К о л ь м е к — род верхней одежды.
 К о м е ч — род лепешки.
 К о р а н — священная книга мусульман.
 К о ш, к о ш а р а — чабанский шалаш.
 К о н д ж о л а к с, к о н д ж о л о с, к а н ч а л а с — мифическое существо, обитающее то в очаге, то в бездне и т. д.
 К о с е — безбородый хитрец. Обычная в восточных сказках личность.
 К у м у ш — рубль.
 К у п — большой глиняный кувшин с узким горлом.
 К у р а б ь е — пирожное.
 К у р б а н — жертва аллаху. К у р б а н - б а й р а м — мусульманский религиозный праздник жертв.
 К я ф и р — неверный, гяур.
 Л у к м а н - х е к и м — легендарный мудрец и врач в многочисленных восточных сказках, знающий целительные свойства трав, также волшебник.
 М а ж а р д ж и — строитель мажар.
 М а д ж у р — бродячий торговец.
 М а й д а н — круглая площадь на базаре.
 М а р а м а — чадра.
 М а с а л — сказка.
 М а с к а р а — шут.
 М а х к е м е — м е х к е м е — судилище, суд.
 М е д ж л и с — государственный совет.
 М е д р е с е — высшее религиозное училище.

Мектеб—начальная школа.
Мелек—ангел.
Менбер—возвышение в мечети, род кафедры, с которой говорят религиозные проповеди.
Мераба—здравствуй.
Меселе—загадка.
Минарет—высокая башня при мечети, с которой муэдзин призывает мусульман на молитву.
Миндер—длинная подушка или тюфяк для сидения.
Михраб—ниша в мечети, куда молящиеся обращаются лицом.
Мудрюс—мудрец.
Мурза, мурзак—помещик, дворянин.
Муфтий—ученый богослов, толкователь корана.
Муэдзин—младший служитель при мечети, возвещающий с минарета час молитвы.
Намаз—молитва, совершается пять раз в день.
Намус—честь.
Нарден—род фруктового сиропа.
Оглан—юноша.
Одбаш—хозяин дома, управляющий хозяйством.
Оджа—учитель.
Оджах—очаг, род камина.
Озенбаш—деревня в крымских горах, в Куйбышевском районе, где, по преданию, жил знаменитый народный герой Ахмет-Ахай. **Бьюк Озенбаш**—Большой Озенбаш. **Кучук Озенбаш**—Малый Озенбаш.
Ок—стрела, также лук.
Ока, окка—старая мера веса, равна 3 фунтам.
Окумуш-адам—ученый муж, грамотей.
Ольмуш-шегер—мертвый город.
Онлама—один из видов отчисления мулле.
Ор—старое название города Перекопа.
Надишах—государь.
Пара—деньги, мелкая монета.
Пейгамбер—обозначение великого пророка Мухамеда.
Пельван—богатырь.
Пезевек—негодяй, мерзавец.
Пешкир—полотенце, салфетка.
Пчак—нож, небольшой кинжал.
Рамазан—девятый месяц мусульманского лунного года, который магометане проводят в строжайшем посте от восхода до заката солнца.
Саарма—голубцы в виноградных листьях.
Сарык—головная повязка вокруг фески.
Селям-привет. Селям-алейкум—мир вам.
Сепет—ручная корзинка.
Сераль—дворец. **Сераль-агасы**—начальник дворца, главный евнух.
Скулиер—льняной посев.
Софра—низенький круглый столик.

Судолаб—небольшая комматка для мытья, в виде стенового шкафа.
Сунна—один из источников мусульманского вероучения, предания о Мухамеде.
Сура—глава в коране.
Табут—похоронные носилки.
Талисманджи—знахарь, чудесник.
Тарел—талер, рубль.
Тарпа—наплечная корзина.
Тас-чабан—лысый пастух.
Таус-хуш—павлин птица.
Таушан—заяц.
Тахта—мягкая кушетка с подушками.
Ташхан—каменный постоянный двор.
Таях—палка.
Телял—глашатай, бирюч; объявляет на рынках и улицах о распоряжениях правительства и о продажах.
Темджид, темчит—ночная еда под утро во время поста.
Терджуман—переводчик.
Тильки—лисица, лис.
Тленджи—нищий.
Тукал—лавка, магазин.
Тулум—бурдюк.
Тулуп-зурна—музыкальный инструмент.
Ураза—пост.
Урум—грек.
Фериманшегер—сказочный город, заменяет, очевидно, Бахчисарай.
Фирман—указ хана.
Френк—иностранец. **Френк-алтыны**—клад, золото френков.
Хавал, ховал—свирель.
Хадж—мусульманский обряд паломничества в Мекку. **Хаджи**—совершивший паломничество в Мекку.
Хазак—русский.
Хайтарма—излюбленный танец крымских татар.
Халпах—баранья шапка.
Хамам—баня.
Ханым—госпожа, дама.
Хардашчигим—братишка, братан.
Харт-баба—старый дед.
Хапуагасы—привратник.
Хатип—проповедник в мечети, высокое духовное лицо.
Хафез—клетка.
Хошкельдице—добро пожаловать.
Хурджум—двойной мешок, переметная сумка.
Чабан, чобан—пастух.
Чаир—отгороженное уголье (сенокос, сад, огород и т. п.) в горах.
Чапчак—ладка.

Ч а р ы к—крестьянская обувь, сделанная из куска сыромятной бычьей кожи.

Ч е б у р е к и—пирожки из неквашеного теста на бараньем сале с начинкой из баранины.

Ч е к м е н ь—верхняя мужская одежда из грубого сукна с начесом.

Ч о к р а к—источник.

Ч о р т - А х а й—дядюшка-чорт.

Ш а и р—поэт.

Ш а й т а н—дьявол, сатана.

Ш а л ь в а р ы—шаровары.

Ш а р и а т—религиозное право.

Ш а р ш а ф—покрывало, простыня.

Ш а х а д ж и—шут.

Ш а х - и н - ш а х—царь царей.

Ш а ш х и н—ошалелый, дурачок.

Ш е р е ф е—балкончик минарета, с которого муэдзин призывает на молитву.

Ш и ш к а н—опухоль.

Ш о р б а—суп, похлебка.

Ш о р б а д ж и—хозяин.

Э з а н—призыв муэдзина к молитве с высоты минарета.

Э й в а х!—увы!

Э й л и к—пир.

Э ф е н д и—вежливое обращение, соответствует слову «господин».

Э ф т а р—см. И ф т а р.

Ю з б а ш и—сотник.

Я л а н д ж и—обманщик.

Я с а к—подать.

Я х ш и—хорошо.

Я ш - о г л а н—молодой человек.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3	Мешок орехов, бог и соловей	60
От автора	12	Священные капли дождя	65
Сказка о жестоком хозяине Косебае и о чабане Ахмет-Ахае, назвавшемся Сумасшедшей скалой	15	Отравленная сладость	66
Святой мешок муллы	29	Луна, колодец и две тынвы	67
Как над Озенбашем летела свинья	30	Как Ахмет-Ахай бекмез варил	69
Как Ахмет-Ахай отодвинул ураау	33	Бочка бекмеза в степи	71
О чем думал мулла-эффенди на молитве?	34	Станный ужин или сон муллы	73
О том, как Ахмет-Ахай утолил свою жажду	35	О молитвах муллы и о трудах Ахмет-Ахая	76
Как в Озенбаше искали луну	37	Веселый неабываемый совет Осел, софра и молоток	77
Как Ахмет-Ахай готовился к курбанному дню	41	Почему в Озенбаше не выросла соль?	84
Как Ахмет-Ахай возвратил народу шкуры жертвенных овец	42	Бездонная бочка	87
Сила горного ветра	43	Ахмет, мулла и Джинн	89
Как Ахмет-Ахай спас курбанную шкуру	44	Как Ахмет-Ахай сделал муллу мудрым	92
Как Ахмет-Ахай продавал мулле ворона	46	Как Ахмет-Ахай азизом был	94
Как Ахмет-Ахай погубил рамазан	48	Как Ахмет-Ахай обучил муллу русскому языку	97
Как Ахмет-Ахай продавал мешок счастья	49	Медовый источник	98
Курбан из камсы	50	Как Ахмет-Ахай муллой был	100
Зубочистка Ахмет-Ахая	53	Вода и упрямство	104
Мулла-ишак	55	Исчезнувшие опцы	105
Ахмет и мулла под ореховым деревом	59	Мыльные пузыри	107
		Хвост бычка	109
		О благах базара или о том, как Ахмет-Ахай выменял верблюда на иголку	111
		Где же десятый?	112
		Как Ахмет-Ахай верным слугой был	115
		Как Ахмет-Ахай покупал веру для муллы	116

Сказка о жадном Аджки-бабе и о ловком бедняке Ахмет-Ахае	118
О том, как Ахмет-Ахай пристыдил аллаха	131
О превращениях сердца Ахмет-Ахая	132
Корова и вуст	133
Почему бессмертен Ахмет-Ахай?	134
Сапоги ученого мужа	136
Как Ахмет-Ахай покупал себе ярмо	137
Сказка о бестенном доме и о бестелесном воре	139
Долг и вечность	143
Разговоры в бутылках	144
О том, как Ахмет-Ахай искал своего осла	149
Мудрость Ахмет-ахаевой палки	156
Звон густого пара	157
О том, как от Ахмет-Ахая убежал четверг	158
Как Ахмет-Ахай искал щепотку соли	161
Дом на колесах	164
Ахмет-Ахай теряет горе	166
Как Ахмет-Ахай переселился в пещеру	169
Путешествие Ахмет-Ахая из Овенбаша в мир иной	171
Безумный день Ахмет-Ахая	179
Сказка о седом петухе Ахмет-Ахая	180
Как Ахмет-Ахай поймал в лесу шубу и что из этого получилось	187
Как ссорился Ахмет-Ахай с женой	193
Луна, кофейня и сливовое дерево	195
Убегающий долг	197
Голод и мешок	198
Как Ахмет-Ахай искал свою беду	200
Как Ахмет-Ахай разоблачал бахчисарайского надия	206
Сераль и кош	219
О том, как рассыпалось солнце	221

Об одноголовом Ахмет-Ахае и семиголовом Даве	226
Как погибло чудовище	236
Ахмет-Ахай и ханский пес	239
Горсть обманов	241
О том, как Ахмет-Ахай шутил с морем	250
О том, как Ахмет-Ахай был гадальщиком	256
Ахмет-Ахай — уборщик ханской грусти	259
1. О том, как Ахмет-Ахай пообещал хану мешок смеха за бочку слез	259
2. О том, как маскара пристыдил падишаха	263
3. О том, как ханский шут стал к тому же и счетоводом	264
4. О том, как испуг рождает чудо	265
5. О том, как шут чуть было не разменял всю ханскую казну на чебуреки	266
6. Шутки однаха	267
7. О том, как привыкал Ахмет-Ахай к ханскому гневу	268
8. О том, как Ахмет-Ахай принес хану два платка земли с Белой горы	271
9. О том, как Ахмет-Ахай брил своего повелителя	272
10. О чем рассказал людям и хану колодец из сказки Ахмет-Ахая	273
11. О том, как Ахмет-Ахай потерял две редьки, и что из этого вышло	275
12. О том, как Ахмет-Ахай пересел с возла в ялик	278
13. О том, как Ахмет-Ахай собирался пополнить ханскую казну	280
14. О том, как Ахмет-Ахай заставил звенеть ханскую голову	281
Как Ахмет-Ахай нашел свою юность	283
Словарь	287

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников изд-во просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, Б. Гнезниковский пер., д. 10, изд-во «Советский писатель».

20

Ответств. редактор М. Чечановский
Технич. редактор Н. Греймер
Корректор Л. Фарисеева

☆

Тир. 10 тыс. экз. А31333. СП № 240
Сдана в производство 2 января
1940 г. Подписана в печати
11 сентября 1940 г.

☆

Количество печатн. листов 18 $\frac{1}{2}$.
Учет.-издат. листов 14,5.

☆

Колич. печатн. знаков
в листе 36560.
Бумага 82 × 110
с/м¹/₃₂. Заказ 20

☆

16-я тип. треста «Поли-
графнига», Москва,
Трехпрудный, 9.

☆

Цена 8 р.
Переп. 2 р.